

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

21 2026
ЧАСТЬ VII

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Грегори Хаус* (1959), главный герой американского телесериала «Доктор Хаус», роль которого исполняет британский актер Хью Лори.

Доктор Грегори Хаус — циничный и язвительный тип, который терпеть не может общаться с пациентами, старательно «косит» от работы и говорит гадости. При этом он лучший диагност в больнице, к нему обращаются в сложных и непонятных случаях. Работает Хаус с командой врачей, которых подбирает, руководствуясь своеобразными критериями. Доктора Формана, афроамериканца, Хаус нанял за юношескую судимость, которую посчитал признаком готовности к действию, Кэмерон — за внешнюю красоту, а Чейза — потому что Хаусу позволили и попросили об этом.

Образ Хауса создатели сериала выстроили на ассоциациях с Шерлоком Холмсом. Даже фамилия героя — Хаус (от house — дом) вызывает прямые ассоциации с фамилией Холмс (Holmes звучит как «хоумс», «дома» по-английски). Как и у великого сыщика, у Хауса есть верный друг и спутник доктор Уилсон, чья фамилия также наводит на ассоциации с Ватсоном. Даже адреса, где живут герои, совпадают почти полностью. Знаменитый дом Шерлока Холмса находится в Лондоне, на Бейкер-стрит, 221Б. Доктор Хаус тоже живет на Бейкер-стрит, 221, квартира Б, но в Принстоне, штат Нью-Джерси. Больше того, Хаус и доктор Уилсон занимают одну квартиру и живут в соседних комнатах, как Холмс и доктор Ватсон.

Сходство с Холмсом этим не ограничивается. Герой Конан Дойля употребляет наркотики внутривенно, когда мучается скукой из-за длительного отсутствия работы. Хаус «сидит» на обезболивающем, в состав которого входит опиат. Доктор Хаус принимает этот препарат вынужденно, а не из прихоти. Как и Холмс, доктор использует дедуктивный метод и элементы расследования, чтобы поставить диагноз. Коллеги доктора обыскивают дома пациентов в поисках улик, как если бы это было местом преступления, а сам Хаус интересуется только экстраординарными, сложными медицинскими случаями и часто впадает в скуку из-за простой и рутинной работы.

Холмс играл на скрипке, Хаус же играет на фортепиано, гитаре и губной гармошке. Он так же, как и знаменитый детектив, бесцеремонно относится к людям. Часто доктор не только ставит диагнозы, используя дедуктивный метод, но и выдает нечто о личной жизни и обстоятельствах больного. К примеру, сообщает человеку, что тому изменяет жена.

В жизни Хауса промелькнул и Мориарти. Человек с такой фамилией стрелял в доктора в заключительном эпизоде второго сезона. А в одиннадцатом эпизоде пятого сезона друг Хауса, доктор Уилсон, рассказывает байку (выдуманную) о некой Ирен Адлер, в которую Хаус якобы был влюблен, а та бросила доктора.

Хаус страдает из-за своей хромоты и ходит с тростью. Это не мешает герою отпускать злые шуточки в адрес других «калек». Герой постоянно пытается избежать

встречи с пациентами, старается провести день в кабинете и улизнуть из больницы, как только рабочий день заканчивается. При этом Хаус — отличный специалист, который готов рисковать и принимать ответственность, когда берется лечить сложные случаи. Герой начинает лечение часто на ходу, не дожидаясь дополнительного подтверждения предварительно поставленного диагноза (на это обычно нет времени).

Хаус избегает надевать медицинский халат, чтобы пациенты не идентифицировали его как врача и не набросились с просьбами о консультации. При этом ему вовсе не безразлична судьба пациентов.

Внешне доктор Хаус выглядит как стареющий мужчина: худой, длинный, «помятый» и небрежный в одежде. Герой любит листать журналы, смотреть медицинские сериалы по телевизору, но когда доходит до дела, Хаус незаменим. Несмотря на хромоту и нелюбовь к работе, герой легко приезжает в клинику ночью, когда в этом действительно есть необходимость. Коллеги Хауса относятся к нему с большим уважением. Директор клиники в беседе с недовольным пациентом открыто называет Хауса мерзавцем, но не может его уволить, потому что этот «мерзавец» — лучший врач в клинике.

Грегори Хаус — блестящий диагност, чьи знания охватывают нефрологию, инфекционные болезни, онкологию, ревматологию и генетику. Его база знаний не ограничивается учебниками: он использует свои познания в физике, химии, истории и токсикологии, мастерски выстраивая логические цепочки.

Хаус совмещает глубокие академические знания с выдающимися практическими навыками.

Он имеет две официальные специализации: инфекционные болезни и нефрология, виртуозно применяет знания из смежных областей, выявляя редкие аутоиммунные патологии, генетические аномалии (например, синдром Элерса — Данлоса) и последствия токсических воздействий.

Самая известная цитата из сериала: «Все врут». Доктор Хаус игнорирует слова пациентов, обращая внимание на каждую деталь их быта, истории болезни и генетики. В сериале Хаус мастерски проводит мозговые штурмы с командой, отсекая неверные гипотезы и проверяя нестандартные патогенетические механизмы.

Несмотря на кинодопущения, когда редкие диагнозы следуют один за другим, образ Хауса стал культовым благодаря его глубокому погружению в суть биологических процессов. Он превращает поиск диагноза в настоящее научное расследование. В реальной медицине его подход часто служит образцом нестандартного мышления, а иногда реальные врачи используют его метод для спасения тяжелых пациентов.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Медведев А. В.

Угон транспортного средства
без цели хищения: проблемы квалификации
и правоприменения 461

Мединская Л. О.

К вопросу о видах ограничений права
собственности и их отражении в судебной
практике 463

Мощинская К. Н.

Некоторые особенности корпоративных
споров, выявленные на основе анализа
практики Верховного Суда Российской
Федерации 467

Насырьянова Д. Д., Чепик А. А.

Налоговые льготы как инструмент
стимулирования предпринимательской
деятельности: финансово-правовой аспект ... 469

Никитин А. Н.

Информационные посредники как субъекты
охраны авторских прав: проблемы
правоприменения 472

Никишов Д. В.

Особенности процесса исполнения судебных
решений в Российской Империи в результате
реформ Александра II 474

Новикова Н. П.

Особенности первоначального этапа
расследования неправомерных действий
при банкротстве 477

Овдей С. Б.

Судебная автороведческая экспертиза 480

Овдей С. Б.

Юридическая квалификация фейковой
информации: проблемы и перспективы 483

Персичкина А. А.

Некоторые проблемы неисполнения
договорного обязательства в гражданском
праве Российской Федерации 485

Петухова В. В.

Органы внутренних дел в системе
правоохранительных органов 488

Петухова Д. В.

Вопросы правового регулирования
использования персональных данных
искусственным интеллектом 490

Писаренко Е. О.

Психологические особенности личности
потерпевшего от насильственных
преступлений 493

Поваляева Ю. И.

Коллизия медицинского
и косметологического статусов: кризис
идентификации в праве. Проблема
разграничения понятий «медицинская
услуга» и «косметическая услуга» 496

Поваляева Ю. И.

Конкуренция юрисдикций
при квалификации деятельности «серого»
косметолога 499

Подберезкий В. А.

Анализ современного состояния
государственной кадастровой оценки
земельных участков 501

Пузин И. Е.

Особенности оборота земельных участков
в границах особо охраняемых природных
территорий федерального значения 503

Радцевич Д. Н.

Особенности судебного заседания
при рассмотрении уголовного дела
в отношении несовершеннолетнего 505

Рзаев С. З.

Принцип независимости судей военных
судов: особенности реализации в системе
судебной власти Российской Федерации 507

Рубцов О. Г.

Актуальные проблемы правового
регулирования информационной
обязанности владельца агрегатора
по доведению сведений о продавце
при дистанционной торговле 511

Руднева Е. А.

Оценка относимости,
допустимости, достоверности
и достаточности доказательств 513

Ручкина Д. С., Цыцова А. А., Ядрина Л. А.

Назначение производства в суде
кассационной инстанции в системе проверки
судебных решений 515

Рыбасова А. В.

Кибертерроризм и СМИ:
двойственная роль медиа в распространении
идеологии террора 517

Сигалаев Д. В.

Проблемы квалификации коррупционных
правонарушений в российском праве 520

Снисарь Ю. В.

Конституционно-правовое регулирование
и практика реализации молодежной
политики в Российской Федерации 523

Стругова Е. Д.

Проблемы применения норм,
регулирующих договор купли-продажи,
в судебной практике 526

Сурчилов В. В.

Правовые основы национальной
безопасности Российской Федерации 529

Сычева Н. Л.

Формы защиты прав корпорации 531

Тарантов Д. Н.

Современное состояние судебного
правоприменения и проблемы определения
размера взыскания субсидиарной
ответственности контролирующих должника
лиц 534

Троицкий В. В.

Становление и принципы уголовного
судопроизводства в России 537

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Угон транспортного средства без цели хищения: проблемы квалификации и правоприменения

Медведев Алексей Витальевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье осуществляется комплексный уголовно-правовой анализ угона транспортного средства без цели хищения, предусмотренного статьей 166 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследуются объективные и субъективные признаки состава преступления, его многообъектный характер, а также проблемы квалификации и разграничения угона со смежными составами преступлений. Особое внимание уделяется роли цели как конструктивного признака состава угона и анализу посткриминального поведения виновного при установлении отсутствия цели хищения. На основе обобщения доктринальных подходов и судебной практики формулируются авторские предложения, направленные на повышение единообразия правоприменения и совершенствование уголовно-правовой оценки неправомерного завладения транспортными средствами.

Ключевые слова: угон транспортного средства, статья 166 УК РФ, неправомерное завладение, цель хищения, квалификация преступлений, субъективная сторона преступления, судебная практика.

Unlawful taking of a vehicle without intent to steal: problems of legal qualification and law enforcement

Medvedev Alexey Vitalievich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article provides a comprehensive criminal law analysis of unlawful taking of a vehicle without the intent to steal as regulated by Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study examines the objective and subjective elements of this offence, its multi-object nature, as well as the problems of legal qualification and differentiation from related criminal offences. Special attention is paid to the role of intent as a constitutive element of the offence and to the assessment of post-criminal behaviour of the offender when determining the absence of intent to steal. Based on the analysis of doctrinal approaches and judicial practice, the author formulates proposals aimed at improving uniformity of law enforcement and enhancing the criminal law assessment of unlawful vehicle taking.

Keywords: unlawful taking of a vehicle, Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation, unauthorized possession, intent to steal, qualification of crimes, subjective elements of crime, judicial practice.

Угон транспортного средства без цели хищения занимает особое место в системе преступлений против собственности и общественной безопасности. Законодатель, выделяя данное деяние в самостоятельный состав преступления, исходит из повышенной общественной опасности неправомерного завладения транспортным средством, связанной с угрозой безопасности дорожного движения, жизни и здоровью граждан.

Исторически уголовная ответственность за угон формировалась в отечественном праве как реакция на массовое распространение случаев временного непра-

вомерного использования транспортных средств, не охватываемых понятием хищения. Впервые самостоятельное закрепление угона получил в УК РСФСР 1960 года, а в действующем УК РФ данная конструкция получила дальнейшее развитие в статье 166 [1].

Объективная сторона угона выражается в неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения. При этом под завладением понимается фактическое установление контроля над транспортным средством и возможность его использования по усмотрению виновного. Существенным является то обстоятельство, что со-

став преступления считается оконченным с момента начала движения транспортного средства либо установления реальной возможности такого движения, независимо от продолжительности использования.

Следует отметить, что объект угона транспортного средства носит сложный, многоуровневый характер. Наряду с отношениями собственности, обеспечивающими право владения, пользования и распоряжения транспортным средством, непосредственным объектом посягательства выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность эксплуатации источников повышенной опасности. Именно этим обстоятельством обусловлена повышенная общественная опасность угона по сравнению с иными формами неправомерного завладения имуществом. Предметом преступления являются механические транспортные средства, предназначенные для перевозки людей или грузов, что исключает возможность квалификации по статье 166 УК РФ в отношении немеханических средств передвижения [2].

В доктрине и правоприменительной практике сохраняется дискуссия относительно объема понятия «транспортное средство» в контексте статьи 166 УК РФ. Развитие технических средств передвижения, в том числе появление электросамокатов, гироскутеров и иных индивидуальных средств мобильности, обостряет проблему уголовно-правовой оценки неправомерного завладения такими объектами. Отсутствие у них признаков механического транспортного средства в традиционном понимании затрудняет их включение в предмет угона и требует либо расширительного толкования закона, либо выработки специальных разъяснений со стороны высших судебных инстанций, что имеет существенное значение для обеспечения принципа законности [3].

Ключевым конструктивным признаком рассматриваемого состава является отсутствие цели хищения. Именно данный признак позволяет отграничить угон от кражи, грабежа и разбоя. В доктрине уголовного права цель хищения традиционно связывается с намерением обратить чужое имущество в свою пользу или пользу третьих лиц на постоянной основе. При угоне же виновный, как правило, преследует иные цели: временное использование, поездку, сокрытие с места преступления либо демонстрацию пренебрежения к праву собственности.

Субъективная сторона угона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает неправомерность завладения транспортным средством и желает его временного использования без согласия собственника или законного владельца. Вопрос о мотивах угона не влияет на квалификацию, однако имеет значение при назначении наказания. Вместе с тем в правоприменительной практике нередко возникают сложности при доказывании отсутствия цели хищения, особенно в случаях повреждения транспортного средства или его длительного использования.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки угона транспортного средства, предусмотренные частями 2–4 статьи 166 УК РФ, направлены на дифферен-

циацию уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния. Так, совершение угона группой лиц по предварительному сговору либо с применением насилия свидетельствует о повышенной опасности способа совершения преступления. При этом использование насилия опасного для жизни или здоровья фактически сближает угон с насильственными преступлениями против личности, что обоснованно отражается в санкциях уголовного закона. В научной литературе справедливо подчеркивается, что усиление ответственности в данном случае обусловлено не посягательством на собственность как таковую, а угрозой общественной безопасности [4].

Анализ судебной практики показывает, что одной из наиболее распространенных ошибок является формальный подход к установлению субъективной стороны преступления. В ряде случаев суды необоснованно квалифицируют деяние по статье 166 УК РФ при наличии признаков хищения, либо, напротив, усматривают кражу при очевидном отсутствии намерения на присвоение транспортного средства. Это свидетельствует о необходимости более четкого разъяснения критериев разграничения указанных составов на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Отдельного внимания заслуживает разграничение угона транспортного средства и самоуправства. В отличие от угона, самоуправство предполагает наличие у лица действительного или предполагаемого права на имущество, реализуемого с нарушением установленного порядка. В случаях, когда лицо неправомерно использует транспортное средство, полагая, что обладает правом на его временное использование (например, при служебных или семейных отношениях), квалификация по статье 166 УК РФ должна исключаться. Неправильное игнорирование данного обстоятельства приводит к необоснованной криминализации деяний, не обладающих характерной для угона степенью общественной опасности [5].

С криминологической точки зрения угон транспортного средства без цели хищения нередко носит ситуативный и импульсивный характер. Значительная часть таких преступлений совершается молодыми лицами, в том числе несовершеннолетними, под воздействием алкогольного опьянения либо в целях кратковременного самоутверждения. Указанные особенности личности виновных подтверждают, что угон во многих случаях не связан с устойчивой корыстной мотивацией, что дополнительно обосновывает самостоятельный уголовно-правовой характер данного состава преступления и необходимость акцента на превентивных мерах уголовно-правового воздействия.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что угон транспортного средства без цели хищения представляет собой самостоятельный уголовно-правовой состав, обусловленный не только посягательством на отношения собственности, но и угрозой общественной безопасности, связанной с эксплуатацией источника по-

вышенной опасности. Конструктивный признак отсутствия цели хищения требует углубленной оценки и не может устанавливаться формально, исключительно на основании показаний виновного или факта последующего возврата транспортного средства. Обосновано, что при квалификации деяния решающее значение должна иметь совокупность объективных и субъективных признаков, включая способ завладения, продолжительность и характер использования транспортного средства, а также посткриминальное поведение лица.

Представляется целесообразным развитие единообразных подходов к толкованию статьи 166 УК РФ, в том числе посредством уточнения разъяснений Пленума

Верховного Суда Российской Федерации, направленных на разграничение угона и смежных составов преступлений. В условиях появления новых видов транспортных средств и трансформации способов их использования особую актуальность приобретает проблема определения предмета угона, что свидетельствует о необходимости дальнейшего научного осмысления и возможной корректировки уголовного законодательства. Сформулированные в статье выводы могут быть использованы в правоприменительной деятельности, а также при дальнейшем развитии уголовно-правовой доктрины, посвященной преступлениям против собственности и общественной безопасности.

Литература:

1. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова. — Москва: Юрайт, 2023. — 640 с.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2023. — 784 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Рарога. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2022. — 912 с.
4. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам: монография. — 3-е изд., перераб. — Москва: Проспект, 2021. — 304 с.
5. Алвртян Ж. А. Проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Общество и право. — 2011. — № 4 (36). — С. 180–182. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-i-kvalifikatsii-nepravomernogo-zavladieniya-avtomobilem-ili-inym-transportnym-sredstvom-bez> (дата обращения: 18.05.2026).

К вопросу о видах ограничений права собственности и их отражении в судебной практике

Мединская Любовь Олеговна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Эффективность осуществления права собственности связана в том числе с тем, насколько удачно выстроена законодательная регламентация ограничений права собственности. В представленной статье автор на конкретных примерах из судебной практики демонстрирует цели установления ограничений права собственности и предпринимает попытку выделить отдельные виды ограничений.

Ключевые слова: право собственности, ограничение права собственности, вещное право, субъективное право, экологическая безопасность, культурно-историческое наследие.

Право собственности нельзя охарактеризовать как абсолютно свободное. Ограничения права собственности — необходимый инструмент для поддержания правопорядка в любом государстве в любую эпоху. Установление ограничений права собственности является необходимым не только в целях достижения общего блага, общей справедливости, но и в целях осуществления блага каждого. Г. Ф. Шершеневич по этому поводу отмечал, что «при том обширном правомочии, которое дается собственнику, можно опасаться, что осуществление

права, ничем не стесненного, способно отразиться весьма вредно на интересах прочих членов того же общества, на интересах самого общества» [14, с. 229].

Признавая значение ограничений для поддержания справедливого правопорядка, некоторые ученые включают указание на ограничения права собственности в дефиниции субъективного права собственности. Так, Л. В. Щенникова, определяя права собственности, указывает, что обладатель права собственности имеет возможность «совершать в отношении вещи любые действия,

при этом руководствуясь требованиями закона, частными (других лиц) и публичными интересами, направленными на развитие экономики страны, обеспечение ее безопасности, сохранения историко-культурного наследия и экологической среды» [15, с. 17].

Ввиду значимости ограничений в механизме осуществления права собственности следует более подробно рассмотреть вопрос о видах ограничений права собственности и об их отражении в судебной практике.

Ограничения права собственности в целях достижения экологического благополучия. Поддержание экологического благополучия и экологической безопасности — один из приоритетов государства. Ограничения осуществления права собственности для поддержания экологической безопасности закреплены в специальных законах, ограничивающих оборот природных ресурсов, таких как Земельный кодекс Российской Федерации (далее — ЗК РФ), Водный кодекс Российской Федерации (далее — ВК РФ), Лесной кодекс Российской Федерации (далее — ЛК РФ), Федеральный Закон № 7-ФЗ от 10.01.2002 «Об охране окружающей среды», Федеральный Закон от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» и многих других. Так, ст. 105 ЗК РФ [1], например, предусматривает особый режим осуществления права собственности в пределах охранных зон особо охраняемых природных территорий. Конкретизируются ограничения осуществления права собственности, установленные с целью поддержания экосистемы таких особо охраняемых территорий, в Федеральном Законе от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [7]. Данный нормативный правовой акт предусматривает режим, согласно которому определенные виды деятельности на данных территориях ограничиваются частично (именно они перечислены в формулировке «допускаются»), а некоторые — полностью. В силу ст. 10 данного закона разрешенное использование данных территорий может разрешать строительство, тогда в положении об особо охраняемой природной территории устанавливаются предельные (максимальные и (или) минимальные) параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства. В целом же застройка запрещена, что подтверждается и судебной практикой. Так, истец ФГБУ «Заповедное Подлеморье» обратился в Баргузинский районный суд Республики Бурятия с иском к физическому лицу о признании строений самовольными постройками и обязанности произвести снос строений.

Истец утверждал, что за ним на праве постоянного (бессрочного) пользования закреплен земельный участок, являющийся землей особо охраняемой природной территорией. На земельном участке располагается территория Забайкальского национального парка. При проведении обследований было обнаружено 2 объекта незавершенного строительства. Размещение данных объектов недвижимости на территории Забайкальского национального парка и нахождение их в частной собственности противоречит требованиям законодательства об охране окружа-

ющей среде. Помимо ФЗ № 33-ФЗ, данная территория подпадает под действие специального Федерального Закона от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» [8] согласно которому на Байкальской природной территории запрещаются или ограничиваются виды деятельности при осуществлении, которых оказывается негативное воздействие на уникальную систему озера Часть 2 ст. 6 данного закона и вовсе предусмотрен запрет на строительство новых хозяйственных объектов на территории без специального положительного заключения государственной экологической экспертизы проектной документации будущих объектов. В связи с тем, что объекты капитального строительства не могут находиться в частной собственности на данной территории, истец просил применить последствия недействительности ничтожных сделок по переходу права собственности на объекты недвижимого имущества и обязать ответчика снести объекты недвижимого имущества. Кроме того, п. 4 ст. 95 ЗК РФ запрещает в границах особо охраняемых зон деятельность, которая может повлечь за собой негативные последствия для окружающей среды. Суд заявленные требования удовлетворил в полном объеме [13].

Ограничениям подвергается и деятельность по пользованию недрами. Порядок регламентируется Закон № 2395-1 «О недрах» [3].

Предоставление недр в пользование оформляется специальным государственным разрешением — лицензией, составленной по установленной форме. В лицензии указываются разрешенные объемы выработки. В случае выявления нарушений на недропользователя может накладываться ответственность в виде штрафа. Так, в г. Чита в результате проверки, проведенной Управлением Росприроднадзора по Республике Саха был составлен акт, в котором описаны нарушения, допущенные ООО «Байдам» при пользовании недрами — были превышены допустимые объемы. Был назначен штраф в размере 27 096 680 рублей в качестве возмещения вреда. Ответчик пытался подать апелляционную жалобу, чтобы оспорить сумму, однако суд не усмотрел ошибок в расчетах и оформлении акта. Четвертый арбитражный апелляционный суд оставил решение первой инстанции без изменений [10].

Ограничения права собственности в целях безопасности населения. Обеспечение безопасности населения — одна из функций государства. Общее понятие «безопасность населения» включает в том числе техническую безопасность. Продемонстрируем допустимые ограничения права собственности в данных целях на примере из судебной практики.

В 2023 г. гражданин обратился с исковым заявлением в Лазаревский районный суд г. Сочи, в котором просил признать наличие реестровой ошибки в ЕГРН о местоположении границ земельного участка. В судебном заседании было установлено, что рядом с земельным участком гражданина находится земельный участок с видом разрешенного использования «Для размещения и эксплуатации объектов железнодорожного транспорта», который

находится в федеральной собственности и предоставляется в аренду ОАО «РЖД». При этом границы земельного участка установлены в соответствии с требованиями земельного законодательства и существуют на местности с 2011 года.

Статья 2 ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» содержит понятие «полоса отвода железных дорог». Это те земельные участки, которые отведены под железнодорожные пути и оборудование для обслуживания последних, а также соседние земельные участки [2]. Границы полосы отвода устанавливаются с учетом норм отвода земельных участков, необходимых для формирования полосы отвода, утверждаемых Министерством транспорта Российской Федерации. Ширина полосы отвода должна соответствовать максимальной величине, необходимой для формирования безопасной зоны. Сокращение установленной полосы отвода железнодорожного транспорта может негативно отразиться на обеспечении безопасности объектов железнодорожного транспорта и пассажиров [9]. Таким образом, в противостоянии интереса собственника и необходимости обеспечения безопасности суд отдал приоритет последнему и отказал истцу в удовлетворении исковых требований.

Следующим ограничением, призванным обеспечить безопасность населения, является расположение на земельном участке зоны охраны объектов электросетевого хозяйства. Именно с ним был связан спор, произошедший в 2024 г. в г. Уссурийске. Истец оспаривал решение администрации Уссурийского городского округа об отказе в предварительном согласовании предоставления земельного участка для ведения садоводства. Стоит отметить, что регламентация разрешенной деятельности в охранных зонах электросетей производится Правилами установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации [4].

Пункт 8 Правил закрепляет перечень действий, категорически запрещенных для осуществления и представляющих угрозу для жизни, здоровья граждан, а также их имущества. Пункт 10 устанавливает обязательное условие для размещения зданий и сооружений — отсутствие препятствий для подхода к объекту электросетевого хозяйства. Суд установил, что разрешенным видом использования земельного участка является ведение огороженности, а ограничения, указанные в постановлении Правительства соблюдаются, вследствие чего пришел к выводу о незаконности решения администрации и обязанности повторно рассмотреть заявление истца о предварительном согласовании предоставления в собственность земельного участка [11].

Таким образом, можно заключить, что суды внимательно подходят к рассмотрению дел, связанных с ограничениями из категории «безопасность населения» ввиду того, что неверная оценка обстоятельств дела в перспек-

тиве может нанести вред большому количеству людей, а не только собственнику.

Следующую группу ограничений условно обозначим как *культурно-исторические*.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» предусматривает различные виды охраняемых объектов, а также устанавливает меры, благодаря которым сохраняются значимые памятники истории и культуры [6]. Обратимся к судебной практике. В силу положений законодательства собственник объекта культурного наследия обязан предпринимать все меры для того, чтобы памятник истории и культуры сохранял собой облик. Бездействие в данном случае недопустимо, поскольку ведет к уничтожению объекта. Так, в г. Пермь Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края обратилась в суд с исковым заявлением к физическому лицу о возложении обязанности по проведению работ по сохранению объекта культурного наследия. Учреждение зафиксировало отсутствие действий по сохранению объекта культуры на протяжении восьми лет — с 2010 по 2018 годы и оценило состояние памятника как неудовлетворительное. Ответчик считал, что работы по сохранению должны были производиться предыдущим собственником. Суд счел аргумент несостоятельным в силу элементарного постулата: бремя содержания лежит на собственнике, а статья 47.6 ФЗ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [5] предусматривает обязанность владельца способствовать сохранению объекта [12]. Таким образом, суд пришел к выводу о необходимости наложить на ответчика обязанность по проведению ремонта в объеме, испрашиваемом истцом.

Однако нарушение облика не всегда происходит вследствие бездействия. Порой владельцы ставят свои интересы выше сохранности облика объекта культурного наследия. Так, Первомайский районный суд г. Краснодара рассмотрел протокол по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 7.13 КоАП РФ в отношении юридического лица ООО «Дзен Стоматология».

Из материалов дела следует, что здание на углу улиц Гимназической, 65 и Красной, 58 в г. Краснодаре является объектом культурного наследия регионального значения «Гостиница «Централь» братьев Богарсуковых».

Объект культурного наследия поставлен на государственную охрану в 1979 году. 14 мая 2021 г. управлением государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края при проведении мероприятий по контролю за состоянием вышеуказанного объекта культурного наследия установлен факт размещения на южном фасаде объекта со стороны ул. Гимназической в межэтажном пространстве информационной вывески «ДЗЕН СТОМАТОЛОГИЯ 24 часа», размещение которой не согласовывалось. Выполненные работы привели к изменению внешнего облика объекта культурного наследия. Суд назначил наказание в виде предупреждения.

Однако самыми масштабными всегда были ограничения, связанные с обеспечением государственной безопасности. Законодательство содержит множественные ограничения права собственности в этих целях. Например, согласно ст. 8 Закона «О закрытом административно-территориальном образовании», сделки по приобретению в собственность недвижимого имущества, находящегося на территории закрытого административно-территориального образования (далее — ЗАТО), либо иные сделки с таким имуществом могут совершаться только гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими или получившими разрешение на постоянное проживание на территории ЗАТО и гражданами Российской Федерации, работающими на данной территории на условиях трудового договора, заключенного с организациями, расположенными и зарегистрированными на территории ЗАТО. При этом, наличие ограничения на въезд на территорию ЗАТО является основанием для отказа в совершении вышеупомянутых сделок. Кроме того, имущество, находящееся на территории ЗАТО в федеральной собственности, не подлежит отчуждению.

Как мы понимаем, существование особого режима на вышеуказанных территориальных образованиях тесно связано с обеспечением государственной безопасности. Судебная практика последовательно признает ограничения, установленные в целях обеспечения государственной безопасности.

Так, в Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд обратился ФИО1 с требованием признать незаконным отказ администрации г.Трехгорный о допуске его к участию в совершении сделки с недвижимым имуществом. На территории ЗАТО он не проживал. Заявитель имел право принимать участие в сделке, поскольку законом предусмотрено разрешение органом местного самоуправления по предварительному согласованию с органами федеральной службы безопасности. Отказ администрации ЗАТО был основан на неполучении разрешения от органов службы федеральной безопасности. Апелляционным судом было установлено, что заявитель не обращался за разрешением на въезд, в связи с чем, УФСБ России по Челябинской области считает жалобу необоснованной. Решение было оставлено без изменений.

Рассмотренные примеры из законодательства и судебной практики подтверждают, что ограничения права собственности могут вводиться для достижения различных целей, общий перечень которых предусмотрен ст. 1 Гражданского кодекса РФ. Наиболее значимые из них: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Кроме того, ограничения права собственности должны быть введены в целях поддержания экологического благополучия населения и экологической безопасности и защиты культурно-исторического наследия государства.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (ред. 20.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/b5a27f87fb768244734991c16ad59ef7c0d09b0d/.
2. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/4ceedc6beeab98acfcfe6b042e41a8319e1c922/.
3. О недрах: Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.
4. О порядке установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон: постановление Правительства РФ от 24 февраля 2009 г. № 160 // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/12165555/>
5. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 13.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
7. Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон от 14.03.1995 N 33-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.
8. Об охране озера Байкал: Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2220.
9. Об утверждении Норм отвода земельных участков, необходимых для формирования полосы отвода железных дорог, а также норм расчета охранных зон железных дорог: приказ Минтранса РФ от 6 августа 2008 г. № 126 // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/12162226/>.
10. Постановление от 21 октября 2024 г. по делу № А58–4117/2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // sudact.ru/arbitral/doc/UiDr5vBjCXyQ/
11. Решение от 15 июля 2024 г. по делу № 2А-3190/2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // sudact.ru/regular/doc/kiTOMuGo59oN/
12. Решение от 26 июля 2021 г. по делу № 2–1084/2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // sudact.ru/regular/doc/vb2X31SWkoUL/.

13. Решение от 6 декабря 2023 г. по делу № 2–652/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/uB6LuAkqdpIv/>.
14. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. С. 229.
15. Щенникова Л. В. Понятие субъективного права собственности в нормах гражданского законодательства (сравнительно-правовой анализ) // Законодательство. 2015. № 1. С. 17.

Некоторые особенности корпоративных споров, выявленные на основе анализа практики Верховного Суда Российской Федерации

Мошинская Ксения Николаевна, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируются актуальные вопросы разрешения корпоративных конфликтов в российской судебной практике, с акцентом на защиту прав участников и акционеров хозяйственных обществ. Особое внимание уделено ключевым позициям Верховного Суда РФ, закреплённым в обобщениях и обзорах судебной практики.

Ключевые слова: правовой спор, корпоративное право, корпоративное юридическое лицо, участник, акционер.

Корпоративные отношения в современной экономике характеризуются высокой сложностью и многообразием взаимодействий между участниками (акционерами), органами управления и самим хозяйственным обществом. Одним из ключевых элементов эффективного корпоративного управления выступает право на информацию — инструмент, позволяющий участникам контролировать деятельность общества, оценивать качество управления, защищать свои инвестиции и своевременно выявлять риски (в т. ч. вывод активов, злоупотребления со стороны руководителей).

Нередки ситуации, когда участнику или акционеру отказывают в выдаче копии заключённых обществом договоров, мотивируя это самыми различными причинами: от того, что получение документов возможно только нарочным и никаким иным способом, до предъявления требований о несоответствии поданного заявления о выдаче копий локальным нормативным правовым актам, которыми утверждена типовая форма заявления.

Судебная практика исходит из того, что **корпоративное право на информацию не может быть сведено к формальному «выполнению внутреннего регламента» общества. Внутренние правила не должны «обнулять» законное право.** В целях усиления стандарта добросовестного поведения общества при рассмотрении запросов суд обязан производить проверку значимых доводов и не допускать подмену правового анализа ссылками на внутренние положения общества о порядке или режиме выдачи документов [5].

В делах о доступе участника материнского общества к документам дочерней компании суд должен оценить **реальный объём корпоративного интереса** и не допустить формального отказа. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать, связана ли запрашиваемая информация по существу с реализацией корпоративных прав

(контроль, оценка управления, защита инвестиций), например, запрос документов происходит с целью выявления факта вывода активов группы [6].

Существенным системообразующим документом стало «Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами» (15.11.2023), где Верховный Суд Российской Федерации прямо обозначил, что отношения по предоставлению информации участникам (акционерам) регулируются ГК РФ и законами об ООО (АО) и нуждаются в единообразном подходе судов; тем самым закрепляется приоритет корпоративной прозрачности как способа профилактики и деэскалации конфликтов (информация — один из наиболее частых «триггеров» корпоративных споров) [3].

Верховный Суд Российской Федерации акцентирует, что требования о взыскании убытков, связанных с управлением юридическим лицом (в т. ч. самоназначенные выплаты или премии руководителя), должны рассматриваться **как корпоративный спор**, а не как институт материальной ответственности работника. При разрешении таких споров применяются стандарты добросовестности или разумности руководителя, корпоративные, а не нормы трудового права [4].

Так, в обзорах корпоративных споров фиксируется подход, при котором директор может нести ответственность за убытки общества, если доказана неразумность или недобросовестность действий (включая вывод активов через фиктивный документооборот, сделки с «однодневками», расходование средств на личные нужды), причем параллельное оспаривание сделки не исключает взыскания убытков с руководителя [2].

В 2024 г. Верховный Суд Российской Федерации дал важные ориентиры по конфликтам при паритетной структуре владения (50 % на 50 %): **сам по себе паритет**

долей не оправдывает «невмешательство» суда, если поведение участника препятствует деятельности общества, носит характер злоупотребления или блокирует управление. Судебная оценка концентрируется на **фактическом нарушении корпоративных обязанностей и последствиях для бизнеса**, а не на абстрактной идее «оба виноваты» [7].

В 2025 г. Верховный Суд Российской Федерации усилил нормативно-ориентирующую роль через специализированные обзоры, прямо влияющие на разрешение корпоративных конфликтов. Во-первых, обзор от 30.07.2025 г. по применению ст. 53.1 ГК РФ закрепил ключевые презумпции и стандарты доказывания по убыткам (включая презумпцию причинной связи убытков с нераскрытым конфликтом интересов руководителя, а также подход к ответственности фактических руководителей/контролирующих лиц при доказанности их определяющего влияния) [1]. Во-вторых, обзор от 19.11.2025 г. по субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица сформулировал позиции, позволяющие кредиторам и участникам преодолевать злоупотребления, когда корпоративный конфликт «выносится» в плоскость прекращения деятельности и исключения компании из ЕГРЮЛ без расчетов: контролирующие лица могут отвечать, если их поведение сделало расчеты с кредиторами невозможными, а номи-

нальное руководство само по себе не освобождает от ответственности.

В совокупности это означает, что корпоративный конфликт все чаще рассматривается судами не как сугубо «внутренний» спор участников, а как ситуация с внешними эффектами (для кредиторов, контрагентов, публичных интересов), что расширяет инструментарий судебной защиты.

Итак, эффективность правовой защиты в корпоративных конфликтах во многом определяется процессуальными инструментами, которые направлены на предотвращение закрепления фактического контроля и на сохранение возможности реального восстановления нарушенных прав.

Судебная практика показывает, что корпоративные конфликты разрешаются судами через **материальный тест добросовестности/разумности и реальной легитимности корпоративного контроля**, а не через формальную проверку процедур. Это формирует более предсказуемую модель судебного регулирования корпоративных конфликтов: суды все чаще оценивают поведение сторон через цель создания общества, реальный вклад в общее дело и последствия для общества/участников/кредиторов, что повышает эффективность юридических механизмов профилактики и «деэскалации» корпоративных противоречий.

Литература:

1. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510954/ (дата обращения: 17.05.2026).
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388750/ (дата обращения: 17.05.2026).
3. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461875/ (дата обращения: 15.05.2026).
4. Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2022 № 305-ЭС22-11727 по делу № А40-121758/2021. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/uUqn3K34xNrj/> (дата обращения: 17.05.2026).
5. Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 305-ЭС21-10271 по делу № А40-310803/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=675105#cNkgw7VGcxNsiby01> (дата обращения: 17.05.2026).
6. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2024 № 301-ЭС24-2609 по делу № А11-11750/2022. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27052024-n-301-es24-2609-po-delu-n-a11-117502022/> (дата обращения: 17.05.2026).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2024 № 305-ЭС23-30144 по делу № А40-265796/2022. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03092024-n-305-es23-30144-po-delu-n-a40-2657962022/> (дата обращения: 13.05.2026).

Налоговые льготы как инструмент стимулирования предпринимательской деятельности: финансово-правовой аспект

Насырьянова Динэлия Динаровна, студент;

Чепик Алиса Андреевна, студент

Научный руководитель: Садовская Татьяна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье рассматриваются налоговые льготы как инструмент финансово-правового регулирования предпринимательской деятельности. Исследуются подходы к определению сущности и правовой природы налоговых льгот, анализируются их основные функции и значение в механизме государственного воздействия на экономические процессы. Особое внимание уделяется роли налоговых льгот в системе поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, а также проблемам оценки эффективности налогового стимулирования. Авторами исследуются вопросы фрагментарности налоговых преференций, региональной дифференциации мер поддержки и рисков злоупотребления налоговыми льготами. По результатам исследования сделан вывод о необходимости совершенствования механизма правового регулирования налоговых льгот и формирования единого подхода к оценке их эффективности.

Ключевые слова: налоговые льготы, финансовое право, налоговое стимулирование, предпринимательская деятельность, субъекты малого и среднего предпринимательства, налоговые преференции, эффективность налоговых льгот, государственная поддержка бизнеса.

В современных условиях развития экономики государство активно использует различные правовые и финансовые инструменты для стимулирования предпринимательской деятельности. Одним из таких инструментов выступают налоговые льготы, посредством применения которых государство стремится создать благоприятные условия для развития предпринимательства, повышения инвестиционной активности и стимулирования экономического роста, что особенно важно в сложившейся экономической ситуации.

Для начала необходимо определить, что представляет собой налоговая льгота в правовом смысле. В соответствии с п. 1 ст. 56 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) [1], налоговыми льготами признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков предусмотренные законодательством преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками, включая возможность не уплачивать налог либо уплачивать его в меньшем размере. Из приведенного определения следует, что налоговая льгота обладает рядом характерных признаков. К их числу относятся нормативный характер, целевая направленность, а также распространение на определенные категории налогоплательщиков, что исключает возможность индивидуального предоставления льгот. При этом в научной литературе неоднократно подчеркивалось, в частности, в работах Панскова В. Г., что законодательное определение носит общий характер и не раскрывает в полной мере сущность рассматриваемой категории [2].

Однако и в научной литературе отсутствует единое образное понимание сущности налоговых льгот, что обусловлено как сложностью самого механизма налогового регулирования, так и многообразием форм реализации налоговых преимуществ. Так, Коровкин В. В. определяет налоговые льготы как преимущества, предоставляемые от-

дельным категориям налогоплательщиков, позволяющие сократить размер налоговых обязательств по сравнению с иными субъектами налогообложения [3]. Аналогичной позиции придерживается Соловьев Н. А., рассматривающий налоговую льготу как установленное законодательством преимущество, выражающееся в возможности полного либо частичного освобождения от уплаты налога [4].

Вместе с тем, в рамках подхода, представленного в работах Пепеляева С. Г., налоговые льготы рассматриваются как исключение из принципа всеобщности налогообложения (ст. 3 НК РФ [1]), поскольку они отклоняются от общего правила равного налогового бремени [5]. С данной позиции льготы выступают как особый правовой режим, допускаемый законодателем в целях достижения публично значимых результатов.

В рамках рассмотрения темы настоящей статьи особенно важно упомянуть, что в научной литературе налоговые льготы традиционно рассматриваются как разновидность налоговых стимулов. В частности, Волков Д. Б. характеризует налоговые льготы как самостоятельный вид налоговых стимулов, отличающийся добровольностью их применения со стороны налогоплательщика [6]. Подобный подход позволяет рассматривать налоговые льготы не только как средство снижения налоговой нагрузки, но и как механизм государственного стимулирования экономической активности субъектов предпринимательства.

Отдельные авторы, включая Кучерова И. И., подчеркивают стимулирующую природу налоговых льгот, рассматривая их как форму косвенного государственного воздействия на экономику [7]. Снижение налогового бремени позволяет хозяйствующим субъектам направлять высвобождаемые финансовые ресурсы на инвестиции, инновации и расширение деятельности, что в конечном итоге способствует экономическому росту.

Анализ функций налоговых льгот позволяет выделить несколько ключевых направлений их правового воздействия. Прежде всего, как было выделено ранее, это стимулирующая функция, заключающаяся в побуждении налогоплательщиков к осуществлению приоритетных для государства видов деятельности. Регулирующая функция проявляется в возможности воздействия на структуру экономики и перераспределение ресурсов. Социальная функция выражается в поддержке отдельных категорий граждан и снижении уровня социального неравенства. Указанные функции в совокупности раскрывают назначение налоговых льгот как многоаспектного правового инструмента.

Правовая природа налоговых льгот проявляется в их двойственной сущности. С одной стороны, они являются факультативным элементом налогообложения, поскольку не относятся к числу обязательных элементов налога. С другой стороны, налоговые льготы представляют собой важный инструмент государственной политики, направленный на достижение публично значимых целей. Их установление обусловлено необходимостью балансирования фискальных интересов государства и задач социально-экономического развития.

Анализируя рассмотренные подходы, представляется возможным определить налоговые льготы как предусмотренный законодательством инструмент финансово-правового регулирования, выражающийся в предоставлении отдельным категориям налогоплательщиков специальных преимуществ в целях стимулирования экономической и предпринимательской деятельности, а также достижения иных публично значимых результатов.

В системе финансово-правового регулирования особое значение налоговые льготы приобретают применительно к субъектам малого и среднего предпринимательства (далее — МСП), поскольку именно данная категория хозяйствующих субъектов характеризуется повышенной чувствительностью к налоговой нагрузке и ограниченностью финансовых ресурсов. «Налоговые льготы являются одним из ведущих элементов налоговой политики, которые в свою очередь преследуют социальные и экономические цели. Например, создание эффективных налоговых льгот и преференций напрямую влияет на развитие и активное функционирование сектора МСБ» [8]. Следует отметить, что «расходы на поддержку малого бизнеса, в том числе в форме предоставления налоговых преференций и льгот представляют собой долгосрочные инвестиции, направленные на получение дополнительного макроэкономического эффекта» [9]. В этой связи налоговое стимулирование МСП рассматривается как приоритетное направление государственной экономической политики.

По мнению Зотикова Н. З., налоговые льготы в отношении субъектов МСП выступают системным инструментом формирования условий их функционирования, поскольку позволяют компенсировать структурные ограничения малого бизнеса — низкий уровень капитализации, ограниченный доступ к кредитным ресурсам и по-

вышенные транзакционные издержки [10]. В данном контексте налоговые льготы выполняют функцию выравнивания экономических возможностей различных категорий хозяйствующих субъектов.

Государственная поддержка осуществляется в различных формах, включая предоставление субсидий, субвенций, беспроцентных кредитов, а также налоговых льгот. Для поддержки малого бизнеса регионы вводят налоговые преференции:

- снижение налоговых ставок сделано для стимулирования инвестиций и расширения бизнеса;
- налоговые каникулы временно освобождают от уплаты налогов новым предприятиям;
- льготы для инновационных предприятий способствуют развитию новых технологий и продуктов;
- поддержка экспорта в виде налоговых льгот для экспортирующих предприятий стимулируют международную торговлю и привлечение иностранных инвестиций [11].

Ключевым механизмом реализации налогового стимулирования МСП в Российской Федерации являются специальные налоговые режимы. Как подчеркивается в научной литературе, эти меры направлены на снижение административной и финансовой нагрузки и стимулирование занятости. При этом по мнению ряда авторов, эффективность данных режимов обусловлена не только снижением налоговых обязательств, но и упрощением налогового администрирования, что имеет самостоятельное значение для субъектов МСП [12]. Основным преимуществом применяемых малым бизнесом специальных налоговых режимов помимо установления льготной ставки налогообложения является возможность уплаты единого налога взамен трех: НДС (кроме НДС, уплачиваемого на таможне), налога на прибыль (для ИП — налога на имущество физических лиц), налога на имущество организаций (для ИП — налога на имущество физических лиц) [10].

Вместе с тем анализ современных исследований показывает, что стимулирующее воздействие налоговых льгот в отношении МСП носит неоднозначный характер.

Прежде всего, ключевой проблемой является отсутствие единой и научно обоснованной методологии оценки эффективности налоговых льгот. Как отмечают К. А. Баннова и М. В. Князева, действующие подходы к оценке носят фрагментарный характер, а используемые показатели (бюджетная, социальная и экономическая эффективность) зачастую не позволяют установить причинно-следственную связь между предоставлением льготы и достигнутыми экономическими результатами. Более того, существующие методы не учитывают временной лаг между введением налоговой льготы и ее фактическим экономическим эффектом, что особенно важно применительно к субъектам МСП, чья деятельность характеризуется высокой волатильностью [13].

Существенной проблемой является также фрагментарность и несистемность налогового стимулирования. Как отмечает Короткова Е. А., меры налоговой поддержки

вводятся без должной координации и не образуют единой системы, что приводит к снижению их эффективности [14]. По ее мнению, отсутствие согласованности между различными инструментами налогового регулирования, а также частое изменение налогового законодательства формируют нестабильную правовую среду, что особенно негативно отражается на субъектах МСП, для которых предсказуемость налоговой политики имеет принципиальное значение. Кроме того, данная проблема связана с региональной дифференциацией налоговых льгот. Так, Смирновой Е. Е. и Кадыковой В. В. подчеркивается, что субъекты Российской Федерации применяют различные подходы к предоставлению и оценке налоговых преференций, что приводит к значительной неоднородности налоговой среды. Это, в свою очередь, может искажать конкурентные условия ведения предпринимательской деятельности и снижать общую эффективность налогового стимулирования экономики в целом [15].

Отдельного внимания заслуживает проблема целевого использования финансовых ресурсов, высвобождаемых в результате предоставления налоговых льгот. Как отмечается Полинской М. В., Лысенко П. Р., Иваньшиным И. Е., отсутствуют действенные механизмы контроля направления использования таких средств, в результате чего они могут не способствовать развитию предпринимательской деятельности, а использоваться на иные цели. В контексте субъектов МСП это особенно актуально, поскольку высвобождаемые ресурсы зачастую направляются на по-

крытие текущих издержек, что ограничивает долгосрочный инвестиционный эффект льгот [16].

Не менее значимой является проблема злоупотребления налоговыми льготами. В условиях наличия специальных налоговых режимов и иных преференций создаются стимулы для недобросовестного поведения, включая искусственное дробление бизнеса с целью получения налоговых преимуществ. Данная проблема снижает фискальную эффективность налоговой системы, искажает конкурентную среду, создавая неравные условия для добросовестных участников рынка [15].

Таким образом, представляется, что повышение эффективности налоговых льгот возможно при условии формирования целостного механизма их правового регулирования. В частности, необходима разработка единой методики оценки эффективности, основанной на совокупности бюджетных, экономических и социальных показателей, а также внедрение системы мониторинга использования налоговых преференций. Кроме того, важным направлением является обеспечение стабильности налогового законодательства и согласованности налоговых льгот с иными мерами государственной поддержки субъектов МСП.

Подводя итоги, отметим, что налоговые льготы следует рассматривать не только как форму снижения налоговой нагрузки, но и как важный инструмент финансово-правового регулирования, направленный на стимулирование предпринимательской деятельности и достижение социально-экономических целей.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Пансков Владимир Георгиевич Налоговый льготы: сущность и определение // ЭТАП. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovyy-lygoty-suschnost-i-opr-edelenie> (дата обращения: 19.05.2026).
3. Коровкин Владислав Валентинович Основы теории налогообложения [Текст]: учебное пособие / В. В. Коровкин. — Москва: Экономистъ, 2006. — 575 с.
4. Соловьева Наталья Александровна Налоговые вычеты и налоговые льготы: проблемы соотношения и законодательного закрепления: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Соловьева Наталья Александровна; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. — Воронеж, 2010. — 288 с.
5. Налоговое право: Учебник / [С. Г. Пепеляев, Е. В. Кудряшова, М. Ф. Ивлиева и др.]; Отв. ред. и рук. авт. коллектива С. Г. Пепеляев. — Москва: Юристъ, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). — 590, [1] с.: табл.; 22 см.
6. Волков Д. Б. Виды налоговых стимулов / Д. Б. Волков // Финансы. — 2011. — № 3. — С. 65–67.
7. Кучеров, Илья Ильич Налоговое право России: Курс лекций / И. И. Кучеров; Ин-т актуал. образования «ЮрИнфоР-МГУ». — Москва: Учеб.-консульт. центр «ЮрИнфоР», 2001. — 358, [1] с.: ил.; 22 см.
8. Карташова Е. И. Налоговые льготы для субъектов малого и среднего бизнеса // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2012. № 4 (160). — С. 26–29.
9. Демин Е. А. Налоговое стимулирование малого бизнеса как способ повышения экономической безопасности государства // Экономическая безопасность: государство, регион, предприятие: сборник статей III международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова». 2018. С. 67–70.
10. Зотиков Н. З. Налоговые льготы и преференции как элемент поддержки малого и среднего предпринимательства // Экономическая безопасность: современные вызовы и поиск эффективных решений: материалы всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 ноября 2020 года. С. 750–760.
11. Пьянкова Л. М., Воронина Н. И. К вопросу о роли налогов для субъектов малого предпринимательства // Современные проблемы экономики и качества в аэрокосмической промышленности: Труды Международной научно-практической конференции (23 декабря 2025 года). — С. 274–279.

12. Исраилова З. Р., Барзаева М. А., Бисаева Д. И. Роль и эффективность налоговых режимов для МСП в России // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61534> (дата обращения: 15.05.2026).
13. Баннова Кристина Алексеевна, Князева Марина Владимировна Проблемы и пути совершенствования оценки эффективности налоговых льгот // Baikal Research Journal. 2015. № 3.
14. Короткова Е. А. Актуальность проблемы использования налоговых льгот // Парадигма. 2019. № 2.
15. Смирнова Е. Е., Кадыкова В. В. Оценка эффективности налоговых льгот для организаций: региональный аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. № 1.
16. Полинская М. В., Лысенко П. Р., Иваньшин И. Е. Систематизация налоговых льгот и их эффективность на современном этапе // ЕГИ. 2022. № 4 (42).

Информационные посредники как субъекты охраны авторских прав: проблемы правоприменения

Никитин Алексей Николаевич, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье рассматривается правовой статус информационных посредников в российском гражданском праве и их роль в механизме охраны авторских прав в сети Интернет. Анализируются критерии отнесения лиц к категории информационных посредников, предусмотренные статьей 1253.1 Гражданского кодекса РФ, и практика их применения судами. Исследуются модели ответственности посредников в России и зарубежных правовых системах, а также проблемные аспекты, связанные с отсутствием легального определения понятия «информационный посредник» и дискуссионным статусом регистраторов доменных имен. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: информационные посредники, авторское право, ответственность, хостинг-провайдер, владелец сайта, регистратор доменных имен, безопасная гавань, судебная практика.

Information intermediaries as subjects of copyright protection: law enforcement problems

The article examines the legal status of information intermediaries in Russian civil law and their role in the mechanism of copyright protection on the Internet. The criteria for classifying persons as information intermediaries under Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the practice of their application by courts are analyzed. The models of intermediary liability in Russia and foreign legal systems are studied, as well as problematic aspects related to the lack of a legal definition of «information intermediary» and the debatable status of domain name registrars. Proposals for improving legal regulation are formulated.

Keywords: information intermediaries, copyright, liability, hosting provider, website owner, domain name registrar, safe harbor, judicial practice.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий и широкое распространение Интернета изменили структуру участников правоотношений: в последние годы появились новые субъекты, которые все чаще оказываются в центре внимания в вопросах защиты интеллектуальных прав. Среди них информационные посредники, именно через их сервисы и платформы распространяется легальный и пиратский контент. Такие посредники отвечают за передачу, размещение и предоставление доступа к материалам в сети. Они обеспечивают инфраструктуру, но не формируют контент сами. Если бы их привлекали к ответственности за действия пользователей, это шло бы вразрез с идеей справедливости: нести ответственность должен тот, кто совершает

нарушение. Однако отсутствие четких границ ответственности делает защиту авторских прав в Интернете проблематичной. В этом тексте рассматриваются статус, модели ответственности и сложности применения норм, регулирующих деятельность информационных посредников в России и за рубежом.

В российском законодательстве термин «информационный посредник» появился после принятия в 2013 году закона № 187-ФЗ («антипиратский закон») [2]. Гражданский кодекс (статья 1253.1) выделяет особенности ответственности этих посредников при нарушении интеллектуальных прав в интернете [1]. Однако в самой статье нет четкого определения, кто такой информационный посредник, перечислены только критерии, на которые

должны ориентироваться суды при рассмотрении дел. В пункте 1 ст. 1253.1 ГК РФ указаны три группы: операторы связи (занимаются передачей информации), провайдеры хостинга (дают возможность размещать материалы) и владельцы сайтов (обеспечивают доступ к материалам) [1]. Общий смысл: посредник только предоставляет техническую возможность, но не создает контент.

Ответственность этих лиц различается в зависимости от их роли и степени контроля над контентом. Оператор связи не несет ответственности, если не инициировал передачу, не вносил изменений в материал и не знал (и не должен был знать) о нарушении. Провайдер хостинга или владелец сайта отвечает, если не принял необходимых мер для прекращения нарушения при наличии такой возможности.

В научных публикациях не раз обсуждалась неоднозначность предложенной классификации. Д. О. Нуреев пишет, что существующая судебная практика противоречива и не соответствует принципу правовой определенности, из-за чего вести бизнес в сфере ИТ непросто [3, с.144]. Он предлагает отказаться от трехчастной схемы и сформулировать определение посредника на основе двух критериев: осуществление передачи, размещения или предоставления доступа к информации и наличие технической или организационной возможности влиять на контент.

В юридической доктрине выделяют два подхода к ответственности информационных посредников. В США действует модель «безопасной гавани», в ЕС, модель «обязанности действовать» [6].

По наблюдению Н. В. Щербак, в российском праве нет жесткого разделения нарушений на прямые и косвенные, но отдельные элементы этой концепции есть [4, с.185], именно статья 1253.1 ГК РФ с ее тремя категориями посредников и условиями освобождения от ответственности приближает российский подход к модели «безопасной гавани»: если посредник выполняет установленные требования, за действия пользователей он не отвечает [1].

В США Закон об авторском праве в цифровую эпоху выделяет четыре категории интернет-провайдеров, и для каждой прописаны свои условия освобождения от ответственности [5, & 512]. Именно эта система повлияла на европейскую Директиву об электронной коммерции, где аналогично описаны правила для посреднических услуг.

Российские нормы в целом следуют этим международным тенденциям, но с особенностями. В статье 1253.1 ГК РФ не указано, какие именно меры должен принять посредник, чтобы избежать ответственности, этот вопрос остается открытым [1]. С. В. Никитенко указывает, что многое зависит от оценки своевременности, необходимости и достаточности действий посредника для предотвращения нарушения [7, с. 51]. Из-за этого у судов остается простор для усмотрения, а у участников рынка, неопределенность.

Из анализа судебных решений и научных работ видно, что статус информационных посредников вызы-

вает споры. Одна из дискуссий, распространяется ли этот статус на владельцев мессенджеров и соцсетей. Их алгоритмы модерации могут как предотвращать, так и способствовать нарушениям [10]. В судах такие сервисы признаются посредниками, если дают возможность пользователям размещать контент, но вопрос о степени их контроля остается открытым. Одна проблема, можно ли считать регистраторов доменных имен посредниками. М. И. Клементьева отмечает отсутствие единого подхода и противоречия в судебной практике [9, с. 38]. Верховный Суд РФ разъяснил, что регистратор домена не относится к посредникам в смысле статьи 1253.1 ГК РФ: он лишь обеспечивает техническую адресацию и не контролирует содержание информации [1]. Если регистратор не предоставляет хостинг, его обязанности ограничиваются процедурами, прописанными в договорах и правилах доменных зон. Суд по интеллектуальным правам уточняет, что вопрос о статусе регистратора не всегда существенен, поскольку для привлечения к ответственности возможны другие механизмы. Одна тема для обсуждения, солидарная ответственность посредника и нарушителя авторских прав. Согласно пункту 1 статьи 1253.1 ГК РФ, посредник может отвечать на общих основаниях при наличии вины и если не выполнил требования для освобождения от ответственности, например, не принял мер, хотя знал о нарушении [1].

Для улучшения правового регулирования предлагают отказаться от трехчастной классификации и перейти к функциональному определению посредника, а также закрепить в законе перечень мер, которые позволяют освободиться от ответственности. Также важно унифицировать процедуры взаимодействия с правообладателями и ввести механизмы защиты прав добросовестных посредников, если их ошибочно признали нарушителями. По мнению И. М. Рассолова, регулирование в киберпространстве должно сочетать государственные и саморегулируемые механизмы, включая отраслевые регламенты и системы управления цифровыми правами [10]. Информационные посредники сегодня занимают ключевое место в системе защиты авторских прав в Интернете. В ст. 1253.1 ГК РФ российское законодательство, опираясь на международный опыт, установило особые правила для ответственности трех видов посредников [1]. Судебная практика показывает и положительные сдвиги: Верховный Суд РФ в своих разъяснениях [8, п.18] постепенно вырабатывает общие подходы к определению статуса информационных посредников. Однако остаются и старые вопросы: в законе до сих пор нет четкого определения самого понятия, неясно, какие именно меры считаются «необходимыми и достаточными», а статус регистраторов доменных имен вызывает споры. Для доработки регулирования стоит отказаться от жесткой классификации и перейти к более гибкому, функциональному подходу, определить конкретные меры, освобождающие от ответственности, и привести к единству процедуры взаимодействия с правообладателями.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
2. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 27. — Ст. 3479.
3. Нуреев Д. О. К вопросу о лицах, являющихся информационными посредниками // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 3 (49). — С. 142–151. — DOI: 10.58741/23134852_2025_3_14.
4. Щербак Н. В. Ответственность за косвенные нарушения интеллектуальных авторских прав // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2024. — Т. 65. — № 6. — С. 178–201.
5. Digital Millennium Copyright Act of 1998, Pub. L. No. 105–304, 112 Stat. 2860 (1998). — § 512.
6. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) // Official Journal of the European Communities. — 2000. — L 178. — P. 1–16.
7. Никитенко С. В. Условия освобождения от ответственности информационных посредников // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 1. — С. 49–54.
8. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 8.
9. Клементьева М. И. Ответственность регистратора доменных имен в качестве информационного посредника: российский и зарубежный опыт // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 2 (28). — С. 36–46.
10. Рассолов, И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов / И. М. Рассолов. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 427 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–18043–5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582668> (дата обращения: 16.05.2026).

Особенности процесса исполнения судебных решений в Российской Империи в результате реформ Александра II

Никишов Дементий Владимирович, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор изучает особенности исполнения судебных решений в дореволюционной России с точки зрения возможности применения исторического опыта для модернизации современного института исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, юридические термины, судебные приставы, взыскание.

Исполнительное производство имеет большое влияние на эффективность функционирования судебной системы. Данный институт способен определить, будут ли фактически защищены законные интересы субъектов гражданского и административного процесса. Также исполнение судебных решений значимо для экономической сферы, в целом, и деловой активности, в частности. В ситуациях, когда кредитор подал исковое заявление, суд принял решение в его пользу, однако на стадии исполнения по причине некорректного правового регулирования успешно взыскать задолженность не удалось, истцу оставалось лишь списать дебиторскую задолженность в резерв по сомнительным долгам и тем самым понести материальный ущерб. Подобные ситуации способны привести к потере доверия к судебной власти.

Согласно итоговому докладу о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов количество дел на исполнении на конец 2025 года увеличилось приблизительно на 3 процента с 2023 года и составило 130,6 млн., что все еще является огромным показателем, особенно если сравнивать с 2018 годом [4]. Крайне важно обратить внимание на показатель эффективности исполнения судебных решений, исчисляемый в процентах. Общий показатель эффективности, который представляет собой соотношение возложенных на пристава дел и непосредственно им исполненных, — 34,4 % (30,25 в 2023). Самый высокий процент достигнут в сфере задолженностей по заработной плате, он равен 74,5 процентам, самый низкий — взыскание таможенных платежей (5,4). Несмотря на наличие положительной динамики в ряде

показателей, средние значения все еще являются крайне низкими, что позволяет проводить исследование на тему изменений, которые способны улучшить положение дел [4].

Исходя из имеющихся у нас данных, можно сделать вывод о том, что система исполнительного производства, несмотря на положительную динамику, нуждается в дальнейшем развитии. Одним из аспектов улучшения эффективности работы судебных приставов, требующих рассмотрения, является сама вопрос процедуры исполнения, которая включает в себя вопросы полномочий судебного пристава, права и обязанности кредитора и должника, порядок осуществления взыскания и т. д.

Как значительный шаг в развитии отечественного законодательства, с самого зарождения Российской Федерации законодатели и правоприменители стали внедрять в российское законодательство и практику нормы, установленные еще в дореволюционный период. Имеются все основания полагать, что обращение к историческому опыту способствует созданию наиболее эффективной модели системы исполнительного производства.

Система исполнительного производства Российской Империи на протяжении всей своей истории прошла через множество трансформаций. Отдельно стоит выделить период с 1864 года по 1917, который связан с судебной реформой 1864 года.

В Российской Империи в ходе реформ Александра II было принято несколько нормативно-правовых актов, регулировавших исполнительное производство. В Уставе гражданского судопроизводства (далее УГС) соответствующие процедуры расписывались отдельно для мировых судей (глава IX «Об исполнении решений мировых судей» книги I «Порядок производства в мировых судебных установлениях», ст. 156–161) и общих судебных установлений (раздел V «Об исполнении судебных решений» книги II «Порядок производства в общих судебных установлениях», ст. 891–1281). При этом ст. 159 Устава гражданского судопроизводства носила отсылочный характер к правилам исполнения, изложенным для общих судебных мест [1]. Раздел девятый Учреждения судебных установлений (далее УСУ) раскрывал основные положения в области организации должности судебного пристава, а именно правила вступления и исключения из должности, особенности награждения и привлечения к ответственности.

Следует обратить внимание, что помимо УГС и УСУ деятельность судебных приставов регулировали Общие наказы, утверждаемые Министерством юстиции, а также особые наказы, принимаемые окружными судами при согласовании с Судебными палатами и министерством юстиции. Особые наказы не могли противоречить Общим и другим вышестоящим законам. Например, в наказе Казанского окружного суда 1871 года, в статье 143, обозначалось количество приставов, назначенных по штату: по одному на каждый уезд, в ряде уездов по одному приставу на два уезда, а при самом окружном суде подразумевалось пять приставов [2].

Также стоит заметить, что процессуальное законодательство в период с 1864 по 1917 гг. подвергалось множеству изменений, нацеленных на упрощение, ускорение процесса исполнения и улучшение эффективности исполнительного производства в целом. Одним из примеров изменений являлась работа комиссии под руководством министра юстиции Н. В. Муравьева, сформированной в 1892 году. Уже в 1893 году результаты работы Комиссии стали основанием внесения изменений в Устав гражданского судопроизводства 1864 г. Однако попытка реформ в 1894–1899 гг. была признана неудачной. Одной из правовых проблем, выносимых Комиссией на разрешение в рамках данной реформы, являлся вопрос надлежащего уведомления должников. Так, комиссией отмечалось: «В судебных уставах не было предусмотрено как поступать, когда местопребывание должника неизвестно, имение же или имущество у него есть, а между тем невозможность предъявить повестку об исполнении делало само взыскание невозможным» [3]. Также Комиссией была выявлена проблема взыскания нескольких имуществ при наличии одного экземпляра исполнительного листа [5].

Согласно статье 892 УГС решение вступало в законную силу в следующих случаях:

- 1) когда оно было принято в окружном суде и на него не была подана апелляционная жалоба в установленный законом срок;
- 2) когда оно было принято заочно и на него не было в установленный срок подано ни отзывать, ни апелляции;
- 3) когда оно было принято судебной палатой [6, ст. 892].

После вступления в законную силу, по общему правилу, решения подлежали исполнению, однако для этого требовалась воля взыскателя. Истцу необходимо было обратиться в суд, письменно или устно, с соответствующим заявлением о получении исполнительного листа. После суд назначал судебного пристава и передавал ему лист. Истцу подлежало на данном этапе выбрать способ взыскания. Согласно статье 933 УГС Было предусмотрено три способа: передача имущества в натуре, обращение взыскания на движимое и недвижимое имущество должника.

После получения исполнительного листа и указаний истца об избранном им способе исполнения судебный пристав направлял ответчику повестку с информацией о решении, которое он приводил в исполнение, включая срок добровольного исполнения решений, по истечении которого исполнитель приступал к принудительному исполнению способом, указанным истцом [6, ст. 943]. В процессе осуществления производства пристав обязывался вести журнал, в котором учитывались все ключевые данные, связанные с ним, тяжущимися и предметом взыскания. У истца и ответчика было право приглашать двух свидетелей с каждой стороны. Их неявка не являлась основанием для приостановления производства.

За всеми действиями обязывался наблюдать истец. В случае обнаружения нарушений в действиях пристава у него было право в течение двух недель подать жалобу

в суд. К тому же право подать жалобу имели ответчик, а также третьи лица, чьи права и законные интересы были нарушены неправомерными действиями исполнителя.

Как уже было обозначено выше, в ходе реформ уставом было утверждено три способа исполнения. Уделим внимание каждому из них. Первый способ — передача имущества в натуре лицу, которому оно было присуждено. Данный способ подразумевал меньшее количество действий, чем остальные. Истец указывал данное имущество приставу, который, в свою очередь, обязывался удостовериться в соответствии указанного взыскателем имени тому, что было присуждено решением. После имущество могло быть арестовано и передано на хранение. В ином же случае оно оставалось во владении ответчика, в установленный срок он обязывался передать его добровольно ответчику. Если этого не произошло, пристав изымал имущество силой в присутствии полицейского [6, ст. 1211]. Если подлежащие взысканию вещи оказывались во владении третьих лиц, исполнитель подвергал их аресту, так или иначе. Третьему лицу для защиты вещного права необходимо было до начала торгов подать иск в суд по месту наложения ареста [6, ст. 1092].

Два оставшихся способа, указанных в статье 933, были связаны с делами о взыскании денежной суммы. Вторым способом являлось обращение взыскания на движимое имущество должника, которое состояло во вручении повестки об исполнении, в аресте и публичной продаже арестованного имущества.

Вручение повестки представляло собой уведомление должника о предстоящем принудительном исполнении решения суда. Следующим этапом являлось составление описи, а после арест имущества, который обязан был производиться в присутствии и должника, и взыскателя. Если же должник не являлся или пристав сталкивался с препятствием, не дававшим доступ к имуществу, он обязан был вызвать члена полиции для дальнейших силовых действий. При всем вышесказанном, объявив имущество должника источником покрытия взыскания, закон ограждал его от напрасного разорения и излишнего притеснения со стороны взыскателя, объявив ряд вещей неподлежащими аресту. К таким вещам относилось имущество крестьян, необходимое для ведения хозяйства, форменная одежда, белье, посуда, жизненные припасы и дрова, нужные на содержание дома в течение одного месяца и т. д. После ареста и оценки имущество передавалось на хранение до начала торгов. Торги по своей природе представляли собой процесс, аналогичный современному аукциону. За неделю до дня продажи вывешивались объявления. Торги проводились с 10 часов утра до 6 часов вечера. Первоначальной стоимостью имущества являлась та, что была назначена при оценке. Покупатель после торгов сразу вносил одну пятую часть предложенной цены, а остальную сумму обязывался передать не позднее 12 часов следующего дня [6, ст. 1057].

Третий способ, обращение взыскания на недвижимое имущество, во многом идентичен второму способу, од-

нако в виду особенностей недвижимого имущества, в том числе его стоимости в сравнении с движимым, данный способ был выделен в обособленный. Одновременно с отправкой повестки налагалось ограничение права пользования и распоряжения недвижимостью. Ограничения вытекали из необходимости сохранения ценности имущества после принятия судом решения. Отдельным вопросом, требовавшим дальнейшего исследования, являлся статус договоров, в том числе подряда, связанных с взыскиваемым имуществом. Срок для добровольного удовлетворения требования истца вместо 7 дней (в зависимости от стоимости имущества пристав мог назначить срок до 6 недель) он был равен 2 месяцам, по истечении которых исполнитель приступал к описи. В опись вносились недвижимость, а также все движимое имущество, неотделимое от недвижимого.

На стадии торгов у данного способа также имелись свои особенности. Имения стоимостью ниже 500 рублей продавались при местном мировом съезде, но взыскатель и должник имели право требовать, чтобы и такие имения были проданы при окружном суде. Публичная продажа недвижимости производилась не менее четырех раз в год. Сроки для торгов назначались на каждые три года Министром внутренних дел с учетом мнения министра финансов и юстиции. Объявление о публичной продаже, в крайнем случае, за месяц до торга выставлялось в самом имении и у входа в то присутственное место, при котором производилась продажа [6, ст. 1048]. Отличительной чертой самих торгов являлось то, что покупатель обязывался мгновенно выплатить одну десятую часть цены, а остальную сумму в течение 7 дней. Если торг не состоялся, взыскателю предоставлялось право провести еще один (более двух торгов проводить не было дозволено) или принять недвижимость в собственность по цене, обозначенной при оценке.

После проведения взыскания вырученная сумма распределялась между кредиторами приставом, если полученных денег было достаточно для удовлетворения требований всех взыскателей. В ином случае распределение осуществлялось в судебном порядке.

Таким образом, процедура исполнения судебных решений в дореволюционной России представляла собой комплексный механизм, включавший в себя ряд способов исполнения и учитывающий множество факторов для обеспечения наиболее быстрого и эффективного функционирования института исполнительного производства. С одной стороны, правовое регулирование системы исполнения решений, на наш взгляд, было направлено на защиту законных интересов кредитора. Однако, с другой, законодателем был принят ряд решений для защиты прав ответчика от злоупотреблений со стороны истца. В связи с вышесказанным есть основания утверждать, что в результате реформ Александра II была принята попытка построения сбалансированной системы приведения решений суда в исполнение. Однако вопрос оценки эффективности данной системы требует дальнейшего исследования.

Литература:

1. Гольцман Е. В. Нормативно-правовая основа функционирования института судебных приставов в Российской Империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Новый ракурс. 2019. № 3.
2. Государственный архив Республики Татарстан Ф.51 ОП.1 Д. 2.
3. Дополнение к практическому руководству для судебных приставов, исполняющих их обязанности чинов полиции и взыскателей // Составлено судебным приставом Уфимского мирового съезда А. Н. Якимовым. Уфа: Печатня Н. Блохина, 1984. С.35.
4. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2025 году. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnost-2025 (дата обращения: 15.05.2026).
5. Нугуманов А. Р. Деятельность комиссии В. Н. Муравьева по совершенствованию исполнительного производства в Российской Империи в конце XIX в начале XX веков // Вестник УЮИ. 2021. № 3 (93). С. 24–29.
6. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений на коих они основаны. — Ч. III. — СПб., 1867. — 567 с.

Особенности первоначального этапа расследования неправомерных действий при банкротстве

Новикова Наталья Петровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу проблем первоначального этапа расследования неправомерных действий при банкротстве, предусмотренных ст. 195 УК РФ. Автор подчёркивает, что несмотря на наличие развитой правовой базы, реальное применение уголовно-правовых механизмов остаётся крайне ограниченным, что связано прежде всего с недостаточностью, фрагментарностью и несвоевременностью исходной криминалистически значимой информации.

Ключевые слова: банкротство, неправомерные действия при банкротстве, первоначальный этап расследования, уголовно-правовая охрана, межведомственное взаимодействие, методика расследования.

Уголовно-правовая охрана отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве), в российском праве обеспечивается, в частности, нормами ст. 195 УК РФ [1], устанавливающей ответственность за неправомерные действия при банкротстве, а также специальным законодательством о несостоятельности (Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») [2]. Несмотря на формальное наличие уголовно-правовых механизмов, официальная статистика демонстрирует крайне небольшой объём реального применения «банкротных» составов: по данным судебного департамента, ежегодное число осуждённых по ст. 195–197 УК РФ остаётся единичным, что не соответствует масштабу злоупотреблений, выявляемых в арбитражных делах о банкротстве [4]. Это позволяет говорить о наличии системной проблемы в деятельности правоохранительных органов на ранних стадиях реагирования на неправомерные действия при банкротстве.

В качестве ключевой проблемы в настоящей статье рассматривается недостаточность, фрагментарность и несвоевременность исходной криминалистически значимой информации на первоначальном этапе расследования неправомерных действий при банкротстве, обусловленная отсутствием устойчивой системы взаимодействия ор-

ганов предварительного расследования с арбитражными судами, арбитражными управляющими, налоговыми и иными контролирующими органами. Указанная проблема проявляется в позднем возбуждении уголовных дел, утрате значительной части доказательств к моменту начала расследования и, как следствие, в низкой эффективности применения ст. 195 УК РФ. На неё прямо указывают как научные исследования, так и обобщения следственно-судебной практики [6].

Содержание проблемы раскрывается прежде всего через специфику механизма криминальных банкротств. Криминалистические исследования показывают, что вывод активов, фиктивные сделки, сокрытие документации и выборочное удовлетворение требований отдельных кредиторов распределены по значительному временному промежутку и множеству юридических лиц, а сами действия маскируются под обычный хозяйственный риск. Первичные сведения о возможных неправомерных действиях при банкротстве чаще всего появляются в отчётах арбитражных управляющих, материалах налоговых проверок, заявлениях кредиторов и иных участников процедуры. Однако эти сигналы, как отмечает Д. А. Коновалова, носят фрагментарный характер, поступают несистемно и зачастую уже после завершения

ключевых процедур, когда значительная часть материальных носителей информации утрачена [5]. В результате первоначальный этап расследования начинает осуществляться в условиях дефицита исходных данных, а многие важные обстоятельства (состав и движение конкурсной массы, цепочки аффилированных сделок, фактические бенефициары) приходится реконструировать по косвенным следам.

Причины такой ситуации носят комплексный характер. Во-первых, существует нормативный разрыв между процедурой банкротства и уголовным судопроизводством. Закон о банкротстве возлагает на арбитражного управляющего обязанность выявлять признаки преднамеренного, фиктивного банкротства и иных злоупотреблений, однако порядок и сроки направления соответствующих материалов в правоохранительные органы регламентированы лишь рамочно и фрагментарно, преимущественно подзаконными актами и внутренними стандартами СРО [4]. Это приводит к тому, что сообщения о возможном составе преступления направляются далеко не всегда либо поступают уже на финальных стадиях процедур. Во-вторых, как показывает анализ практики, отсутствуют единые, закреплённые в форме межведомственных регламентов механизмы постоянного информационного обмена между следственными подразделениями, оперативными службами, ФНС России, Росреестром, Банком России и арбитражными судами [8].

В-третьих, значимую роль играет методико-организационный фактор. Исследования указывают, что следователь, возбуждающий дело по ст. 195 УК РФ, нередко не располагает ни типовыми алгоритмами оценки материалов арбитражного дела, ни унифицированными «чек-листами» действий именно на первоначальном этапе расследования криминальных банкротств; научно-методическое обеспечение этой деятельности отстаёт от реальных потребностей. В результате имеющаяся исходная информация используется не в полном объёме, а значительный её массив вообще не попадает в поле зрения правоохранительных органов. Наконец, в литературе подчёркивается и проблема «частичной включённости» уголовной юстиции в регулирование отношений, связанных с банкротством: правоохранительные органы подключаются лишь к отдельным, наиболее очевидным эпизодам, в то время как системные схемы вывода активов остаются в сфере гражданско-правового реагирования.

Рассматриваемая проблема особенно остро проявляется именно на первоначальном этапе расследования. Практика показывает, что к моменту вынесения постановления о возбуждении уголовного дела многие документы уже уничтожены или формально «утрачены», значительная часть аффилированных структур ликвидирована, а лица, принявшие ключевые решения, сменили должности или выехали за рубеж. Это радикально снижает потенциал первоначальных следственных действий: обысков, выемок, осмотра документов, назначения экспертиз. Следовательно фактически вынужден начи-

нать работу «с конца», опираясь на ограниченный массив цифровых следов и разрозненную информацию из государственных реестров. В итоге нередко возникает ситуация, когда по материалам арбитражного дела очевиден характер и масштаб злоупотреблений, однако доказать состав преступления в уголовном порядке оказывается крайне трудно, что подтверждается статистикой низкого числа приговоров.

Решение обозначенной проблемы, на наш взгляд, должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям — нормативному, организационно-методическому и информационно-цифровому, причём все предлагаемые меры ориентированы именно на повышение качества и полноты исходной информации на первоначальном этапе расследования правонарушений при банкротстве.

Во-первых, требуется уточнение и конкретизация нормативных обязанностей участников процедур банкротства по передаче информации в правоохранительные органы. Представляется целесообразным дополнить Закон о банкротстве нормами, прямо обязывающими арбитражного управляющего направлять в компетентные органы не только итоговые отчёты и заключения о признаках преднамеренного либо фиктивного банкротства, но и промежуточные сообщения о выявленных фактах вывода активов, нарушениях очередности удовлетворения требований кредиторов, воспрепятствовании осуществлению его полномочий (например, уклонении от передачи документов и имущества). При этом должны быть установлены конкретные сроки такого сообщения (например, не позднее 10 дней с момента выявления соответствующих обстоятельств), что позволит сократить временной разрыв между совершением деяния и началом проверки либо возбуждением уголовного дела. Аналогичным образом можно было бы возложить на арбитражные суды обязанность информировать правоохранительные органы о случаях оспаривания сделок должника, по которым судом установлен вывод активов и причинение вреда правам кредиторов, что прямо указывает на возможные признаки преступлений, связанных с банкротством [4].

Во-вторых, необходимо создание формализованных межведомственных механизмов взаимодействия и обмена информацией. На уровне федеральных органов целесообразно принять совместный приказ (регламент) Следственного комитета РФ, МВД России, ФНС России, Банка России, Росреестра и, при необходимости, иных ведомств, где будет закреплён порядок: передачи материалов арбитражных дел и отчётов управляющих при наличии признаков преступлений; оперативного предоставления налоговой, банковской и регистрационной информации при проведении предпроверочных мероприятий; участия представителей контрольных органов в совместных рабочих группах по делам о правонарушающих действиях при банкротстве. Как справедливо отмечает Д. А. Коновалова, для эффективного выявления и документиро-

вания криминальных банкротств должна быть организована именно система взаимодействия, ориентированная на оперативное получение проверенной исходной информации [5]. Такая система могла бы включать в себя и региональные межведомственные комиссии (рабочие группы), рассматривающие наиболее сложные дела о банкротстве с очевидной криминальной составляющей.

В-третьих, важнейшим является обновление и унификация научно-методического обеспечения первоначального этапа расследования. Исследователи обоснованно указывают на необходимость регулярного (не реже одного раза в год) пересмотра и актуализации методических рекомендаций для следователей и оперативных сотрудников, занимающихся расследованием криминальных банкротств. В таких рекомендациях должны быть отражены: перечень типичных источников исходной информации; модели типовых следственных ситуаций начала расследования; алгоритмы действий при поступлении отчётов арбитражных управляющих и информации от налоговых органов; примерные планы первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий с учётом особенностей ст. 195 УК РФ. Отдельный блок следует посвятить использованию специальных знаний — финансово-экономических и компьютерно-технических, поскольку именно экспертизы позволяют максимально полно «извлечь» доказательственное значение из исходной документации и цифровых следов.

В-четвёртых, потенциально значимым направлением видится развитие цифровых инструментов в целях консолидации исходной информации. На практике данные о должнике и его аффилированных структурах рассредоточены между ЕФРСБ, ЕГРЮЛ, налоговыми информационными системами, банковскими ресурсами, базами Росреестра, системами судебной информации и т. д. Специалисты отмечают, что без комплексного анализа этих массивов невозможно оперативно выявлять криминальные схемы вывода активов и формировать обоснованные версии уже на первоначальном этапе [3]. Представляется целесообразным создание специализированных аналитических модулей внутри информационных систем правоохранительных органов, позволяющих в автоматизированном режиме агрегировать данные из от-

крытых и ведомственных реестров по идентификаторам должника и связанных с ним лиц. Это позволит уже на стадии проверки сообщения о преступлении получать относительно полную картину имущественного положения должника, его связей и типичных «точек» вывода активов, что качественно повысит наполненность исходной информации.

Наконец, нельзя обойти стороной кадровый аспект. Как подчёркивает Прасолов, во многих работах по проблематике банкротства «не уделено внимание подготовке специалистов по выявлению и расследованию криминальных банкротств». На наш взгляд, в системе ведомственного образования и повышения квалификации следственных и оперативных работников необходимо создание специализированных модулей по расследованию преступлений, связанных с банкротством, с акцентом именно на первоначальный этап: умение читать и анализировать отчёты арбитражных управляющих, ориентироваться в процедурах банкротства, работать с цифровыми следами в бухгалтерских программах, взаимодействовать с СРО управляющих и арбитражными судами. Повышение компетенций напрямую влияет на способность правоохранительных органов «видеть» признаки преступления в поступающей информации и своевременно использовать её в процессе доказывания.

Таким образом, рассмотренная проблема недостаточности, фрагментарности и несвоевременности исходной информации на первоначальном этапе расследования неправомерных действий при банкротстве выступает одним из ключевых факторов низкой эффективности применения ст. 195 УК РФ. Её решение возможно лишь при условии одновременного изменения нормативной базы, налаживания устойчивого межведомственного взаимодействия, обновления методических подходов и внедрения цифровых аналитических инструментов. Реализация предложенных мер позволит существенно повысить качество первоначального этапа расследования, обеспечить раннее выявление преступных схем, сохранить и своевременно зафиксировать доказательства, а также приблизить фактический уровень уголовно-правового противодействия криминальным банкротствам к реальному масштабу этих посягательств.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 2025. — № 42. — Ст. 6087.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4952.
3. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 6. — 2024.
4. Артюхова А. А. Преступления в сфере несостоятельности (банкротства): проблемы квалификации или коллизии в законодательстве? // Молодой ученый. 2025. № 5 (556). С. 217–218.
5. Коновалова Д. А. Расследование криминальных банкротств. Проблемы оперативной и следственной деятельности // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 230–232.

6. Прасолов В. И. Основные способы совершения уголовного банкротства и методика расследования // Вопросы экономики и права. 2022. № 10 (172). С. 34–37.
7. Лаптев Д. Б., Гордиенко З. А. Проблемы реализации норм о преступлениях в сфере банкротства // Безопасность бизнеса. 2022. № 5. С. 41–44.
8. Глушков Е. Л., Максименко А. В. Некоторые проблемы в оперативной и следственной деятельности при выявлении и расследовании криминальных банкротств предприятий (организаций) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 1. С. 11–15.

Судебная автороведческая экспертиза

Овдей Светлана Борисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследованы особенности проведения и правового регулирования судебной автороведческой экспертизы.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, эксперт, задачи автороведческой экспертизы

В последнее время в российских судах возросло количество дел, предметом спора в которых выступают продукты речевой деятельности — речевые произведения. Исследователи отмечают, что такое явление связано с усовершенствованием законодательства и изменением правоприменительной практики [4]. Кроме того, такое явление можно объяснить ростом использования информационных технологий, возросшего количества информации, с которой в повседневной жизни сталкивается человек, ее различных форм представления, и, соответственно, большого количества продуктов речевой деятельности, которые могут стать предметом конфликта лиц.

Изучением и анализом речевых произведений, которые становятся причиной спора, занимаются эксперты, проводящие судебные речеведческие экспертизы. Такие исследования основаны на знаниях о процессе речепроизводства, восприятия, понимания и интерпретации словесной информации, которая зафиксирована на любом материальном носителе. Одним из видов судебных речеведческих экспертиз становится автороведческая экспертиза.

Сущность судебной автороведческой экспертизы заключается в исследовании продуктов речевой деятельности с помощью специальных знаний и установлении в процессе исследования фактического авторства изучаемого продукта речевой деятельности. Иначе говоря, суть автороведческой экспертизы состоит в определении, создан ли представленный образец речи конкретным лицом.

Предметом судебной автороведческой экспертизы выступает установление фактических данных, которые подтверждают или опровергают, что определенное лицо является автором продукта речевой деятельности, представленного для исследования. Для этого применяются специальные знания фундаментальной и прикладной лингвистики. Экспертом, в частности, могут устанавливаться такие фактические данные, как письменные ре-

чевые навыки лица, которое может быть автором образца письменной речи, личностные сведения и условия, в которых было создано исследуемое речевое сообщение.

Исходя из определения предмета автороведческой экспертизы, можно установить объект исследования. В этом случае им будет выступать сам продукт речевой деятельности, авторство которого проверяется и устанавливается. К таким образцам письменной речи можно отнести:

- *тексты документов;*
- *статьи, доклады;*
- *переписки, записки;*
- *художественные произведения;*
- *иные тексты, выполненные рукописным, компьютерным, машинописным или полиграфическим способом.*

В теории судебных экспертиз существует классификация задач по нескольким признакам. Одним из них выступают идентификационные и диагностические задачи. Решение данных вопросов помогает определить содержание автороведческой экспертизы.

Необходимо отметить, что идентификационные задачи исследования напрямую связаны с целью автороведческой экспертизы — установление авторства представленного на изучение продукта речевой деятельности. Их решение будет связано с такими вопросами, как:

- *Принадлежит ли авторству указанного лица образец устного или письменного текста?*
- *Принадлежат ли авторству указанного лица несколько представленных текстов?*
- *Автор устных или письменных текстов — одно и то же лицо?*

Решение диагностических задач направлено на характеристику автора текста, представленного на исследование. Экспертом устанавливаются признаки лица, из которых выстраивается полный речевой портрет [4]. В их число могут входить:

- *Возраст автора, пол, образование, язык, род занятий, уровень речевой культуры;*
- *Состояние автора, в котором он находился, когда создавал представленный на исследование текст;*
- *Искажен ли намеренно представленный на исследование текст.*

Синтез идентификационных и диагностических задач при проведении автороведческой экспертизы позволяет более детально исследовать текст. Такой подход позволяет ставить перед экспертом, например, вопрос, связанный с определением:

— каким образом был создан представленный на исследование материал установленным лицом.

Моисеева Т. Ф. и Огорелков И. В. рассматривают решение судебной автороведческой экспертизой стандартных и нестандартных задач. В случае со стандартными задачами эксперты используют при исследовании разработанные ранее методики. Для решения существуют исходные данные, которые следует преобразовать. Примером решения такой задачи будет установление родного языка автора текста политического дискурса. Эксперт будет использовать методики автороведческой экспертизы и соответствующие тематике научные пособия [6].

Иной подход используется при решении нестандартных или эвристических задач, которые требуют творческого взгляда. В такой ситуации эксперт работает в значительной степени с ограниченной информацией. Субъект исследования либо вовсе не может решить задачу по определенному алгоритму, либо использует существующие методики и совместно с этим применяет нестандартный подход. В пример можно привести экспертизу переписки пользователей в соцсетях, которая не предполагает простого объединения речи каждого из участников общения и построение моделей речемыслительного навыка авторов. Эксперт в таком случае учитывает приемы подстраивания под стиль собеседника, копирования слов и выражений, лексические конструкции интернет-сленга.

Галяшина Е. И. определяет еще одну, новую задачу судебной автороведческой экспертизы. Это установление факта создания переработанного произведения вследствие творческой деятельности. Решение указанной задачи связано со степенью проявленной индивидуальной авторской самобытности в тексте.

Основополагающим законом для экспертной деятельности, в том числе проведения автороведческой экспертизы, является Конституция РФ. Основной закон государства определяет важнейшие принципы отношений между государственными органами и гражданами в сфере правосудия [6]. Конституционные принципы, в свою очередь, отражены в нормах УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ, КАС РФ и иных нормативных правовых актах, которые регламентируют экспертную деятельность.

Судебная практика показывает, что автороведческая экспертиза помогает защитить конституционные права человека. Так, например, гражданка Ц. обратилась

в суд с иском к владельцу сайта в сети «Интернет» о запрете использования фотографии, взыскании компенсации за нарушение исключительного права на произведение, компенсации морального вреда. Истец указала в обоснование требований, что на сайте ответчика в публикации интервью незаконно использована фотография с изображением платежной квитанции за коммунальные услуги с банкнотами и монетами, автором и правообладателем которого является истец. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суд указал, что на различных сайтах в сети «Интернет» размещено множество фотографий, сходных с указанной фотографией, с использованием квитанций на оплату жилищно-коммунальных услуг и денежных средств, данная фотография также размещена на различных информационных порталах в сети «Интернет» и находится в свободном доступе с возможностью ее копирования. Однако судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций по делу вынесенными с нарушением норм материального и процессуального права, указав на то, что правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Отсутствие запрета не считается согласием. В приведенном случае автороведческая экспертиза позволяет защитить право человека, определенное ч. 1 ст. 44 Конституции РФ.

«...Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом...» [1].

В экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации организовано производство таких экспертиз с 2005 года. В 2007 году ЭКЦ МВД России при участии Института Криминалистики ЦСТ ФСБ России разработана Типовая методика судебной лингвистической экспертизы, в 2019 году в ее развитие подготовлены методические рекомендации, расширяющие перечень объектов 87 исследования, учитывая их сферу функционирования в сети Интернет [5]. Востребованность в лингвистических экспертизах, в том числе автороведческой, обусловлена тем, что специальные филологические знания могут быть эффективно применены в целях доказывания признаков объективной стороны преступления при наличии в материалах дела вещественных доказательств в виде криминалистически значимых текстов — устных, письменных, комбинированных (мультимедийных). В условиях широкого распространения деструктивного контента в сети Интернет, ведения информационных войн, массового распространения недостоверной информации государство принимает активные меры в части введения ограничений на публичное речевое поведение. Так, ФЗ от 5 декабря 2022 г.

№ 479ФЗ году внесены изменения в КоАП РФ в части введения запрета на пропаганду педофилии, распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол. В связи с вступлением в силу указанных изменений, для выработки консолидированной позиции по вопросам выявления таких правонарушений, а также обсуждения особенностей применения специальных знаний при анализе размещенной в сети Интернет информации, в феврале 2023 г. ЭКЦ МВД России организовано совещание с заинтересованными подразделениями МВД России, а также представителями Роскомнадзора и РФЦСЭ при Минюсте России. С учетом состоявшегося обсуждения подготовлено информационное письмо, разъясняющее возможности применения специальных лингвистических (и иных) знаний при выявлении правонарушений, предусмотренных статьями 6.21, 6.211, 6.212 КоАП РФ. Письмо предназначено для сотрудников правоохранительных органов, занимающихся выявлением, расследованием и профилактикой совершения таких правонарушений.

Перечень родов (видов) судебных экспертиз определен приказом Министерства юстиции РФ от 20 апреля 2023 г. Нормативный правовой акт регулирует проведение исследований в бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Под автороведческой экспертизой в нем понимается исследование письменной речи. Однако такая трактовка не содержит цели проведения автороведческой экспертизы — идентификации автора продукта речевой деятельности, определения или опровержения принад-

лежности текста авторству конкретного лица. В какой-то степени трактовка автороведческой экспертизы в указанном нормативном правовом акте созвучна с определением лингвистической экспертизы. В приказе лингвистическая экспертиза определена как исследование продуктов речевой деятельности, то есть текста, в том числе и письменного.

Так или иначе нормативные правовые акты, регулирующие судебную автороведческую экспертизу, в совокупности определяют основные признаки исследования с точки зрения закона. Автороведческая экспертиза производится в определенной процессуальной форме. Ход и результаты такого исследования оформляются в виде заключения эксперта. При проведении автороведческой экспертизы субъект использует специальные знания и по итогам исследования дает заключение. Кроме того, законом определяется специальный субъект автороведческой экспертизы — эксперт.

Таким образом, можно сделать вывод, что автороведческая экспертиза — одно из важных исследований текста, позволяющее не только идентифицировать лицо, которому принадлежит материал, но и составить внешний и внутренний портрет автора. Более точное определение автороведческой экспертизы представлено Е. И. Галяшиной, в котором содержится цель экспертизы — установление или опровержение авторства речевого произведения. Трактовать автороведческую экспертизу лишь как вид экспертизы, в которой используются знания лингвистики, не совсем верно, поскольку под такое определение могут подходить и иные виды судебных речеведческих экспертиз.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).
4. Галяшина Е. И. Судебное речеведение: учебник / Е. И. Галяшина. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 320 с.
5. Громова А. В. Новое в методическом обеспечении лингвистических и автороведческих экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: «СОЮЗКНИГ», 2023.
6. Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В. Судебная автороведческая экспертиза: учебное пособие. — М.: РГУП, 2022.

Юридическая квалификация фейковой информации: проблемы и перспективы

Овдей Светлана Борисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрено определение фейка, исследованы особенности юридической квалификации фейковой информации и ответственность, предусмотренная за распространение ложной информации.

Ключевые слова: фейки, фейкинг, ответственность за распространение фейков

В настоящее время одним из распространенных нарушений становятся фейки. Это слово является заимствованием английского слова *fake*. Данное понятие активно и широко применяется для обозначения явлений, для которых характерны «интеллектуальный подлог» и «информационная мистификация» [1].

Несмотря на то, что термины «фейк» и «фейк-ньюс», если говорить применительно к средствам массовой информации, основательно закрепились и в обществе, и в научном дискурсе, единого подхода к данным понятиям в настоящее время нет.

Галяшина Е. И. и Никишин В. Д., рассмотрев разные точки зрения на понятие «фейк», трактуют его как любую ложную информацию, которая смешана со сплетнями, вымыслами, пропагандой и секретами и призвана показать какое-то явление правдоподобным. В данном случае фейк-ньюс — это разновидность фейка, ложная или вымышленная новость, которая создана с определенной целью — привлечь внимание читателей, даже если есть возможность проверить сведения, изложенные в публикации. В фейковых новостях достоверная информация преподносится либо частично, либо же это полностью искаженные сведения и неправдоподобно описанные события.

Гловацкая О. Е., анализируя происхождение рассматриваемого нами термина «фейк-ньюс», указывает на намеренное распространение недостоверной информации в медиа и традиционных средствах массовой информации. Цель подобных публикаций, по мнению Гловацкой О. Е., — получение финансовой либо политической выгоды [2].

Такое явление, как фейки, как продукт речевой деятельности, привели к формированию понятия «фейкинг», представляющего уже речевое действие. Данное действие, исходя из понятия «фейк», выполняет задачу умышленной и целенаправленной дезинформации о значимых фактах и событиях, обретающую форму новостей и распространяемую в массмедиа [1]. К слову «фейк» чаще всего применяют определения «фальшивый», «ложный», «выдуманный», «поддельный», «клевета», «сплетня», «путать», «отвлекать» и другие. Оценивая вред, который наносит недостоверная информация обществу, фейки даже сопоставляют по степени опасности с наркокартелями и ядерным оружием.

Ответственность исключительно за фейки законодателем не определена. Проанализировав действующие нор-

мативно-правовые акты, мы приходим к выводу, что нарушения, связанные с распространением ложной или вымышленной информации, регулируются, в частности, Кодексом об административных правонарушениях РФ, Уголовным кодексом РФ. В данном случае степень ответственности будет зависеть от степени общественной опасности деяния и общественно опасных последствий.

Галяшина Е. И. и Никишин В. Д. отмечают, что фейковая информация зачастую нацелена на то, чтобы подкрепить те или иные сведения определенной аудитории, у которой ранее уже сложились собственные установки [1]. В данном случае такие сведения лишь подкрепят точку зрения. В связи с этим возникает такое понятие, как механизм «групповой поляризации». Аудитория отвергает все то, что не согласуется с их мировоззренческими установками, не прибегнув к какой-либо малейшей критике. За счет конвергенции СМИ и социальных медиа распространять фейковую информацию, влияющую на сознание людей и подкрепляющую их искаженные установки, стало гораздо проще. Доступны различные форматы распространения тех или иных сведений — соцсети, электронные версии печатных изданий, онлайн-телевидение, новостные каналы в мессенджерах, упоминаемые ранее блоги, форумы и другие форматы, пространством для формирования и функционирования которых становится информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Согласимся, что за счет возникновения новых видов электронных средств массовой коммуникации фейковая информация распространяется гораздо быстрее и воспринимается потребителем сильнее, чем в иных информационных пространствах.

При распространении фейков используются определенные языковые средства для репрезентации заведомо ложной информации. Важными маркерами становятся адресность массовой аудитории, сенсационность сообщения за счет языковых средств, привлекающих внимание, и апелляция к чувствам и эмоциям аудитории для усиления эффекта воздействия на читателя.

«...ВЛАСТИ СКРЫВАЮТ! по ночам из больницы в Крылатском КАМАЗами вывозят тела умерших в результате заражения ковидом...» [1], — на фоне общей напряженности в обществе в период распространения коронавирусной инфекции использование подобных формулировок вызывает страх, сильные эмоции, запугивает,

обращает внимание, за счет всего достигаются выгодные для авторов цели.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что фейки, фейковые новости, которые заключают в себе заведомо ложную и недостоверную информацию, представляют серьезную угрозу жизни и безопасности граждан, вводят в заблуждение о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от тех или иных обстоятельств. Последствиями фейковизации становятся формирование у аудитории не справедливого, а желаемого, в том числе противоправного и деструктивного, отношения к окружающей действительности — явлениям, процессам, людям. При помощи недостоверной информации зачастую создается не реальная картина мира, а желаемый образ.

Всероссийский центр компетенций в области общественных связей и интернет-коммуникаций представил исследование о фейках в РФ «Тренды дезинформации в российском сегменте» по итогам 2025 года. Анализ и опросы показали, что среди населения растет информирование о фейках и дипфейках. 64 % респондентов уверены, что могут отличить достоверную информацию от ложной. 68 % встречали опровержение фейковой информации. 59 % опрошенных знают о существовании дипфейков. Необходимо отметить, что 46 % респондентов считают, что дипфейки необходимо регулировать законодательно.

Галашина Е. И. и Никишин В. Д. отмечают, что с тех пор, как введена ответственность за распространение фейковой информации, количество таких новостей значительно уменьшилось. Но существенные вызовы информационной безопасности РФ все же остаются. Данная проблема связана в том числе с упоминаемыми нами ранее закрытыми чатами, способом распространения недостоверной информации по принципу «сарафанного радио» и другими методами [1]. И работа по всестороннему обеспечению информационной безопасности находится в активной стадии. Согласимся с мнением исследователей, что необходимым условием полного обеспечения национальной безопасности РФ должно стать объединение усилий государства и общества по противодействию распространения недостоверной, в том числе деструктивной и преступной информации.

В последние четыре года основной проблемой остаются фейки о Российской армии и дискредитация Вооруженных Сил РФ на фоне проведения специальной военной операции на Украине. Ответственность за данные преступления предусмотрена ст. 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации о Вооруженных силах РФ» и ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию вооруженных сил РФ», введенными в марте 2022 года.

В то же время правоохранительные органы сообщают положительную статистику. Так, по данным, озвученным Следственным комитетом РФ, по итогам 2025 года в России стали реже возбуждать дела по военным фейкам и дискре-

дитации ВС РФ. Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин сообщил о том, что с 2022 года в российские суды направлено 325 уголовных дел о распространении фейков об армии и 125 уголовных дел о дискредитации Вооруженных сил. В 2022 году возбуждено 183 дела о фейках, в 2024 году — 140 дел, за девять месяцев 2025 года — 115 дел. За дискредитацию ВС РФ в 2023 и 2024 годах возбуждено 76 и 72 таких дела соответственно, за девять месяцев 2025 года — в два раза меньше [5].

В данном случае необходимо разъяснить, чем фейки о Российской армии отличаются от дискредитации Вооруженных сил РФ. Говоря о недостоверной информации, распространяемой о Российской армии, необходимо указать на вышеупомянутое определение «утверждение о фактах». Ст. 207.3 УК РФ устанавливает ответственность за распространение тех сведений, которые можно проверить на соответствие действительности — иначе говоря, верифицировать. В данном случае задачами следствия путем проведения судебно-лингвистической экспертизы становится выявить, представлена ли, что важно, публично распространяемая информация в виде утверждения о фактах либо событиях или в рассматриваемых ранее формах — мнениях, предположениях или оценочных суждениях. Распространение таких сведений направлено, безусловно, не на отражение реальной картины мира, а желаемый образ, на пропаганду иных ценностей за счет фальшивых образов, недостоверных сведений о действиях Российской армии.

Дискредитация Вооруженных сил РФ предполагает осуществление умышленных действий, направленных на то, чтобы подорвать доверие к органам государственной власти, умалить их значение и достоинство. В данном случае получателя информации убеждают в том, как негативен характер действий Вооруженных сил РФ и органов государственной власти. Речевое поведение, состоящее из определенных речевых действий, становится похожим на речевые действия, направленные на умаление человеческого достоинства личности или группы людей, связанное с его/их социальной идентичностью, о чем упоминает Никишин В.Д. [3].

При анализе и проверке информации, которая нацелена на дискредитацию Вооруженных сил РФ, необходимо рассматривать три компонента — предмет речи, то есть тематику, отношение и речевую цель. Информация о действиях Вооруженных сил РФ и органах государственной власти содержится в предмете речи. Отношение отражает негативную оценку задач Вооруженных сил РФ и органов государственной власти. В компоненте «речевая цель», которую рассматривают в рамках судебно-лингвистической экспертизы, будет содержаться цель убеждения, то есть цель распространения сведений, дискредитирующих Вооруженные силы РФ и органы государственной власти.

Таким образом, речевые преступления, совершаемые в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», имеют разные цели и задачи. Это, в частности, и оценочные суждения в отношении одного лица или

определенной группы, и воздействие на взгляды одного лица или группы людей. Необходимо отметить, что в настоящее время одним из наиболее распространенных речевых преступлений становятся фейки, распространение заведомо ложной информации в форме утверждений, преследующей цели влияния на массовое сознание, в том числе с помощью призывов, представляющих собой определенную форму воздействия на сознание, волю и пове-

дение людей, при которой путем непосредственного обращения к ним формируются побуждения к различным видам деятельности. Призывы имеют общий характер и обращены к неопределенному кругу лиц. Статистика, в которой отражены результаты работы органов предварительного следствия по расследованию данных преступлений, показывает сокращение совершения подобных правонарушений.

Литература:

1. Галяшина Е. И., Никишин В. Д., Богатырев К. М., Пфейфер Е. Г. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие. М., 2025. С. 5.
2. Гловацкая О. Е. Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. 2019. № 2 (7). С. 139–152.
3. Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика: Монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М. Проспект, 2019. С. 79–81.
4. Решение Тверского районного суда Москвы от 21 марта 2022 г. № 02–2473/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москва. — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (дата обращения 28.02.2026)
5. СКР в 2025 году стал реже возбуждать дела по военным фейкам // «Коммерсант». — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8341252> (дата обращения 14.04.2026)
6. Уголовное дело № 1–187/2023 // Архив Первомайского районного суда г. Краснодара

Некоторые проблемы неисполнения договорного обязательства в гражданском праве Российской Федерации

Персичкина Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Московский экономический институт

В современных рыночных отношениях складывающаяся ситуация на территории Российской Федерации просто вынуждает предпринимателя вести свою деятельность в рамках договорных отношений, которые будут защищать как его интересы, так и интересы его партнера. Неотъемлемой частью такого рода отношений всегда является договор. С его помощью отслеживается координация правоотношений хозяйствующих субъектов на различных этапах взаимодействия. В настоящее время в практике российского предпринимательства важен не только договор. Важна сама функция политики свободного заключения договорных правоотношений.

Ключевые слова: юриспруденция, договор, гражданское право, договорные отношения, договорные обязательства.

Some problems of non-fulfillment of contractual obligations in civil law Russian Federation

In modern market relations, the current situation on the territory of the Russian Federation simply forces the entrepreneur to conduct his activities within the framework of contractual relations that will protect both his interests and the interests of his partner. An integral part of this type of relationship is always an agreement. With its help, the coordination of legal relations between economic entities at various stages of interaction is monitored. Currently, in the practice of Russian entrepreneurship, not only the contract is important. The very function of the policy of free conclusion of contractual relations is important.

Keywords: jurisprudence, contract, civil law, contractual relations, contractual obligations.

Закон призван обеспечить правовой механизм для договорных отношений, которые этого требуют. Это одна из составляющих эффекта правового регулирования. Поэтому законодателю следует своевременно создавать

новые виды договоров (виды, подвиды), отражающие юридически значимое многообразие хозяйственного оборота.

В гражданском обороте и предпринимательской деятельности договоры выступают в качестве основного спо-

сوبا юридического оформления всех процессов перемещения объектов гражданских прав. Договоры становятся основным инструментом ведения бизнеса с юридической точки зрения, поскольку предпринимателям необходимо юридически оформить все действия по получению или отчуждению гражданских прав. Настоящее соглашение является одним из основных регуляторов гражданских, деловых, организационных и других общественных отношений между хозяйствующими субъектами.

Особое правовое положение предпринимательского договора в системе гражданско-правовых сделок обусловлено, прежде всего, особенностями субъектного состава, целью заключения, обязательством встречного обеспечения.

В рамках настоящего исследования рассмотрим некоторые проблемы правового регулирования института ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по гражданско-правовому договору:

Во-первых, Гражданский кодекс Российской Федерации не раскрывает механизм возмещения убытков, и отсутствует современная методика определения размера ущерба (убытка) вследствие нарушения договорных обязательств.

По смыслу статей 15 и 393 Гражданского кодекса Российской Федерации кредиторы обязаны предоставить доказательства, подтверждающие наличие убытков, и с разумной степенью достоверности обосновать их размер и причинно-следственную связь между невозможностью или ненадлежащим исполнением обязательств должником и вытекающими из этого убытками. Должник имеет право оспорить размер убытков и представить доказательства того, что кредитор может уменьшить убытки, но не предпринял разумных мер против этого (статья 404 Гражданского кодекса).

С точки зрения причинно-следственной связи должник несет ответственность только за убытки, которые являются результатом нарушений и могут быть разумно предвидены при заключении договора, а взыскание других убытков остается большой проблемой.

Тем не менее, сумма может быть уменьшена, если кредитор не предпринял разумных шагов для уменьшения убытков. Основа добросовестного поведения кредитора, с учетом его особенностей, индивидуальна в каждом конкретном случае.

В коммерческом договоре нет необходимости устанавливать вину кредитора за нарушение договора. Если стороны подписали договор не с целью получения прибыли, решение о применении мер ответственности в соответствии с правилами пункта 1 статьи 401 ГК РФ зависит от того, могут ли обязательства рассматриваться как корпоративная деятельность лица в процессе нарушения. Если контракт заключен физическим лицом или некоммерческой организацией с целью получения прибыли, ответственность возникает даже при отсутствии вины.

Существуют правила, которые позволяют вам возмещать убытки только тогда, когда предполагается нарушение (предсказуемое нарушение) — например,

фактическая угроза нарушения и убытки, вызванные расторжением контракта. Когда кредитор понимает реальность угрозы будущего нарушения обязательств, он имеет право отказаться от договора и взыскать убытки в соответствии с пунктом 2 статьи 328 ГК РФ.

В данном случае можно возместить ущерб, причиненный незаконными действиями. Таким образом, статьи 711 и 782 ГК РФ предусматривают, что исполнитель имеет право отказаться от договора, но в то же время обязан возместить заказчику убытки. Закон также определяет случаи возмещения ущерба в результате законных действий органов государственной власти или местного самоуправления.

При определении суммы убытка отсутствие четких критериев для определения убытка является проблемой, когда размер не может быть точно определен. Закон уточняет, что в данном случае, в соответствии со всеми обстоятельствами дела, должен соблюдаться принцип справедливости и соразмерности ответственности за совершенные нарушения, а размер ущерба должен быть определен с разумным уровнем достоверности. Это приводит к ситуации, когда суд взыскивает символические суммы, и оспорить такое взыскание практически невозможно.

Чтобы решить эту проблему, необходимо законодательно закрепить порядок расчета убытков. При расчете суммы убытков из-за неисполнения договорных обязательств каждый вид убытков должен быть рассчитан отдельно и полученные результаты должны быть обобщены.

Во-вторых, в качестве меры ответственности за выполнение договорных обязательств отсутствует методика определения размера компенсации морального вреда. Следует разработать методы определения уровня и размера различных базовых компенсаций за моральный ущерб.

На протяжении довольно долгого времени одним из самых спорных вопросов в социальной, медицинской и гуманитарной науке остается феномен морального вреда. Несмотря на достаточные требования к возмещению морального вреда гражданско-правовыми методами защиты физических лиц, совокупную судебную практику по делу о возмещении морального вреда, проблема понятия морального ущерба, определения его размера и способа возмещения не теряет актуальности.

В наше время не существует юридического способа определить размер морального вреда, который нуждается в компенсации. Важным препятствием на пути решения этой проблемы является, на наш взгляд, дефект законодательно закрепленного понятия морального вреда; широта сферы правоотношений, которая рискует причинить моральные и физические страдания; отсутствие указаний по определению степени (глубины) страданий, испытываемых лицом, нарушающим его права, свободы и законные интересы, согласно положениям, ст. 45, ст. 46 Конституции РФ.

Согласно юридическому определению (ст. 151 ГК РФ), моральный вред — это физические или нравственные страдания, причиненные лицу в результате действий, по-

влекших за собой действие, связанное с нарушением неимущественных прав физического лица или посягательством на нематериальные блага, принадлежащие физическому лицу. Моральный ущерб может быть причинен и в других случаях, предусмотренных законом.

Столь краткое определение законодателя не раскрывает сути искомого явления. Категории «физическое страдание» и «моральное страдание» являются оценочными понятиями и сами по себе требуют объяснения.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации № 101 от 20 декабря 1994 года описывает некоторые аспекты применения законодательства о компенсации морального вреда, предоставляя перечень личных неимущественных, нематериальных благ, нарушений, которые могут привести к страданиям. В то же время очевидно, что такое нарушение может выражаться как в поведении, так и в бездействии, и может нанести вред, в том числе личным имущественным правам. В постановлении также приводятся примеры последствий преступлений (потеря родственников, потеря работы, разглашение медицинской или семейной тайны, физические страдания, болезнь и т. д.), в связи с чем возникают моральные страдания. В другом руководящем разъяснении (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу») обращается внимание на необходимость учитывать факт противоправного или аморального поведения потерпевшего, в случае если такой факт имел место и подтверждается обстоятельствами дела.

Обозначив императивное условие, необходимое для привлечения к ответственности за причиненный вред (вина правонарушителя, причинная связь) и случаи-исключения, Пленум ВС не приводит критериев для оценки степени испытываемых страданий и, следуя законодательным положениям (ст. 151, ст. 1101 ГК РФ), возлагает такое бремя на суд, который должен исходить из фактических обстоятельств, индивидуальных особенностей потерпевшего и других индикаторов, свидетельствующих о тяжести испытанных нравственных и физических мучений.

Судебные инстанции должны придерживаться баланса интересов, исходить из требований разумности, справедливости и соразмерности компенсации последствиям правонарушения.

В контексте морального вреда (как правовой категории) можно с уверенностью сказать, что физическая

и моральная боль фактически определяет моральный вред, потому что физическая боль всегда приводит к нравственным мучениям, и наоборот, длительная нравственные мучения могут привести к физической боли [5].

Сложность разрешения ситуаций с определением размера компенсации морального вреда отмечается и судебными инстанциями, указывающими на оценочный характер данной категории, не предполагающий возможности точного выражения в деньгах, в связи с чем такой вред не поддается и точному денежному подсчету.

Научный и практический интерес к проблеме возмещения морального вреда активизировал поиск возможных оптимальных решений для объективной оценки размера подлежащего компенсации вреда исходя из конкретных или типовых ситуативных обстоятельств. Исследователи предлагают различные вариации, в том числе исходя из опыта зарубежных государств, где методики оценки степени морального вреда опробованы на практике.

В-третьих, в судебной практике представляется трудным доказать компоненты гражданского преступления, которые по своей сути носят оценочный характер, как причинно-следственные связи, необходимые для возмещения потерпевшим убытков. В науке и практике нет единого мнения о том, будет ли взаимосвязь между фактами юридически значимой причинно-следственной связью. Поскольку Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает презумпцию виновности потерпевшего, представляется целесообразным установить аналогичную презумпцию в отношении наличия причинно-следственной связи между деликтом и убытками, понесенными на территории потерпевшего.

Следует подчеркнуть, что в данном случае это осмысленное предположение, то есть юридическое допущение, которое может быть опровергнуто ответчиком. Использование предложенных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования деятельности органов, ответственных за выполнение договорных обязательств, несомненно, будет способствовать защите прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, пострадавших из-за незаконных действий других лиц [3].

Таким образом, в статье нами рассмотрены некоторые проблемы неисполнения договорного обязательства в гражданском праве Российской Федерации, а также предложены меры совершенствования законодательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г. № 295-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 17.02.2023).
3. Глаголева, Е. С. Особенности правовой регламентации ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств / Е. С. Глаголева // Актуальные проблемы российского права и законодательства. Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. С. 133–134.

4. Глобальные вызовы, новые риски и приоритеты экономических систем: Монография. В 2-х томах / Р. М. Богданова, М. В. Краснопахтнич, Н. Д. Родионова [и др.]; Под редакцией С. В. Бердникова, Н. Г. Кузнецова. Том 2. — Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2019. — 298 с. — ISBN 978-5-7972-2701-4. — EDN VSVKJQ.
5. Пустовалова И. Н., Валеева И. А. Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда // Век качества. 2021. № 3. С. 190
6. Перспективы развития права в условиях глобальных социальных перемен / Е. В. Бочкарева, Р. В. Закомолдин, И. М. Исрафилов [и др.]. — Москва: Издательская группа «Юрист», 2023. — 368 с. — ISBN 978-5-94103-518-2. — DOI 10.18572/978-5-94103-518-2-2023-1-368. — EDN CPKOLG.
7. Правовая политика в сфере экономики и особенности русской этнической культуры / О. Курилкина, А. Овчинников, И. Самойлова [и др.] // Центральная Азия и Кавказ. — 2016. — Т. 19, № 1. — С. 78-86. — EDN VUECQV.

Органы внутренних дел в системе правоохранительных органов

Петухова Виктория Вячеславовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В данной публикации определяется ключевая роль органов внутренних в правоохранительном механизме; определяются ключевые функции данного правоохранительного органа, приводятся статистические показатели эффективности его деятельности.

Ключевые слова: органы внутренних дел, охрана, безопасность, система, правопорядок, защита.

Государственный механизм в качестве своего неотъемлемого элемента содержит в составе систему правоохранительных органов, посредством которых обеспечивается исполнение действующего законодательства, защита прав и свобод граждан, общественная безопасность и правопорядок.

Термин «правопорядок» имеет конституционное закрепление и в п. «б» ч. 1 ст. 72 Основного закона определяет его наравне с такими правовыми категориями, как «законность», «общественная безопасность», указывая на то, что вопросы их обеспечения находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов, то есть реализуются на федеральном и региональном уровнях [1].

В соответствии со ст. 17 Конституции РФ [1] каждому гарантируется признание его прав и свобод, определенных нормами международного законодательства, Конституцией РФ, федеральным и региональным законодательством. Положения ст. 45 Конституции РФ гарантируют защиту данных прав всеми законодательно разрешенными средствами, включая самозащиту и судебную защиту [1].

Характеризуя систему правоохранительных органов Российской Федерации, в первую очередь следует указать на отсутствие единого законодательно определенного подхода к ней. Так, в настоящее время ни в одном нормативном правовом акте не содержится определение таких понятий, как «правоохранительный орган», «правоохранительная деятельность», «система правоохранительных органов». Также отсутствуют законодательные критерии, которые могли бы служить ориентиром, для отнесения того или иного органа (ведомства) к числу правоохранительных.

Следует согласиться с П. С. Долгополовым, что понятие правоохранительных органов следует толковать этимологически, то есть за основу брать понятие «охрана права», что предполагает обеспечение безопасности, правопорядка, законности, защита от преступных посягательств и восстановление нарушенных прав [3].

Не погружаясь в дискуссию о системе правоохранительных органов и их признаках, отметим, что органы внутренних дел (далее — ОВД) являются системообразующим элементом всей правоохранительной системы, на что имеются соответствующие аргументы:

— на ОВД возложено решение комплекса оперативно-служебных задач, связанных с защитой прав и свобод граждан, предотвращением и пресечением правонарушений, охраной общественного порядка и общественной безопасности. Это делает их центральным звеном в системе правоохранительных органов, непосредственно взаимодействующим с населением;

— ОВД осуществляют деятельность в различных аспектах реализации правоохранительной функции государства: административной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной. Они занимаются не только раскрытием и расследованием преступлений, но и профилактикой правонарушений, оказанием социальной и правовой помощи населению;

— ОВД координируют свои действия с прокуратурой, ФСБ, Следственным комитетом, таможней, органами местного самоуправления и другими ведомствами. Это взаимодействие включает совместный анализ преступности, разработку программ по обеспечению безопасности, обмен информацией, создание совместных след-

ственных групп и проведение совместных мероприятий. Согласно ст. 10 ФЗ «О полиции» [2], взаимодействие и сотрудничество — один из основополагающих принципов деятельности полиции;

— ОВД реализует ключевые правоохранительные функции. К ним относятся: выявление и раскрытие преступлений, предупреждение и профилактика правонарушений, привлечение виновных к ответственности, а также обеспечение соблюдения прав и свобод граждан. В некоторых случаях ОВД наделены полномочиями определять меру наказания за административные правонарушения и осуществлять её;

— в структуре МВД России объединены различные подразделения: участковые уполномоченные, ГИБДД, уголовный розыск, отделы по борьбе с экономическими преступлениями, наркотиками, организованной преступностью, специальные отделы по делам несовершеннолетних и другие. Это позволяет создавать единую систему управления и контроля в сфере обеспечения внутренней безопасности;

— ОВД являются самой многочисленной структурой среди правоохранительных органов России. По данным на 2025 год, их предельная штатная численность составляла 938 856 единиц, включая сотрудников ОВД, федеральных государственных гражданских служащих и работников. Для сравнения: в других правоохранительных органах численность значительно ниже.

На приоритетность положения ОВД в общей структуре правоохранительных органов указывают данные официальной статистики противодействия преступности. Приведем лишь некоторые показатели правоохранительной деятельности ОВД за 2025 год [4].

По данным МВД России, в 2025 году наблюдалось снижение общего количества зарегистрированных преступлений на 7,3 % по сравнению с предыдущим годом. При этом отмечались как позитивные тенденции (уменьшение числа преступлений против личности, имущественных преступлений, киберпреступлений), так и некоторые тревожные моменты, например, рост удельного веса тяжких и особо тяжких составов.

Некоторые ключевые статистические показатели противодействия преступности за 2025 год:

Преступления против личности сократились на 9,2 %. В частности, количество убийств и покушений на убийство снизилось на 11,8 %, а фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 14,8 %.

Имущественные преступления также уменьшились: разбои — на 11,2 %; грабежи — на 18,3 %; кражи — на 9,3 % (в том числе квартирные — на 27,1 %, краж автомобилей — на 23,7 %, угонов — на 11,6 %).

Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) снизились на 11,8 % по сравнению с 2024 годом. В том числе:

дистанционных краж — на 23,6 %; дистанционных мошенничеств — на 9 %; преступлений в сфере компьютерной информации — на 42,2 %.

Преступления в общественных местах уменьшились: на улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано на 15,1 % меньше преступлений. Уличных разбоев стало меньше на 22 %, грабежей — на 32,2 %, краж — на 20,5 %.

Преступления на транспорте снизились на 2,3 %.

Преступления, совершённые в состоянии алкогольного опьянения, уменьшились на 19,2 %, а совершённые ранее судимыми лицами — на 12,9 %.

В ходе расследованных уголовных дел полицейскими из незаконного оборота изъято 27,5 тонны наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также сильнодействующих веществ.

Однако, несмотря на общее снижение преступности, отмечался рост удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений — до 35 %. Также в 2025 году фиксировался рост числа выявленных коррупционных преступлений, включая взяточничество и коммерческий подкуп, особенно в части посредничества и сложных многоуровневых схем [4].

Таким образом, органы внутренних дел занимают ключевое место в системе правоохранительных органов Российской Федерации. Они являются одним из важнейших институтов, обеспечивающих реализацию правоохранительной функции государства, направленной на защиту прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

К числу важнейших задач, решаемых данным правоохранительным органом, необходимо отнести: обеспечение безопасности личности, защита её прав, свобод и законных интересов, а также интересов общества и государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и других правонарушений; охрана общественного порядка и общественной безопасности; раскрытие и расследование преступлений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
3. Долгополов П. С. Система правоохранительных органов РФ // СПС КонсультантПлюс. 2026.
4. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 15.05.2026).

Вопросы правового регулирования использования персональных данных искусственным интеллектом

Петухова Дарья Валерьевна, студент

Научный руководитель: Чердакова Лариса Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Современное использование искусственного интеллекта в различных сферах жизни общества вызывает актуальные вопросы правового регулирования, особенно в контексте защиты персональных данных. Технологии ИИ активно применяются в медицинской диагностике, финансовых и образовательных системах, в сфере электронного бизнеса и рекламы. Однако использование этих технологий сопровождается рисками, связанными с утечкой, несанкционированным доступом и манипуляцией персональными данными. В статье рассматривается текущее состояние правового регулирования использования персональных данных в контексте искусственного интеллекта, а также анализируется судебная практика. Автор обращает внимание на проблемы, возникающие при применении действующего законодательства и выдвигает предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, персональные данные, правовое регулирование, защита данных, цифровизация.

Issues of legal regulation of the use of personal data by artificial intelligence

Petukhova Darya Valeryevna, student

Scientific advisor: Cherdakova Larisa Anatolyevna, phd in law, associate professor

Irkutsk National Research Technical University

The modern use of artificial intelligence in various spheres of society raises urgent issues of legal regulation, especially in the context of personal data protection. AI technologies are actively used in medical diagnostics, financial and educational systems, in the field of electronic business and advertising. However, the use of these technologies comes with risks associated with leakage, unauthorized access, and manipulation of personal data. The article examines the current state of legal regulation of the use of personal data in the context of artificial intelligence, as well as analyzes judicial practice. The author draws attention to the problems that arise in the application of current legislation and puts forward proposals for its improvement.

Keywords: artificial intelligence, personal data, legal regulation, data protection, legislation, digitalization, protection of citizens' rights.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) на сегодняшний день и его внедрение практически во все сферы общественной жизни создает новые требования для правового регулирования использования персональных данных. Согласно исследованию ВЦИОМ и НЦРИИ, уровень использования технологий ИИ российскими организациями составлял 43 % в 2024 году [1], а по данным Forbes, 70 % российских компаний используют генеративный ИИ в работе (2025) [2], но не конкретно для анализа персональных данных (специализированное использование ИИ для анализа персональных данных составляет значительно меньший процент), например, по данным интернет ресурсам в проведенном исследовании при поддержке ассоциаций в 2024 году «Руссофт» и ВРМ-профессионалов, а также компании Artezio (ГК «Ланит») только 7,9 % российских компаний сегодня применяют искусственный интеллект (ИИ) для обработки персональных данных, несмотря на значительные преимущества этой технологии [3]. В условиях такого активного развития технологий возникает необходимость формирования адекватной нормативной базы, обеспечивающей защиту конституционных прав граждан. Так, подпункт «м» ст. 71 Конституции РФ закрепляет право

граждан, которое находится в ведении Российской Федерации, а именно обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных [4].

Теперь определим, что представляют собой персональные данные. Определение персональных данных содержится в п.1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ: персональные данные — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [5].

Также персональные данные — это информация, относящаяся к идентифицируемому физическому лицу, включая данные о расовой и национальной принадлежности, политических и религиозных взглядах, а также данные о здоровье, финансовой состоятельности и другие сведения [6].

А искусственный интеллект в соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации» от 24.04.2020 № 123-ФЗ: это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать

когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [7].

Таким образом, рассмотрев два понятия, придем к выводу, что использование персональных данных искусственным интеллектом — это применение алгоритмов ИИ для обработки и анализа личных данных, включающих сбор, хранение и использование информации.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время существуют риски использования персональных данных искусственным интеллектом, из них отметим следующие:

— Первое — это **несанкционированный сбор и обработка данных**. То есть алгоритмы ИИ могут собирать информацию о поведении, привычках и интересах человека, что нарушает право на неприкосновенность частной жизни.

— Самой главной угрозой, по нашему мнению, является **утечка данных**. Злоумышленники могут получить доступ к персональным данным, например, через поддельные ИИ-сервисы или искажение данных на этапе обучения.

— А также **дискриминация**. Сервисы ИИ могут строить стереотипы на основе личных характеристик, что приводит к искаженным решениям, например, при выдаче кредита или приёме на работу.

Современное законодательство, состоящее из Общего регламента защиты данных (GDPR) в Европейском Союзе [8] и Федеральный закон РФ «О персональных данных», устанавливает четкие правила обработки таких данных.

Однако с развитием ИИ возникает вопрос о том, как применять традиционные нормы для регулирования новых технологий, которые могут автоматически собирать, анализировать и обрабатывать данные, а также принимать решения, основываясь на этих данных. Влияние искусственного интеллекта на использование персональных данных требует пересмотра и возможного усовершенствования существующих нормативных актов.

В Европейском Союзе действуют строгие правила защиты данных, регулируемые GDPR. В частности, ст. 22 этого регламента устанавливает запрет на принятие решений, основанных исключительно на автоматической обработке данных, включая профилирование, если это приводит к юридическим последствиям для субъекта данных. Однако многие технологии ИИ, в том числе алгоритмы машинного обучения, используют именно такой подход к обработке данных, что вызывает вопросы о правомерности применения этих норм в условиях цифровизации.

В России правовое регулирование использования персональных данных в рамках искусственного интеллекта, как уже было выше упомянуто об этом законе, регулируется ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных». Этот закон устанавливает основные принципы и требования к обработке данных, однако в условиях стремительного технологического прогресса требуется принятие дополнительных норм, направленных на защиту данных в контексте искус-

ственного интеллекта. Кроме того, базовые особенности правового режима применения ИИ отражены в Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года и Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 года, утвержденный Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [9]. Вместе с тем, действует **Приказ Росфинмониторинга от 18.04.2023 № 84** [10], **которым** установлено, что согласия для обработки персональных данных, полученных в результате обезличивания персональных данных для ИИ, не требуется. Однако такой подход имеет проблему: обезличивание информации не даёт гарантию того, что данные невозможно восстановить.

Таким образом, **перед законодателем стоит задача совершенствования нормативно-правового регулирования механизма создания и использования ИИ**, в том числе в части определения условий применения его систем, при этом необходимо обеспечить защиту от неправомерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Итак, на данный момент вопросы правового регулирования ИИ и защиты персональных данных в России не регулируются отдельными нормами, что требуется совершенствовать.

Стоит отметить, что в последние годы судебная практика показывает нам активное рассмотрение дел, связанных с нарушением прав граждан на защиту персональных данных. В частности, судебные инстанции начали рассматривать дела о незаконном использовании данных, собранных с помощью технологий ИИ. Примеры судебных дел, рассматриваемых в России, касаются случаев утечки данных, использования несанкционированных алгоритмов для анализа личной информации и нарушения права граждан на информированное согласие.

В качестве примера приведем интересный случай. **Постановление мирового судьи от 8 июля 2022 года по делу № 5–564/2022** [11] о привлечении к ответственности медицинской лаборатории «Гемотест». Утечка персональных данных клиентов, произошедшая 3 мая 2022 года. В состав сведений вошли ФИО, дата рождения, пол, адрес, СНИЛС, сведения, указанные в документе, удостоверяющем личность, сведения об оказанных медицинских услугах и прочее. **Защита компании** вину не признала, указав, что отсутствует умысел по предоставлению персональных данных клиентов злоумышленнику и распространению данных неограниченному числу лиц. Причиной утечки названа хакерская атака. **Однако суд** признал «Гемотест» виновным, указав, что «оператор не обеспечил конфиденциальность такой информации и допустил обработку (передачу) вверенной ему информации в случаях, не предусмотренных законодательством РФ в области персональных данных». **Компания** была оштрафована на 60 тыс. рублей по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ. Данный пример нам показывает утечку персональных данных с использованием искусственного интеллекта.

Также рассматриваемый нами вопрос не остался незамеченным и в научной литературе. Существует широкий

спектр мнений по вопросам правового регулирования использования персональных данных в контексте ИИ. Большинство ученых сходятся во мнении, что существующие нормативно-правовые акты нуждаются в доработке для того, чтобы учитывать специфику новых технологий. Предлагаются различные подходы к регулированию, включая создание специальных законов и введение новых норм в существующие законодательные акты. Например, Б. А. Окишев отмечает **«о необходимости доработки нормативно-правовых актов для регулирования использования персональных данных в использовании искусственного интеллекта, автор подчеркивает, что важно найти баланс между требованиями по защите персональных данных и необходимостью их использования для обучения систем ИИ. Ограничения сбора и анализа данных могут привести к снижению скорости развития технологий ИИ»** [12].

В свою очередь Ю. А. Агафонова пишет, что **«необходимо предусмотреть чёткие законодательные механизмы сбора информации при масштабном внедрении ИИ, которые будут направлены на защиту права работников на частную жизнь и при этом помогут компаниям эффективно использовать свои ресурсы»** [13]. С данной точкой зрения мы полностью согласны.

Также важно выделить изменения в законодательстве РФ, вступившие в силу в 2025 году, в частности:

1. Усиление административной ответственности в соответствии со ст. 13.11 КоАП РФ: с 30 мая 2025 года действуют новые штрафы за нарушения в области персональных данных — до 18 млн рублей для юридических лиц при повторных нарушениях [14].
2. Новые требования по уведомлениям: введена обязательность уведомления Роскомнадзора о начале обработки персональных данных в соответствии с Приказом Роскомнадзора от 28.02.2022 № 180 [15].
3. Развитие регулирования ИИ: Минцифры разработало проект концепции развития регулирования ИИ до 2030 года [16].
4. Подготовка уголовной ответственности: готовится законопроект об уголовной ответственности за преступ-

ления с использованием ИИ, предусмотренной ст. 63 УК РФ [17].

Делая вывод по данным нововведениям, подчеркнем, что перед Россией также остается нерешенным вопрос о совершенствовании законодательства РФ в использовании персональных данных ИИ.

Так, исследовав весь материал по регулированию использования персональных данных в технологиях ИИ, выявив недостатки и некоторые проблемы, мы представим предложения по совершенствованию законодательства.

Предлагается разработать отдельный Федеральный закон, регулирующий использование искусственного интеллекта в сфере обработки персональных данных. Этот закон должен содержать нормы, касающиеся создания и использования алгоритмов, а также принципы защиты прав субъектов данных. Однако разработка и введение нового ФЗ, процесс длительный и трудоемкий и мы предлагаем для начала внести изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» с учетом особенностей обработки данных с использованием ИИ, а также установить требования к алгоритмам машинного обучения, в том числе принципы обеспечения прозрачности их работы.

Необходимо также разработать и внедрить нормы, которые будут обеспечивать защиту данных на всех этапах использования ИИ, включая их сбор, обработку и хранение. Важным аспектом является внедрение механизмов контроля и аудита для повышения прозрачности работы ИИ-систем.

Подводя итог, отметим, что правовое регулирование использования персональных данных в системе искусственного интеллекта является одной из наиболее актуальных проблем в области цифрового права.

Существующие законодательные акты требуют усовершенствования, чтобы эффективно защищать права граждан в условиях стремительного развития технологий. Создание новых норм и законов, направленных на регулирование ИИ, а также усиление контроля за обработкой персональных данных, станет важным шагом на пути к обеспечению прав и свобод граждан в цифровую эпоху.

Литература:

1. ВЦИОМ. Новости: Искусственный интеллект покоряет бизнес: внедрение ИИ в компаниях выросло в два раза. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/announcements-item/iskusstvennyi-intellekt-pokorjaet-biznes-vnedrenie-ii-v-kompanijakh-vyroslo-v-dva-raza> (25.09.2025).
2. Генеративный искусственный интеллект используют 70 % российских компаний | Forbes.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/535047-generativnyj-iskusstvennyj-intellekt-ispol-zuut-70-rossijskih-kompanij> (25.09.2025).
3. Исследование: лишь 7,9 % российских компаний используют ИИ для обработки данных CNews [Электронный ресурс]. URL: https://corp.cnews.ru/news/line/2024-06-06_issledovanie_lish_79_rossijskih (25.09.2025).
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31(1ч.). — ст.3451.

6. Защита персональных данных [Электронный ресурс]. URL: <https://vlu-tgs.obr.sakha.gov.ru/zaschita-personalnyh-dannyh> (03.06.2025).
7. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 17. — ст.2701.
8. О защите физических лиц относительно обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/EC: Общий Регламент по защите персональных данных [Электронный ресурс]. URL: https://gppa.pro/_media/world/gdpr.pdf (03.06.2025).
9. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 41. — ст.5700.
10. Об организации работы с персональными данными в Федеральной службе по финансовому мониторингу и ее территориальных органах: Приказ Росфинмониторинга от 18.04.2023 № 84 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>
11. Постановление мирового судьи от 8 июля 2022 года по делу № 5-564/2022 [Электронный ресурс]. URL: mos-sud.ru (03.06.2025).
12. Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 70–75. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-obrabatyvaemyh-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (25.09.25)
13. Агафонова Ю. А. Искусственный интеллект VS Защита персональных данных [Электронный ресурс]. URL: https://hselegalhackers.tilda.ws/artificial_intelligence (03.06.2025).
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // Собрание законодательства РФ — 07.01.2002 — № 1 (ч. 1) — ст. 1.
15. Об утверждении форм уведомлений о намерении осуществлять обработку персональных данных, об изменении сведений, содержащихся в уведомлении о намерении осуществлять обработку персональных данных, о прекращении обработки персональных данных: Приказ Роскомнадзора от 28.10.2022 № 180 (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2022 № 71532) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. (25.09.25).
16. Концепция регулирования искусственного интеллекта — АКИТ [Электронный ресурс]. URL: <https://akit.ru/news/mintsifry-podgotovilo-kontseptsiyu-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 25.09.2025).
17. Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://akit.ru/news/mintsifry-podgotovilo-kontseptsiyu-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta> (25.09.2025).

Психологические особенности личности потерпевшего от насильственных преступлений

Писаренко Евгения Олеговна, студент магистратуры
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Статья посвящена исследованию психологических особенностей жертв насильственных преступлений и их влияния на уголовный процесс. Целью работы является анализ психотравмирующего воздействия криминального насилия на личность и выявление процессуальных рисков вторичной виктимизации. На основе теоретического анализа и данных судебно-следственной практики рассматриваются закономерности формирования показаний в условиях стресса, специфика работы с несовершеннолетними потерпевшими и феномен отсроченного сообщения о преступлении. Результатом исследования является комплекс практических рекомендаций, направленных на минимизацию ретравматизации потерпевших при соблюдении принципов доказывания.

Ключевые слова: потерпевший, преступление, насильственные преступления, противоправное деяние, виктимность, вторичная виктимизация.

Насильственная преступность — одна из составных частей общей структуры преступности, в которую входят деяния, связанные с физическим и психическим

насилием над личностью или угрозой его применения. [2] Насильственная преступность может пониматься в широком смысле — при этом в неё включаются все

деяния, в которых насилие выступает способом посягательства.

Словарное определение насилия, данное Ожеговым, отражает его сущность как применения физической силы, принудительного воздействия или нарушения личной неприкосновенности. [3] Однако в криминологическом и психологическом контексте понятие насилия гораздо шире: оно включает не только телесные повреждения, но и психическое воздействие, угрозы, запугивание, ограничение свободы, моральное давление, шантаж, оскорбления, а также иные формы противоправного влияния.

Насильственная преступность характеризуется общим способом совершения — применением физического или психического воздействия, — что объединяет её в отдельную криминологическую группу. При этом исследованию подлежит исключительно то насилие, которое нарушает нормы уголовного закона, т. е. криминальное насилие. В его структуре выделяются два основных вида: физическое (телесные повреждения, посягательство на жизнь) и психическое (угрозы, унижения, шантаж, ограничения свободы, манипулирование). Оба вида имеют значимое психологическое влияние на потерпевшего, вызывая комплекс стрессовых реакций. [4]

За первые девять месяцев 2025 года в Российской Федерации зарегистрировано снижение числа преступлений на 5,4 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Наиболее значительное сокращение отмечается в сфере преступлений против личности — на 9,1 %. В частности, количество убийств и покушений на убийство уменьшилось на 13 %, а случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 13,5 %. [5]. Несмотря на позитивную динамику, психологические особенности потерпевшего от насильственных преступлений занимают ключевое место в системе уголовного судопроизводства, поскольку именно они определяют особенности его поведения в ситуации преступления, влияют на способность воспринимать происходящее и воспроизводить информацию при допросе, а также обуславливают необходимость особого процессуального подхода. Насилие, независимо от того, реализовано оно физически или выражено через угрозу его применения, всегда затрагивает фундаментальные основы личной безопасности человека, что неизбежно отражается на эмоциональной, когнитивной и поведенческой сфере пострадавшего.

Эмоциональная и когнитивная сферы человека подвергаются наиболее выраженному воздействию в момент насилия. Потерпевший оказывается в экстремальной ситуации, сопровождающейся резкой активацией стрессовых механизмов. В результате его восприятие событий становится фрагментарным, внимание — избирательным, память — частично блокированной или искажённой. Данные психофизиологические проявления не могут трактоваться как признак недобросовестности или недостоверности показаний; напротив, они отражают естественные психофизиологические реакции на опасность. Поэтому следственные органы и суд должны учитывать эти особенности и исключать оценочные суждения о

«противоречивости» воспоминаний, опираясь на требования статей 11 и 17 УПК РФ, предписывающих уважение чести и достоинства личности и оценку доказательств по внутреннему убеждению.

Особенности поведения потерпевшего в момент насильственного преступления также подчиняются закономерностям реакции на угрозу. Наиболее распространёнными являются ступор, стремление к бегству или импульсивное сопротивление. Каждая реакция носит индивидуальный характер, что требует деликатной тактики допроса: организации безопасной обстановки, логичного и ненавязчивого построения вопросов, предоставления возможности для свободного рассказа. Грамотное взаимодействие снижает риск вторичной травматизации и повышает качество полученной информации. Однако сама процедура допроса, призванная установить истину, таит в себе главную угрозу для психологического состояния потерпевшего, известную как вторичная виктимизация. Она представляет собой процессуально-криминологическую проблему, выражающуюся в причинении потерпевшему дополнительного психологического вреда в ходе осуществления уголовного судопроизводства. Правовая природа данного явления заключается в создании системных рисков для достоверности доказательств, получаемых в ходе следственных действий, и в нарушении принципа охраны прав и свобод личности. Многократные допросы с повторным воспроизведением обстоятельств преступления, использование тактик, ставящих под сомнение достоверность показаний, а также игнорирование психологического состояния потерпевшего приводят к нарушению фундаментальных принципов уголовного процесса. Соблюдение специальных гарантий, установленных уголовно-процессуальным законом для отдельных категорий потерпевших (ст. 191, 280 УПК РФ.).

Особенно важна эта проблема в работе с несовершеннолетними потерпевшими. Несформированность психики, эмоциональная нестабильность и высокая внушаемость делают подростков более уязвимыми как в момент преступления, так и при последующем взаимодействии со следствием и судом.

В судебно-следственной практике встречается типичная ошибка: орган предварительного расследования воспринимает неполные или противоречивые показания несовершеннолетнего как признак их слабой доказательственной силы, не учитывая закономерности детской и подростковой психики. В действительности такие противоречия объяснимы — ребенок по природе склонен концентрировать внимание на наиболее эмоционально значимых деталях, при этом опуская технические элементы события, которые важны для следствия (время, расположение предметов, точные слова взрослых). Это требует адаптированной методики допроса: исключение повторных травмирующих бесед, обязательное использование специалиста-психолога, замещение прямых вопросов косвенными, применение визуальных средств фиксации воспоминаний (карт, схем, макетов), а также

запрет на прессинг и оценочные высказывания. Судебная практика показывает, что несовершеннолетний потерпевший легко подвержен внушению и социальному давлению — как со стороны обвиняемого или его окружения, так и со стороны взрослых в собственном кругу. В связи с этим особую значимость приобретает порядок признания показаний допустимыми доказательствами. Любое процессуальное действие, проведённое без участия законного представителя, педагога или психолога, создает риск признания сведений недопустимыми. Такие особенности являются нормой для детской и подростковой психики, что подчёркивает необходимость обязательного участия педагога или психолога (ст. 191 УПК РФ) и применения адаптированных методик допроса. [1]

Сложность работы с несовершеннолетними усиливается явлением отсроченного сообщения о преступлении. Подростки могут молчать недели или месяцы, испытывая стыд, страх мести, недоверие к взрослым или ложное чувство вины. Задержка обращения не свидетельствует о фиктивности преступления, а является защитной реакцией. В подобных случаях следователь обязан оценивать причины позднего сообщения, эмоциональное состояние ребёнка и возможность влияния третьих лиц. Виктимологически уязвимые категории — дети из неблагополучных семей, воспитанники интернатов, подростки, уже переживавшие насилие — проявляют амбивалентное поведение, одновременно боясь преступника и оправдывая его, что нередко используется стороной защиты для попыток дискредитации показаний. Поэтому обязательным является привлечение судебных психологов, способных оценить эмоциональный фон и особенности формирования показаний.

Дополнительная сложность современной практики связана с так называемыми «цифровыми следами» насилия — фото- и видеоматериалами интимного характера, которые легко распространяются через социальные сети. Методические рекомендации Минпросвещения России подчёркивают необходимость оперативных мер по защите ребенка от распространения таких материалов, в том числе проведение профилактической работы с одноклассниками, родителями и педагогами. Это снижает риск вторичной виктимизации и способствует выявлению иных пострадавших.

Практическая деятельность по расследованию насильственных преступлений требует комплексного применения процессуальных гарантий и специальных тактических подходов. Первичное взаимодействие с потерпевшим должно обеспечивать условия, исключающие воздействие факторов, способных исказить сведения. На практике это означает проведение следственных действий в нейтральной обстановке, устранение присутствия посторонних и соблюдение корректного, не содержащего

элементов давления общения. Вопросы, задаваемые потерпевшему, должны формулироваться в соответствии с требованиями процессуального закона: исключать оценочные компоненты и предположения, не содержать намёков на вину потерпевшего и позволять ему самостоятельно формулировать ответы. Уточняющие вопросы допустимы только после свободного рассказа и должны быть логически связаны с ранее изложенными обстоятельствами.

Повторные допросы должны проводиться лишь при наличии объективной необходимости, поскольку многократное воспроизведение обстоятельств насильственного преступления может привести к ретравматизации потерпевшего и к искажению информации. При отсутствии новых фактических данных предпочтительным является использование видеозаписи первичного допроса, соответствующей требованиям допустимости доказательств. Данный подход особенно важен при работе с несовершеннолетними, учитывая высокую чувствительность их психики к повторным обсуждениям травмирующих событий.

Допрос несовершеннолетнего проводится в присутствии педагога или психолога, что обеспечивает соблюдение его прав, исключение давления и создание условий для получения достоверных сведений. Специалист отслеживает эмоциональное состояние потерпевшего, помогает корректно интерпретировать его реакции и предотвращает формирование навязанных ответов, что соответствует цели защиты интересов несовершеннолетних в уголовном процессе.

Психологические особенности потерпевших от насильственных преступлений становятся определяющим фактором для всего уголовного процесса. Состояние острого стресса закономерно формирует фрагментарность воспоминаний и специфические поведенческие реакции, которые должны восприниматься как следствие травмы, а не как недостаток показаний. Игнорирование этого не только углубляет страдания жертвы, но и напрямую ведет к потере значимой доказательственной информации. Поэтому центральной задачей следствия становится адаптация процедуры, основанная на принципе разумной достаточности. Это означает создание безопасных условий для допроса, где вопросы следуют за свободным рассказом, минимизацию травмирующих повторных опросов через использование видеозаписи и обязательное участие психолога при работе с несовершеннолетними. Такой подход, укорененный в требованиях закона об уважении достоинства личности, выполняет двойную функцию: он служит защите потерпевшего от вторичной травмы и одновременно обеспечивает получение полноценных и достоверных доказательств. В конечном итоге, именно гуманизация подхода, а не ужесточение формальных процедур, укрепляет основы справедливого правосудия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — С. Ст. 4921.

2. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Волтерс Клувер, 2004. — 303 с. — ISBN 5-466-00019-1.
3. Ожегов, С. И. — Текст: электронный // Википедия: [сайт]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ожегов,_Сергей_Иванович (дата обращения: 17.05.2026).
4. Ооржак, Б. А. Насильственные преступления: понятие, признаки / Б. А. Ооржак. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 50 (392). — С. 300–304.
5. Статистические сведения о состоянии преступности в январе-сентябре 2025 года. — Текст: электронный // Правовая профессия: [сайт]. — URL: <http://www.prav-prof.com/news/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-sentyabre-2025-goda> (дата обращения: 17.05.2026).

Коллизия медицинского и косметологического статусов: кризис идентификации в праве. Проблема разграничения понятий «медицинская услуга» и «косметическая услуга»

Поваляева Юлия Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

В статье предпринята попытка деконструкции устойчивой правовой коллизии, возникшей на стыке административного, медицинского и потребительского права. Автор анализирует феномен «гибридных услуг» в бьюти-индустрии, которые одновременно обладают признаками бытового обслуживания и медицинского вмешательства. Через призму ведомственных противоречий (Минздрав и Минпромторг) и анализа судебной практики 2018–2026 гг. выявляются коллизии норм права. Предлагается авторская типология процедур по степени правового риска и концепция презумпции медицинского характера для инвазивных вмешательств.

Ключевые слова: медицинская услуга, косметическая услуга, лицензирование, правовая идентификация, коллизия норм, судебная прецедентность, эстетическая медицина, административные барьеры.

Современная индустрия красоты переживает этап технологической революции. Процедуры, еще вчера бывшие прерогативой пластической хирургии, сегодня предлагаются в кабинетах косметологов, работающих в режиме «самозанятый» или «ИП без лицензии». Возникает уникальный правовой феномен — «гибридная услуга», которая технически является медицинским вмешательством, но позиционируется исполнителем и воспринимается потребителем как косметический уход.

Цель настоящего исследования — вскрыть глубинные причины данной коллизии, показать, как ведомственный дуализм порождает судебные прецеденты, предложить инструменты для правовой идентификации услуг.

Юридическая наука предлагает два концептуально различных подхода к идентификации услуги: функциональный (что делает исполнитель) и целевой (зачем пришел потребитель). В сфере эстетических процедур эти подходы в настоящее время вступают в противоречие.

Позиция Минздрава Российской Федерации однозначна: «вторжение в организм требует медицинской квалификации». Приказ Минздравсоцразвития РФ от 27.12.2011 № 1664н содержит номенклатуру медицинских услуг, где к медицине отнесены даже такие процедуры, как уход за кожей (А14.01.001) и уход за ногтями (А14.01.003). Логика регулятора понятна и социально оправдана: любое

инвазивное воздействие, способное причинить вред, должно осуществляться под контролем государства. Однако расширительное толкование приводит к тому, что под лицензирование попадают десятки тысяч маникюрных салонов и парикмахерских, что экономически не обоснованно и административно неисполнимо.

Минпромторг через Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД2) предлагает иной подход. Код 96.02 объединяет услуги парикмахерских и салонов красоты, включая косметический массаж, чистку лица, эпиляцию «кроме медицинской».

Здесь возникает герменевтический крут: чтобы понять, что такое «медицинская эпиляция», нужно обратиться к актам Минздрава, которые трактуют понятие максимально широко. Ведомства говорят на разных языках: Минздрав оперирует категориями безопасности, Минпромторг — категориями экономической деятельности. Их пересечение создает зону правового вакуума.

Роспотребнадзор оказался в наиболее уязвимом положении. Руководствуясь СанПиН 2.1.2.2631–10 (требования к бытовым услугам), его инспекторы вынуждены принимать решения о квалификации услуг, не имея медицинской компетенции.

Проведенный анализ позволяет выделить четыре глубинных уровня рассматриваемой коллизии:

1. Нормативный дуализм: конкуренция специальных норм (приказ Минздрава № 1664н) и общих классификаторов (ОКВЭД). Формально равные по юридической силе акты могут исключать друг друга по смыслу.

2. Целевой разрыв: медицина нацелена на устранение патологии, косметология — на улучшение эстетических параметров в отсутствие патологии. Но где проходит грань между возрастными изменениями (норма) и «эстетическим дефектом» (патология)?

3. Инструментальная неопределенность: использование лазера или иглы автоматически не делает услугу медицинской (татуаж — не медицина, хотя нарушает кожу), а отсутствие инвазии (вторжения) не гарантирует бытового статуса (лечебный массаж — медицина).

4. Экономический диссонанс: стоимость получения и соблюдения лицензионных требований для малого бизнеса может составлять до 40 % от годового оборота, что делает легальную деятельность экономически нецелесообразной и провоцирует уход в «серую зону».

Анализ судебных актов нескольких последних лет показывает, что суды, столкнувшись с неразрешимостью нормативной коллизии, начали вырабатывать собственные критерии, фактически занимаясь правотворчеством.

Анализ практики арбитражных судов — прецедент целеполагания:

1. Форма побеждает содержание (Дело № N A10-4175/2020). ИП оказывала инъекционные услуги без лицензии, предоставив декларации соответствия на препараты для инъекций. Суд признал это медицинской деятельностью в виду того, что «факт инъекционного введения препарата в организм независимо от его регистрационного статуса является достаточным основанием для квалификации услуги как медицинской». Это решение закрепляет формально-инструментальный подход: игла = медицина.

2. Цель важнее инструмента (Дело № A10-3897/2024). Спор о косметологических бытовых услугах. Управление МВД России требовало медицинскую лицензию при оказании косметологических услуг. Суд исследовал доводы, рекламу, пояснения ответчика и установил, что данные, что оказанные услуги являются медицинскими, а не бытовыми, предоставлено не было. Решение: это бытовая услуга. Суд применил телеологический (целевой) подход: услуга квалифицируется не по методу, а по цели, заявленной исполнителем и воспринятой потребителем.

3. Экспертиза как арбитр (Дело № 2-6120/2021 Советский районный суд города Красноярска). Согласно письму территориального органа Росздравнадзора по Красноярскому краю от 07.11.2019 N 1124-4134/19, услуга массажа LPG (аппаратный вакуумный массаж) является медицинской и подлежит лицензированию в установленном порядке. Суд признал деятельность в отсутствие лицензии незаконной. Но примечательно, что в процессе был выявлен гражданин, которому в процессе оказания данных услуг причинен вред здоровью (ожог 3-4 степени). Возбуждено уголовное дело с судебно-медицинской экспер-

тизой по факту причинения вреда здоровью, где уже не рассматривается квалификация услуги как медицинской или бытовой. Анализ практики судов общей юрисдикции — ответственность без границ.

4. Уголовная превенция (Приговор от 17 июня 2019 года по делу 01-0004/2019 (01-0312/2018) Савеловский районный суд г. Москвы. Гражданка с соучастницами организовала косметологический кабинет без лицензии, не имея медицинского образования. Вред здоровью получили 19 клиентов. Суд квалифицировал действия по п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, группой лиц по предварительному сговору). Приговор: 5,5 лет лишения свободы. Примечательно, что вопрос о разграничении косметической и медицинской услуги даже не обсуждался — факт процедуры и наступление вреда здоровью автоматически перевели деяние в уголовно-правовую плоскость.

5. Гражданско-правовая реституция (Приговор от 18 сентября 2025г. по делу № 1-370/2025(12502950002000012) Абаканский городской суд республики Хакасия взыскал с осужденной стоимость оказанных услуг и компенсацию морального вреда в пользу потерпевших по 150 000 рублей. Сумма взыскания в 10 раз превысила стоимость оказанных услуг (15 000 руб.). Суд квалифицировал действия по ст. 235 УК РФ. Таким образом, отсутствие лицензии не освобождает от ответственности, а, напротив, отягощает вину исполнителя.

6. Пределы субъективного ожидания (Дело № 2-484/2023, Советский районный суд г. Томска). Суд отказал в иске причинение вреда здоровью и компенсации морального вреда, указав, что неэффективность косметологических процедур (мезотерапия, «жидкие нити») не тождественна их некачественности. Это важное разграничение: суд защитил бизнес от необоснованных претензий, основанных на субъективных ожиданиях клиента, а не на объективных недостатках услуги.

Обобщая практику, можно предложить следующую классификацию подходов судов к идентификации услуг (таблица 1).

Анализ судебной практики позволяет утверждать, что правоприменитель движется от формального к содержательному критерию. Однако доктрина должна предложить более стройную систему.

Автор считает перспективным концепт «правового риска». В его основе — градация процедур по степени потенциальной опасности:

1. Высокий риск (медицина безусловно): Любые инъекции, хирургические вмешательства, лазеры высокой интенсивности, процедуры, влияющие на гормональный фон, метаболизм, структуру кожи.

2. Средний риск (требуется экспертиза): Аппаратные методики средней интенсивности (микротоки), глубокие пилинги.

3. Низкий риск (презумпция косметики): Поверхностные пилинги, гигиенический массаж, обертывания, маски.

Таблица 1. Типология судебных подходов к квалификации эстетических услуг (2018–2026 гг.)

Подход	Критерий	Применяемость	Риск для бизнеса	Пример процедуры
Формально-инструментальный	Наличие иглы, скальпеля, лазера	Устойчивая практика для инвазивных процедур	Высокий (лицензия обязательна)	Инъекции, лазерная и электро эпиляция
Телеологический (целевой)	Заявленная цель, реклама, договор	Растет в сфере массажа и ухода	Средний (зависит от позиционирования)	Гигиенический массаж, чистка лица
Объективно-физиологический	Воздействие метаболизм, физиологию	Применяется при аппаратных методиках	Высокий (требуется экспертиза в спорных вопросах)	Криолиполиз, SMAS-лифтинг
Прецедентно-деликтный	Наличие вреда	В уголовных делах и делах о вреде здоровью	Абсолютный (медицина post factum)	Любая процедура с осложнениями

Для процедур среднего риска необходимо законодательно закрепить механизм предварительной квалификации с участием саморегулируемых организаций (СРО) и экспертных сообществ. Это снизит нагрузку на суды и создаст предсказуемость для бизнеса.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Коллизия между медицинским и косметическим статусом услуг имеет не технический, а концептуальный характер. Она порождена отсутствием в праве категории для описания «гибридных» эстетических вмешательств.

2) Судебная практика 2018–2025 годов демонстрирует переход от формальной квалификации к содержательной. Суды все чаще исследуют не только метод, но и цель, физиологический эффект и договорное оформление услуги. Однако этот подход создает риск судебного усмотрения и нарушения принципа правовой определенности.

3) Ведомственные противоречия (Минздрав и Минпромторг) должны быть разрешены не путем противостояния, а путем создания межведомственного классификатора, основанного на критерии риска.

4) Наиболее уязвимой группой остаются потребители, которые в условиях правовой неопределенности не могут осознанно оценить риски процедуры. Отсутствие лицензии часто воспринимается ими как экономия бизнеса, а не как сигнал об опасности.

Авторская гипотеза: решением может стать введение «презумпции медицинского характера» для всех процедур, связанных с нарушением целостности кожных покровов, воздействием на слой кожи кроме поверхностного эпидермиса или использованием оборудования, генерирующего физическое поле высокой интенсивности или воздействующего на слои кожи с изменением ее структуры под воздействием определенных факторов. Исключения должны быть прямо предусмотрены в законе (татуаж, пирсинг, поверхностные пилинги с использованием разрешенных косметических средств). Это создаст ясность и переложит бремя доказывания «косметичности» на того, кто хочет работать без лицензии. Предложенные меры позволят купировать застарелую коллизию и создать баланс между публичными интересами безопасности и частными интересами предпринимательской свободы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 27.12.2011 № 1664н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029–2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Конкуренция юрисдикций при квалификации деятельности «серого» косметолога

Поваляева Юлия Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

В статье исследуется правовая коллизия квалификации деятельности лиц, оказывающих косметологические услуги без лицензии и (или) медицинского образования. Анализируются проблемы разграничения административной ответственности (ст. 6.2 КоАП РФ) и уголовной ответственности (ст. 171, 235, 238, 238.1 УК РФ), выявляются критерии отграничения преступлений от административных правонарушений, предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики на основе анализа судебных актов 2018–2026 годов.

Ключевые слова: серый косметолог, незаконная медицинская деятельность, лицензирование, конкуренция норм, статья 235 УК РФ, статья 171 УК РФ, статья 6.2 КоАП РФ, квалификация преступлений, субъект преступления.

Российский рынок косметологических услуг демонстрирует устойчивый рост: по данным участников рынка, его объем оценивается в сумму более 360 млрд рублей, ежегодный прирост составляет около 20 %. При этом, по оценкам экспертов, от 40 % до 80 % косметологических процедур проводится вне легального поля — в «серой» зоне, где работают специалисты без лицензий, а зачастую и без медицинского образования. Только 14,3 тыс. физических и юридических лиц имеют лицензии на оказание косметологических услуг, из них 95,5 % — частной формы собственности. Масштаб проблемы подтверждается данными о распространении контрафактных препаратов: если в 2022–2023 гг. на рынке инъекционной косметологии использовалось 7 незарегистрированных ботулотоксинов, то в 2025 году — 13; из 127 филлеров, применяемых в практике, только 69 % имели регистрационные удостоверения Росздравнадзора.

Однако главная проблема заключается не только в масштабах теневого рынка, но и в несовершенстве механизмов юридической ответственности. Правоприменитель сталкивается с устойчивой коллизией: одна и та же деятельность — оказание косметологических услуг без лицензии — может квалифицироваться по-разному в зависимости от ряда факторов. Это создает правовую неопределенность, препятствуя эффективному противодействию нелегальной практике.

Ключевые нормы юридической ответственности за незаконную косметологическую деятельность:

1.1. Ст. 6.2 КоАП РФ — «Незаконное занятие частной медицинской практикой».

Санкция: административный штраф для граждан в размере от 2 до 2,5 тыс. рублей, для должностных лиц — от 4 до 5 тыс. рублей (согласно ч. 2 ст. 6.2 КоАП РФ). Объективная сторона: занятие частной медицинской практикой лицом, не имеющим соответствующего образования и (или) лицензии.

Критическая проблема: размер санкции несоизмерим потенциальному вреду и экономической выгоде от незаконной деятельности.

1.2. Ст. 171 УК РФ — «Незаконное предпринимательство».

Объективная сторона: осуществление предпринимательской деятельности без лицензии, если это деяние сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (свыше 2,25 млн рублей) или причинением крупного ущерба. Санкция: штраф до 300 тыс. рублей или лишение свободы до 5 лет.

Проблема применения: необходимость установления факта извлечения дохода в крупном размере (2,25 млн руб.) создает порог, который одиночный «серый» мастер может не преодолеть.

1.3. Ст. 235 УК РФ — «Незаконное осуществление медицинской деятельности».

Объективная сторона: осуществление медицинской деятельности лицом, не имеющим лицензии, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью или смерть человека. Санкция: до 2 лет лишения свободы (ч. 1 — вред здоровью), до 4 лет (ч. 2 — смерть по неосторожности).

Ключевая особенность: состав является материальным — уголовная ответственность наступает только при наступлении общественно опасных последствий (вреда здоровью или смерти). Отсутствие вреда делает деяние либо административным правонарушением (ст. 6.2 КоАП РФ).

Проведенный анализ позволяет выделить четыре ключевые проблемы, порождающие конкуренцию норм.

1) Проблема субъекта: статус исполнителя как криминообразующий фактор.

Ситуация 1: Лицо зарегистрировано как индивидуальный предприниматель (ИП). В этом случае формально присутствует субъект предпринимательской деятельности. Если ИП оказывает услуги без лицензии и извлекает доход в крупном размере (2,25 млн руб.), возникает вопрос о квалификации по ст. 171 УК РФ. Однако если причинен вред здоровью, наступает конкуренция со ст. 235 УК РФ, которая является специальной нормой по отношению к ст. 171 УК РФ (медицинская деятельность — частный случай предпринимательской) и подлежит применению.

Ситуация 2: Лицо зарегистрировано как самозанятый (плательщик налога на профессиональный доход). Здесь

возникает фундаментальное противоречие. Согласно Федеральному закону от 27.11.2018 № 422-ФЗ, самозанятые могут оказывать услуги без регистрации в качестве ИП. Однако медицинская деятельность подлежит лицензированию и требует соответствующего образования. Формально легальный статус самозанятого вступает в конфликт с запретом на занятие медицинской деятельностью без лицензии.

Ситуация 3: Лицо не зарегистрировано ни как ИП, ни как самозанятый. Деятельность осуществляется «на дому». В этом случае привлечение по ст. 171 УК РФ затруднено, поскольку отсутствует формальный субъект предпринимательства. Основным инструментом остается либо ст. 6.2 КоАП РФ (при отсутствии вреда), либо ст. 235 УК РФ (при наступлении вреда) -3.

2) Проблема порога: крупный доход как условие уголовной ответственности.

Для применения ст. 171 УК РФ необходимо установить извлечение дохода в крупном размере (свыше 2,25 млн рублей). В практике нелегальной косметологии эта проблема проявляется особенно остро. Доказать «крупный доход» одного мастера сложно, а квалифицировать группу лиц по предварительному сговору возможно только при наличии единого умысла, что на практике встречается редко.

3) Проблема последствий: материальность состава ст. 235 УК РФ.

Ст. 235 УК РФ сконструирована как материальный состав: уголовная ответственность наступает только при наступлении последствий (вреда здоровью или смерти). При отсутствии таких последствий деяние, даже если оно

осуществлялось с грубейшими нарушениями, остается в сфере административной ответственности.

4) Проблема квалификации осложнений: причинно-следственная связь.

Даже при наступлении вреда доказывание причинно-следственной связи между действиями «серого» косметолога и наступившими последствиями представляет значительные сложности. Это связано с такими факторами как: отсутствие ведения документации оказанных услуг нелегальными специалистами; использование контрафактных препаратов неизвестного происхождения и состава; низкая жалобная активность категории пациентов «домашних» специалистов, получивших осложнения.

В 2018–2026 годах сформировалась устойчивая судебная практика по делам о незаконной косметологической деятельности, позволяющая выделить несколько подходов к квалификации.

1) Квалификация по ст. 235 УК РФ: при наступлении вреда.

2) Квалификация по ст. 238.1 УК РФ: оборот контрафактных препаратов.

3) Квалификация по ст. 238 УК РФ: оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

4) Административная практика: ст. 6.2 КоАП РФ.

Е. Г. Быкова и И. В. Плетьнова предлагают классифицировать субъектов ненадлежащего оказания медицинской помощи по косметологии на четыре группы в зависимости от уровня образования и места оказания услуг. Эта классификация имеет важное практическое значение, поскольку позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от статуса субъекта.

Таблица 1

Группа	Характеристика	Пример
1-я группа	Лица, имеющие медицинское образование, работающие в лицензированной клинике	Врач-косметолог в клинике
2-я группа	Лица, имеющие медицинское образование, работающие вне лицензированной организации	Врач, принимающий на дому
3-я группа	Лица, не имеющие медицинского образования, работающие в лицензированной клинике (по найму или в аренду)	«Серый» мастер в арендованном кабинете
4-я группа	Лица, не имеющие медицинского образования, работающие вне лицензированной организации	«Надомный» косметолог

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Коллизия норм об ответственности за незаконную косметологическую деятельность (ст. 6.2 КоАП РФ, ст. 171, 235, 238, 238.1 УК РФ) обусловлена несовершенством законодательной конструкции и отсутствием единых критериев разграничения.

2. Проблема субъекта остается ключевой: статус исполнителя (ИП, самозанятый, физическое лицо без регистрации) существенно влияет на возможность привлечения к уголовной ответственности.

3. Проблема порога (крупный доход для ст. 171 УК РФ) создает ситуацию, когда систематическая нелегальная деятельность может оставаться в сфере административных правонарушений.

4. Материальный характер состава ст. 235 УК РФ приводит к тому, что уголовная ответственность наступает только при наступлении вреда, что создает «зону безнаказанности» для деятельности, не повлекшей немедленных осложнений.

5. Судебная практика 2018–2026 годов демонстрирует тенденцию к ужесточению ответственности, особенно

в отношении крупных поставщиков контрафактных препаратов, однако остается проблема низкой эффективности административного преследования одиночных нелегальных «серых» мастеров.

Предложения по совершенствованию законодательства:

1. Ужесточение административной ответственности. Участники рынка и депутаты предлагают увеличить максимальный штраф для граждан до 50 тыс. рублей, для юридических лиц — до 400 тыс. рублей. Это позволит сделать административную ответственность соразмерной экономической выгоде от незаконной деятельности.

2. Рассмотреть возможность криминализации формального состава незаконной медицинской деятельности для лиц, не имеющих медицинского образования. Введение уголовной ответственности за сам факт незаконной деятельности (формальный состав). Ряд экспертов предлагают ввести уголовную ответственность для «черных» косметологов (лиц без образования, работающих без лицензии) независимо от наступления последствий. Это предложение, по сути, означает криминализацию фор-

мального состава деяния, что позволит привлекать к уголовной ответственности за сам факт незаконной деятельности, а не только за наступившие последствия.

3. Дифференциация ответственности в зависимости от образования. Разделить процедуры по уровню сложности и допускать к их проведению специалистов с разным уровнем образования. Например, медицинские сестры могли бы проводить определенные процедуры (мезотерапию) по назначению врача. Это позволило бы снизить дефицит специалистов с профильным и одновременно ужесточить ответственность за деятельность без какого-либо образования.

4. Совершенствование механизмов доказывания (система «Честный знак») и создание единого реестра специалистов;

Только комплексное решение указанных проблем позволит обеспечить баланс между безопасностью граждан и доступностью косметологических услуг, а также создать эффективную систему противодействия «серому» рынку в сфере красоты.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Понятие ятрогенных преступлений в сфере косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности. 2024 -5.
4. Быкова Е. Г., Плетянова И. В. Субъекты преступления при ненадлежащем оказании медицинской помощи по косметологии // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 1 -8.
5. Машкова А. В. Уголовно-правовой аспект оказания косметологических услуг // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022 -10.

Анализ современного состояния государственной кадастровой оценки земельных участков

Подберезкий Владислав Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

В статье на основе анализа научных источников проводится исследование современного состояния государственной кадастровой оценки земельных участков и выявляются её ключевые проблемы.

Ключевые слова: государственная кадастровая оценка, земельные участки.

Необходимость проведения анализа современного состояния государственной кадастровой оценки земельных участков обусловлена её высокой социально-экономической значимостью и сохраняющейся полемикой в научной литературе относительно объективности, прозрачности и точности этой процедуры. Актуальность темы усиливается незавершённостью реформы института государственной кадастровой оценки, переходом

к единой методике и централизации полномочий, которые не устранили таких критических недостатков, как ошибки массовой оценки, недостаточный учёт ценообразующих факторов и высокая оспариваемость результатов. Анализ современного состояния, выполненный на основе обобщения научных статей, позволяет выявить ключевые проблемы, которые ранее рассматривались фрагментарно. В связи с этим систематизация проблем,

выявленных в научных источниках, выступает основой для совершенствования нормативно-методического обеспечения кадастровой оценки.

Под государственной кадастровой оценкой подразумевается осуществление государственными бюджетными учреждениями массового исчисления кадастровой стоимости объектов недвижимости по единой методике на конкретную дату, предназначенного для налогообложения и других публичных целей.

Для анализа научных публикаций, посвящённых проблематике проведения государственной кадастровой оценки земельных участков, были отобраны следующие статьи:

1. Подрядчикова Е. Д., Гилёва Л. Н., Дубровский А. В. «Корреляционно-регрессионный анализ кадастровой стоимости объектов недвижимости и ценообразующих факторов» [1] — статья [1] посвящена выявлению факторов, оказывающих наибольшее влияние на кадастровую стоимость земельных участков индивидуального жилищного строительства в Тюмени и разработке математических моделей для её расчёта;

2. Гусева А. С., Беличева А. А., Хомяковой М. А., Броницкой С. А., Варниной В. А. «Определение кадастровой стоимости земельного участка: Правовое регулирование» [2] — авторами [2] проводится анализ несовершенства

нормативно-правовой базы государственной кадастровой оценки и обосновываются меры по её оптимизации;

3. Блаженкова Н. М., Халикова Д. Р. «Кадастровая оценка земельных участков в условиях формирования конкурентного рынка недвижимости» [3] — в статье [3] рассматриваются результаты государственной кадастровой оценки, а также исследуется влияние кадастровой стоимости на налогообложение и объём бюджетных поступлений;

4. Лизура А. С., Волков В. И. «Региональность как фактор влияния на методику проведения государственной кадастровой оценки» [4] — авторы статьи [4] рассматривают воздействие региональных факторов на методическое обеспечение государственной кадастровой оценки объектов недвижимости;

5. Билей К. Э. «Группировка земельных участков при определении вида их использования в ходе государственной кадастровой оценки» [5] — в статье автором [5] проводится анализ процедуры классификации (группировки) земельных участков в зависимости от вида их разрешённого использования при осуществлении государственной кадастровой оценки объектов недвижимости.

В ходе анализа научных статей были выделены основные проблемы проведения государственной кадастровой оценки земельных участков, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Анализ научных статей по кадастровой оценке земельных участков

Категория	1 статья	2 статья	3 статья	4 статья	5 статья
Выявленные проблемы	<p>Недостаток информации о местоположении границ земельных участков в Едином государственном реестре недвижимости.</p> <p>Не всегда учитываются региональные особенности при определении кадастровой стоимости земельных участков.</p> <p>Несовершенство методологии кадастровой оценки земельных участков.</p> <p>Дефицит рыночной информации.</p> <p>Проблема группировки земельных участков.</p> <p>Отсутствие региональных геоинформационных систем.</p> <p>7. Субъективность в определении характеристик, описывающих влияние объектов-источников на ценообразующие факторы.</p>				

Таким образом, в результате анализа были установлены недостатки нормативно-правового регулирования, которые непосредственно детерминируют процесс формирования цены на земельные участки, провоцируя систематические отклонения кадастровой стоимости от рыночных значений. Результатом указанных искажений выступает необъективное налогообложение их собственников.

В качестве решения данных проблем необходимо формирование единых региональных геоинформаци-

онных систем, интегрированных с Единым государственным реестром недвижимости, совершенствование методологии кадастровой оценки с учётом группировки земельных участков и региональных особенностей, а также внедрение стандартизированных подходов к сбору рыночных данных и расчёту ценообразующих факторов, что позволит минимизировать субъективные отклонения и обеспечить объективность кадастровой стоимости.

Литература:

1. Подрядчикова Е. Д., Гилёва Л. Н., Дубровский А. В. Корреляционно-регрессионный анализ кадастровой стоимости объектов недвижимости и ценообразующих факторов (на примере земельных участков города Тюмени, предназначенных для индивидуальной жилой застройки) // Вестник СГУТиТ (Сибирского государственного уни-

верситета геосистем и технологий). 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrelyatsionno-regressionnyy-analiz-kadastrvoy-stoimosti-obektov-nedvizhimosti-i-tsenoobrazuyuschih-faktorov-na-primere-zemelnyh> (дата обращения: 30.04.2026).

1. Гусев А. С., Беличев А. А., Хомякова М. А., Броницкая С. А., Варнина В. А. Определение кадастровой стоимости земельного участка: правовое регулирование // Образование и право. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-kadastrvoy-stoimosti-zemelnogo-uchastka-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 30.04.2026).
1. Блаженкова Н. М., Халиков Д. Р. Кадастровая оценка земельных участков в условиях формирования конкурентного рынка недвижимости // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2021. № 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadastrvaya-otsenka-zemelnyh-uchastkov-v-usloviyah-formirovaniya-konkurentnogo-rynka-nedvizhimosti> (дата обращения: 30.04.2026).
1. Лизура А. С., Волков В. И. Региональность как фактор влияния на методику проведения государственной кадастровой оценки // ИВД. 2023. № 7 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnost-kak-faktor-vliyaniya-na-metodiku-provedeniya-gosudarstvennoy-kadastrvoy-otsenki> (дата обращения: 30.04.2026).
1. Билей К. Э. Группировка земельных участков при определении вида их использования в ходе государственной кадастровой оценки // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 12 (267). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruppirovka-zemelnyh-uchastkov-pri-opredelenii-vida-ih-ispolzovaniya-v-hode-gosudarstvennoy-kadastrvoy-otsenki> (дата обращения: 30.04.2026).

Особенности оборота земельных участков в границах особо охраняемых природных территорий федерального значения

Пузин Иван Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Абузярова Дина Фатиховна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются особенности оборотоспособности земельных участков, которые находятся в границах особо охраняемых природных территорий (ООПТ) федерального значения. Автор анализирует нормативные основания для изъятия таких земель из оборота, рассматривает исключения (служебные наделы, аренда в биосферных полигонах), а также проблемы, порождаемые наличием частных участков внутри ООПТ. Предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: *особо охраняемые природные территории, земли федерального значения, оборот земельных участков, изъятие из оборота, ограниченно оборотоспособные земли, служебный надел, биосферный полигон, эфитевзис.*

Земельные участки, расположенные в границах особо охраняемых природных территорий федерального значения, занимают уникальное место в системе гражданско-правовых объектов. Речь идет о государственных природных заповедниках, национальных парках, природных парках и других категориях ООПТ, имеющих общенациональный статус. Согласно преамбуле Федерального закона от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее — Закон № 33-ФЗ), эти территории отнесены к общенациональному достоянию, что напрямую обуславливает повышенный публичный интерес к их правовому режиму и, соответственно, вводит значительные ограничения гражданского оборота таких земель [1].

Вопрос о том, насколько земельные участки в границах ООПТ федерального уровня могут участвовать в обороте, важен не только с теоретической точки зрения, но и для

правоприменительной практики. Он напрямую затрагивает имущественные интересы граждан и юридических лиц, которые уже владеют такими участками или претендуют на их получение.

В соответствии с п. 4 ст. 27 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) земельные участки, занятые государственными природными заповедниками и национальными парками, относятся к землям, изъятым из оборота [2]. Данное положение корреспондирует с п. 4 ст. 12 Закона № 33-ФЗ, который запрещает приватизацию земельных участков в границах заповедников. Следовательно, такие участки нельзя передать в частную собственность, они не могут быть предметом купли-продажи, мены, дарения, залога или иных сделок, влекущих переход права собственности.

Аналогичный подход установлен и для земель национальных парков. Они также находятся в федеральной

собственности и закрепляются за государственными учреждениями на праве постоянного (бессрочного) пользования. Согласно п. 2 ст. 16 Закона № 33-ФЗ установлено, что земельные участки в границах национальных парков изъяты из оборота и не подлежат приватизации, за исключением случаев, специально предусмотренных федеральными законами.

Вместе с тем, как верно отмечает Е. В. Лунева, законодательное отнесение земель ООПТ федерального значения к изъятым из оборота нельзя считать абсолютным [3]. Анализ действующих норм позволяет выделить ряд исключений, в рамках которых допускаются отдельные сделки или предоставление земельных участков в пользование третьим лицам.

Первое исключение — институт служебных наделов. В силу ст. 39.9 ЗК РФ земельные участки, находящиеся в постоянном (бессрочном) пользовании государственных учреждений (в том числе заповедников и национальных парков), могут передаваться работникам этих учреждений в безвозмездное пользование на период их трудовых отношений в качестве служебных наделов. Такие наделы используются для ведения личного подсобного хозяйства, жилищного строительства (если это разрешено законом) и в иных целях, связанных с обеспечением жизнедеятельности работников. При прекращении трудовых отношений служебный надел возвращается учреждению; право собственности у работника не возникает.

Второе исключение касается аренды земельных участков в границах биосферных полигонов государственных природных биосферных заповедников. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 406-ФЗ внес в Закон № 33-ФЗ изменения, которые разрешают размещение объектов капитального строительства и сопутствующей инфраструктуры на территории биосферных заповедников, а также предоставление для этих целей земельных участков в аренду [4]. Однако такая аренда возможна не на всей территории заповедника, а только в пределах специально выделенных участков биосферного полигона. Перечень разрешенных объектов и видов деятельности (познавательный туризм, физическая культура, спорт) утверждается Правительством РФ индивидуально для каждого заповедника. По своей сути это целевая аренда, не предполагающая свободного оборота земельных участков.

Третье исключение сформировано судебной практикой и связано с ситуациями, когда в границах ООПТ федерального значения оказываются земельные участки, принадлежащие на праве собственности гражданам и юридическим лицам. Это происходит, если при создании ООПТ такие участки не были изъяты. В Определении Верховного Суда РФ от 28.05.2015 г. № 58-КГ15-215 указано, что действующее законодательство не запрещает предоставлять гражданам в собственность земельные участки, расположенные в границах охранных зон особо охраняемых природных территорий, в том числе госу-

дарственных природных заповедников. Такие участки не изъяты из оборота и не ограничены в обороте; их использование возможно при соблюдении определенных ограничений, направленных на защиту природных комплексов [5]. Данная позиция распространяется и на те участки, которые оказались в границах самих заповедников при их учреждении. Таким образом, формальное отнесение всех земель заповедников к изъятым из оборота входит в противоречие с реальным существованием частной собственности на отдельные участки внутри ООПТ. Возникает коллизия: закон объявляет такие земли изъятыми, но при этом допускает частную собственность на них. Представляется, что в подобных случаях приоритет должен отдаваться специальному режиму ООПТ, однако данное решение требует четкого законодательного закрепления.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возможном распространении на земли ООПТ федерального значения института эфитевзиса (права постоянного землеуладения), который планируется ввести в российское гражданское законодательство в рамках реформы вещного права. Концепция развития гражданского законодательства РФ предусматривает замену существующего права постоянного (бессрочного) пользования правом постоянного землеуладения, дающим его обладателю широкие возможности распоряжения земельным участком, в том числе его отчуждение и передачу в аренду [6]. Как обоснованно указывает Е. В. Лунева, применение эфитевзиса к землям заповедников может создать риски для сохранения уникальных природных комплексов, поскольку наделяет правообладателя правом распоряжения участком, что несовместимо с самой сущностью ООПТ [7]. В связи с этим целесообразно законодательно запретить применение эфитевзиса в отношении земельных участков, находящихся в границах государственных природных заповедников и национальных парков, сохранив для них действующее право постоянного (бессрочного) пользования как более ограниченное по объему правомочий.

Еще одна проблема — отсутствие в законодательстве четкого порядка согласования сделок с земельными участками, которые находятся в границах охранных зон ООПТ. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15.09.2015 г. по делу № А40-219463/149 констатируется, что нормативные правовые акты не устанавливают обязанность хозяйствующих субъектов инициировать согласование своей деятельности с администрацией ООПТ, что порождает многочисленные споры и правовую неопределенность [8]. Для преодоления этого пробела необходимо разработать и утвердить типовой порядок согласования сделок и хозяйственной деятельности в границах охранных зон, предусмотрев обязательное участие уполномоченных органов и проведение экологической экспертизы.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, по общему правилу земельные участки в границах ООПТ федерального значения изъяты из оборота. Они не могут быть приватизированы и не могут выступать объектом большинства гражданско-правовых сделок.

Во-вторых, законодательством предусмотрены ограниченные исключения в предоставлении земельных участков в границах ООПТ: предоставление служебных наделов работникам учреждений, а также аренда земельных участков в границах биосферных полигонов для целей туризма и спорта. Кроме того, судебная практика допускает сохранение частной собственности на участки, которые оказались в границах ООПТ при их создании.

В-третьих, существующие правовые пробелы — отсутствие четкого режима для частных земельных участков внутри ООПТ, риски при возможном введении эфитевзиса, неопределенность порядка согласования в охранных зонах — требуют законодательного решения.

В связи с этим, предлагается: а) прямо закрепить в Законе № 33-ФЗ, что земли государственных природных заповедников и национальных парков не предоставляются на праве эфитевзиса б) определить правовой статус частных земельных участков, включенных в границы ООПТ, установив для них обязательный режим публичного сервитута и механизм компенсации соответствующих ограничений в) утвердить типовой порядок согласования сделок и деятельности в охранных зонах.

Таким образом, оборот земельных участков в границах особо охраняемых природных территорий федерального значения представляет собой сложную правовую конструкцию, в которой общий запрет на приватизацию и оборот сочетается с отдельными законодательными и судебными исключениями. Совершенствование законодательства в этой сфере должно быть направлено на устранение выявленных коллизий и достижение баланса между публичными интересами охраны природы и частными правами землепользователей.

Литература:

1. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1022.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. Лунева Е. В. Земельные участки в особо охраняемых природных территориях как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2015. — С. 28.
4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6971.
5. Определение Верховного Суда РФ от 28 мая 2015 г. № 58-КГ15-215 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.
7. Лунева Е. В. Система ограничений гражданских прав на земельные участки в особо охраняемых природных территориях // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 3. — С. 37–41.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 сентября 2015 г. по делу № А40–219463/149 // СПС «КонсультантПлюс».

Особенности судебного заседания при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего

Радцевич Дайана Нодариевна, студент

Научный руководитель: Прометов Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

Статья посвящена анализу процессуальных особенностей судебного заседания по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Рассматриваются специфические требования к порядку вызова, допроса и участия несовершеннолетних лиц на стадии предварительного расследования и в суде, а также влияние возрастных и психофизиологических характеристик на организацию судебного разбирательства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, судебное заседание, допрос, процессуальные гарантии, законный представитель, педагог, психолог, принудительные меры воспитательного воздействия, судебная практика.

Features of a court session when considering a criminal case against a minor

Radceovich Dayana Nodarievna, student

Scientific advisor: Prometov Sergey Viktorovich, phd in law, associate professor

Privolzhsky branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Nizhny Novgorod)

The article is devoted to the analysis of procedural features of a court session in criminal cases involving minors. Specific requirements to the order of summoning, interrogation and participation of minors at the stage of preliminary investigation and in court are considered, as well as the influence of age and psychophysiological characteristics on the organization of the trial.

Keywords: minor, criminal proceedings, court session, interrogation, procedural guarantees, legal representative, teacher, psychologist, compulsory measures of educational influence, judicial practice.

Регулирование действий несовершеннолетних в уголовном процессе выстраивается с учётом необходимости снизить травмирующее воздействие судебной процедуры на формирующуюся психику. Ход судебного разбирательства во многом определяется тем, как собирался и закреплялся сбор доказательств на этапе предварительного следствия. Именно там формируется доказательственный массив, который впоследствии подвергается проверке и оценке в судебном заседании. Нормативную основу составляют положения главы 50 УПК РФ (статьи 420–432), задающие иную процессуальную конфигурацию по сравнению с делами, рассматриваемыми в отношении взрослых [1].

Установленный порядок получения показаний от несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля отражен в статье 191 УПК РФ, напрямую влияет на характер судебного допроса [1]. Лимиты временного промежутка, а также обязательное привлечение педагога или психолога задают пределы допустимого процессуального воздействия. Игнорирование условий, при которых формировались показания, ставит под сомнение их достоверность и способно сделать так, что доказательство будет признано недопустимым.

Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя при выборе следственных действий сохраняется, однако при работе с несовершеннолетними сужается посредством дополнительных гарантий. Лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, должны быть уведомлены через законного опекуна или руководство учебного заведения или организации. Аналогичный порядок сохраняет силу и в суде. Отсутствие надлежащего уведомления через законного представителя рассматривается как грубое нарушение, способное повлечь отмену судебного акта.

Мониторинг допроса строится на иной логике (если проводить анализ взрослых участников процесса в суде). Угроза существующей ответственности за отказ от дачи показаний или за их искажение не применяется к потерпевшим и свидетелям младше шестнадцати лет. Внимание смещается на разъяснение обязанности сообщать правдивые сведения. Подобная конструкция снижает давление и в ряде случаев способствует получению более точной информации.

Продолжительность процессуального взаимодействия с несовершеннолетними жёстко лимитирована. Дли-

тельный допрос способен привести к утомлению, снижению концентрации и искажению восприятия событий. В связи с этим законодатель устанавливает временные пределы в зависимости от возраста и процессуального положения. Указанные ограничения подлежат соблюдению и в судебном заседании. Стоит отметить, что суд контролирует продолжительность допроса и следит за тем, чтобы соблюдалось требование о запланированных перерывах.

Принцип гласности, закреплённый в статье 241 УПК РФ, в рассматриваемой категории дел претерпевает корректировку. Допускается рассмотрение дела в закрытом режиме при наличии угрозы интересам несовершеннолетнего. Однако подобное решение требует конкретного обоснования. Отсутствие мотивировки свидетельствует о нарушении процессуальных требований, что подтверждается судебной практикой. Порядок допроса в судебном заседании, закреплённый статьей 280 УПК РФ, применяется с акцентом на ознакомление возрастных и психических черт допрашиваемого [1].

Допускается временное удаление подсудимого из зала суда, если его присутствие способно повлиять на содержание показаний. Мера уменьшает психологическое напряжение и помогает более непринуждённо воспроизводить события. Важно отметить, что статья 432 УПК РФ предусматривает возможность освобождения несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Взаимосвязь с положениями уголовного закона формирует альтернативный подход к разрешению уголовного дела [1]. Как отмечает Т. Н. Михайлова, «акцент в подобных ситуациях смещается с репрессивного воздействия на коррекцию поведения и социальную адаптацию личности» [5].

Состав участников процесса расширяется за счёт обязательного присутствия защитника и законного представителя. В ряде случаев подключается педагог или психолог (участие выходит за рамки формального наблюдения). Речь идет о выстраивании корректной коммуникации и предотвращении искажения показаний, возникающего под влиянием стресса или внушаемости. Схожие требования распространяются на допрос потерпевших и свидетелей, особенно по делам, связанным с посягательствами на половую неприкосновенность, что подчёркивается в работах Ю. В. Быстровой и К. А. Долгополова [3].

Применение видеозаписи при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних приобретает самостоятельное значение. Зафиксированные показания иногда воспроизводятся в судебном заседании без повторного допроса. Подобная практика снижает риск повторной травматизации. Тем не менее, крайне важно придерживаться разумной методологии, поскольку исключение непосредственного восприятия доказательств сужает качество судебной оценки.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации подчеркивается, что при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних суды должны уделять первостепенное внимание защитной функции правосудия (комплексный анализ условий жизни несовершеннолетних, методов их воспитания, состояния здоровья и других аспектов, воздействующих на их личностное развитие, а также проверка соблюдения уголовно-процессуальных норм) [2].

Выбор формы судебного разбирательства также зависит от возраста участника и характера рассматриваемого дела. Закрытый режим используется при наличии реальной угрозы интересам несовершеннолетнего. Однако правоприменительная практика фиксирует случаи, когда подобное решение принимается без достаточных оснований. Отсутствие мотивировки влечёт сомнения в законности судебного акта.

Нарушения порядка вызова несовершеннолетнего в суд сохраняют устойчивый характер. Игнорирование требования об уведомлении через законного представителя приводит к серьёзным процессуальным послед-

ствиям, включая необоснованное избрание меры пресечения. Апелляционные инстанции в подобных ситуациях указывают на допущенные нарушения и отменяют соответствующие решения.

Вопрос о назначении наказания решается с учётом возраста, условий воспитания и возможности исправления без изоляции от общества. Судебная практика демонстрирует тенденцию к расширению применения воспитательных мер. Как подчеркивает Ю. О. Плеханова, подобный подход отражает изменение акцентов уголовной политики в отношении несовершеннолетних [4].

В отдельных случаях допускается помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Речь идет о ситуации, когда запрашивается контроль за поведением и конструирование условий для коррекции, недостижимых в обычной социальной среде.

Судебное разбирательство по делам с участием несовершеннолетних представляет собой многослойную конструкцию, сочетающую элементы традиционного правосудия и дополнительные гарантии защиты личности. Наличие детальной регламентации не устраняет проблем правоприменения. Принципиальные трудности связаны с неукоснительным соблюдением процессуальных норм.

Несовершеннолетний в уголовном процессе занимает положение, требующее повышенного внимания со стороны суда. Результат рассмотрения дела определяется не только содержанием правовых норм, но и тем, насколько последовательно они реализуются в конкретной процессуальной ситуации.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. От 08.03.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 23.04.2026 г.).
3. Михайлова Т. Н. Несовершеннолетний в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 208–221.
4. Плеханова Ю. О. Особый порядок судебного разбирательства по делам о преступлениях несовершеннолетних // Вестник магистратуры. 2022. № 12–5 (135). С. 27–30.
5. Быстрова Ю. В., Долгополов К. А. Проблемы соблюдения процессуальных прав несовершеннолетних в российском уголовном производстве и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 27–33.

Принцип независимости судей военных судов: особенности реализации в системе судебной власти Российской Федерации

Рзаев Сабир Зауриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Снурницын Никита Викторович, преподаватель
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье рассматривается содержание принципа независимости судей военных судов Российской Федерации с учетом современного состояния судебной системы и возросшей нагрузки на военную юстицию. Особое внимание уделяется реализации конституционных гарантий независимости в условиях специфики военных судов, связанной с терри-

ториальной близостью к местам дислокации войск и рассмотрением дел, возникающих из прохождения военной службы и специальных правовых режимов.

Научная новизна исследования состоит в том, что принцип независимости судей военных судов предлагается рассматривать не только как совокупность общих гарантий статуса судьи, но и как специальный режим институциональной автономии, включающий три уровня обеспечения: нормативный, организационно-инфраструктурный и коммуникативно-процессуальный. Впервые предлагается авторская классификация угроз независимости судей военных судов на структурные, средовые и ситуационные, а также формулируется модель «компенсирующей институциональной нейтрализации», согласно которой чем выше влияние военной среды на осуществление правосудия, тем более жесткими должны быть внешние и внутренние гарантии автономии суда.

Ключевые слова: независимость судей, военные суды, судебная власть, судейский статус, гарантии независимости, военная юстиция, судебная система Российской Федерации.

The principle of independence of military courts judges: features of implementation in the system of judicial authority in the Russian Federation

Rzaev Sabir Zaurievich, master's student
Scientific advisor: Snurnitsyn Nikita Viktorovich, lecturer
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Moscow)

The article examines the content of the principle of independence of judges of military courts of the Russian Federation, taking into account the current state of the judicial system and the increased workload on military justice. Special attention is paid to the implementation of constitutional guarantees of independence in the context of the specifics of military courts, which are related to the territorial proximity to military bases and the consideration of cases arising from military service and special legal regimes.

The scientific novelty of the study lies in the fact that the principle of the independence of military court judges is proposed to be viewed not only as a set of general guarantees of the judge's status, but also as a special regime of institutional autonomy that includes three levels of support: normative, organizational-infrastructural, and communicative-procedural. For the first time, the author proposes a classification of threats to the independence of military court judges into structural, environmental, and situational threats, and formulates a model of «compensatory institutional neutralization», according to which the higher the influence of the military environment on the administration of justice, the stricter the external and internal guarantees of the court's autonomy should be.

Keywords: judicial independence, military courts, judicial authority, judicial status, guarantees of independence, military justice, judicial system of the Russian Federation.

Независимость судей традиционно рассматривается как базовый конституционный принцип правосудия и гарантия права на судебную защиту. Для военных судов данный принцип приобретает особое значение, поскольку они действуют в специфической организационной среде, связанной с территориальной близостью к военной инфраструктуре и рассмотрением дел, возникающих из военно-служебных отношений. Актуальность исследования обусловлена ростом нагрузки на военные суды в 2023–2025 годах, расширением специального законодательства и увеличением числа уголовных и административных дел в отношении военнослужащих.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей реализации принципа независимости судей военных судов и разработке предложений по совершенствованию гарантий такой независимости. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы.

Конституционный фундамент независимости судей носит универсальный характер. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, а гарантии их несменяемости

и неприкосновенности закреплены на конституционном уровне. Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» также закрепляет самостоятельность военных судов и неподотчетность их судей при осуществлении правосудия. Следовательно, независимость судей военных судов не является особой или «ослабленной» разновидностью судейской независимости, а обладает той же юридической природой, что и независимость иных федеральных судей.

Вместе с тем специфика военных судов обусловлена их институциональным положением. Военные суды входят в систему федеральных судов общей юрисдикции, однако создаются по месту дислокации войск и военных учреждений. Такая территориальная и функциональная привязка формирует особую профессиональную среду, в которой возрастает риск неформального влияния на суд. Юридически это не означает зависимости суда, однако требует дополнительного анализа механизмов фактического обеспечения независимости.

Научная новизна исследования состоит в том, что независимость судей военных судов предлагается рассматривать как специальный режим институциональной автономии внутри общего конституционного принципа

независимости судей. Данный подход позволяет учитывать специфику организационной среды военных судов без отрицания единства статуса судьи.

В связи с этим предлагается авторский тезис: независимость судей военных судов следует рассматривать как «специальный режим институциональной автономии» внутри единого конституционного принципа независимости судей. Этот режим не отменяет единства статуса судьи, но показывает, что реальное обеспечение независимости в военном суде требует действия специальных компенсирующих механизмов, связанных с особенностями среды, нагрузки и организационной инфраструктуры суда.

В рамках исследования предлагается трехуровневая модель обеспечения независимости судей военных судов. Первый уровень включает нормативные гарантии: порядок назначения судей, их несменяемость, неприкосновенность и запрет вмешательства в осуществление правосудия. Второй уровень образуют организационно-инфраструктурные гарантии, связанные с материально-техническим обеспечением суда и его административной автономией. Третий уровень включает коммуникативно-процессуальные гарантии, направленные на предотвращение внепроцессуального воздействия и неформального влияния профессиональной среды.

Предлагаемая модель позволяет объяснить, почему одинаковые юридические гарантии могут обладать различной фактической эффективностью в разных институциональных условиях. Для военных судов значение приобретают не только прямые формы вмешательства, но и средовые факторы: тесный круг профессионального взаимодействия, близость к военной инфраструктуре и высокая социальная чувствительность рассматриваемых дел.

Из этого выводится авторская модель «компенсирующей институциональной нейтрализации». Ее суть в следующем: чем выше плотность связи суда с военной организационной средой, тем более выраженными должны быть гарантии его организационной автономии, процессуальной прозрачности и кадровой независимости. Иначе формальное равенство статуса судей начинает скрывать фактическое неравенство условий осуществления правосудия.

Вторая составляющая научной новизны состоит в предложении оригинальной классификации угроз независимости судей военных судов. В литературе обычно перечисляются общие риски для судебской независимости: влияние председателей судов, дисциплинарное давление, административный ресурс, обвинительный уклон. Для военных судов этого недостаточно, поскольку необходимо учитывать их специальную институциональную среду.

В связи с этим предлагается классификация угроз независимости судей военных судов на структурные, средовые и ситуационные. Структурные угрозы обусловлены особенностями организации военных судов, включая их территориальную близость к военной инфраструктуре и специфику кадровой среды. Средовые угрозы свя-

заны с профессионально-коммуникативной средой военной юстиции и риском формирования неформальных ожиданий со стороны участников военно-служебных отношений. Ситуационные угрозы возникают в периоды резкого роста судебной нагрузки, изменения законодательства и увеличения числа социально чувствительных дел.

Гарантии независимости: достаточность закона и недостаточность практической конструкции. Российское законодательство в целом содержит развитую систему общих гарантий независимости судьи. В науке справедливо отмечается, что к таким гарантиям относятся порядок назначения, несменяемость, неприкосновенность, социальное обеспечение, процессуальные механизмы и участие органов судебского сообщества в кадровых и дисциплинарных процедурах. Для судей военных судов эти гарантии действуют в полном объеме, что исключает формальный вывод о «неполноценности» их статуса.

Однако научная проблема заключается не в отсутствии гарантий как таковых, а в различии между «юридической достаточностью» и «институциональной достаточностью» гарантий. Юридическая достаточность означает, что в законе присутствуют необходимые элементы независимости. Институциональная достаточность означает, что эти элементы реально компенсируют специфику среды, в которой суд действует. Именно на втором уровне, по мнению автора, и возникает основной дефицит.

Показательным примером служит вопрос материально-финансового обеспечения. В научной литературе материальное и финансовое обеспечение рассматривается как самостоятельная гарантия независимости судьи. Но применительно к военным судам важен не только объем обеспечения, а прежде всего источник и способ организационного доступа к нему. Даже при достаточном уровне материального содержания зависимость отдельных повседневных аспектов функционирования суда от структур, связанных с военной организацией, способна создавать латентный конфликт интересов.

Аналогичный вывод применим к кадровым процедурам. Формально общие правила назначения и статуса судьи сохраняются, однако для военных судов особое значение имеет реальный баланс между профессиональной компетентностью в военной сфере и институциональной дистанцией от нее. Чрезмерная «внутрисредовая» замкнутость кадрового контура может порождать не столько прямую зависимость, сколько эффект корпоративной однородности, уменьшающей чувствительность к альтернативным правовым позициям.

Проблема единства статуса судей и допустимой специализации. Принцип единства статуса судей служит важным барьером против попыток вывести военных судей в особую, ограниченную по гарантиям категорию. Именно поэтому недопустим подход, при котором специфика военного суда используется для обоснования снижения независимости или расширения возможностей внешнего контроля.

Вместе с тем сама по себе специализация судов не противоречит международным стандартам, если сохраняются требования независимости, беспристрастности и надлежащей правовой процедуры. Следовательно, правовая задача состоит не в устранении специфики военных судов, а в том, чтобы четко провести границу между допустимой функциональной специализацией и недопустимой институциональной зависимостью.

Предлагается следующий критерий разграничения. Особенности военных судов допустимы тогда, когда они направлены на повышение доступности и компетентности правосудия, но не затрагивают содержание судебной независимости. И напротив, любая организационная особенность должна считаться недопустимой, если она создает хотя бы косвенную возможность влияния на формирование внутреннего убеждения судьи, на движение дела или на условия профессионального существования суда.

Современные вызовы для независимости судей военных судов. Современный этап развития военной юстиции характеризуется одновременным воздействием двух факторов. Во-первых, это рост числа дел и усложнение их предмета. Военные суды рассматривают не только классические уголовные дела о воинских преступлениях, но и значительный массив споров о правах военнослужащих, обеспечении довольствием, жильем и иными социальными гарантиями. Во-вторых, это быстрое обновление законодательства, связанного с прохождением службы, мерами государственной поддержки и специальными правовыми режимами.

Такое положение создает риск функциональной перегрузки. Перегруженный суд объективно хуже защищен от стандартизации подходов, административного давления временем и внутренней склонности к процессуальной экономии в ущерб полноте индивидуального судебного рассмотрения. Для военного суда это особенно опасно, поскольку многие дела в данной сфере затрагивают одновременно частный интерес заявителя и публичный интерес государства.

Кроме того, современный контекст усиливает значение доверия к военному правосудию. Если общество или профессиональная среда начинают воспринимать военный суд как продолжение административной или дисциплинарной вертикали, то подрывается не только репутация конкретного суда, но и сама идея судебной защиты в военной сфере. Поэтому независимость военных судей должна быть не только реально обеспечена, но и организационно демонстрируема.

На основании проведенного анализа представляется возможным сформулировать ряд предложений, которые и составляют прикладной результат настоящего исследования.

1) Закрепление специального стандарта организационной автономии военных судов. В федеральном конституционном законодательстве целесообразно прямо закрепить принцип организационной автономии военных

судов от органов военного управления. Сегодня закон уже исходит из самостоятельности военных судов при осуществлении правосудия, однако этого недостаточно для устранения всех средовых рисков. Требуется более детально определить, что любые вопросы материально-технического, информационного и инфраструктурного обеспечения суда должны решаться через механизмы судебной, а не ведомственной администрации. Такое уточнение не изменит сущности статуса суда, но повысит определенность закона и сузит пространство для скрытой зависимости.

2) Введение режима повышенной процессуальной прозрачности по делам с высоким средовым риском. Предлагается нормативно закрепить для военных судов специальный режим документирования внепроцессуальных обращений и контактов по делам повышенной чувствительности. В общей научной дискуссии давно указывается, что исключение председателя суда из ручного распределения дел и усиление прозрачности процедур способствуют укреплению независимости судей. Для военных судов эта логика должна быть продолжена: любое внепроцессуальное воздействие, даже если оно не образует состава правонарушения, должно становиться предметом обязательной внутренней фиксации и проверки. Это предложение особенно важно потому, что именно латентные, трудно доказуемые формы давления представляют наибольшую опасность в специализированной судебной среде.

3) Дифференциация гарантий в зависимости от уровня средовой нагрузки. Авторская модель «компенсирующей институциональной нейтрализации» позволяет предложить новый подход: гарантии независимости следует дифференцировать не по статусу судьи, а по уровню средовой нагрузки суда. Иными словами, суд, работающий в условиях повышенной концентрации дел, тесной связи с военной инфраструктурой и высокой социальной чувствительности споров, должен обладать усиленными организационными гарантиями по сравнению с судом, действующим в обычных условиях. Такая дифференциация не нарушает принцип единства статуса судей, поскольку касается не объема их прав, а степени институциональной защиты от объективно более сильной среды.

Предложенная в статье конструкция имеет теоретическое и прикладное значение. Теоретически она позволяет уточнить само понятие независимости судей военных судов: это не просто повторение общего конституционного стандарта в специальном виде суда, а особый режим реализации единого принципа в условиях повышенной средовой нагрузки. Тем самым устраняется противоречие между тезисом о единстве статуса судей и очевидной фактической спецификой военных судов.

Практическое значение модели состоит в том, что она дает возможность проектировать гарантии независимости не абстрактно, а адресно. Если установлено, что риск носит структурный характер, требуется изменение инфраструктуры и внешних административных

связей суда. Если риск средовой, приоритет должны получать меры процессуальной прозрачности и коммуникационной изоляции. Если риск ситуационный, ключевой задачей становится временное усиление процедурных фильтров, контроля распределения нагрузки и публичной отчетности о соблюдении стандартов независимости.

Принцип независимости судей военных судов имеет ту же конституционную природу, что и независимость иных судей Российской Федерации. Федеральное конституционное законодательство прямо закрепляет самостоятельность военных судов и неподотчетность их судей при осуществлении правосудия. Вместе с тем специфика места, функций и современной нагрузки военных судов показывает, что формального равенства гарантий недостаточно для полного объяснения механизма их действия.

В результате проведенного исследования обоснован вывод о том, что независимость судей военных судов должна рассматриваться как специальный режим инсти-

туциональной автономии внутри общего принципа судебской независимости. Научная новизна работы выражается в трех положениях: в разработке трехуровневой модели обеспечения независимости; в авторской классификации угроз на структурные, средовые и ситуационные; в формулировании модели компенсирующей институциональной нейтрализации как основы дальнейшего совершенствования законодательства и практики.

Именно такой подход позволяет уйти от реферативного описания норм и перейти к подлинно исследовательской постановке вопроса. Для укрепления независимости судей военных судов необходимо не только сохранять общие статусные гарантии, но и специально проектировать механизмы, компенсирующие влияние военной среды, роста нагрузки и повышенной чувствительности рассматриваемых дел. Лишь при таком подходе можно обеспечить не номинальную, а реальную независимость военного суда как органа судебной власти.

Литература:

1. Организация деятельности военных судов Российской Федерации: Учебник. 2е изд., перераб. и доп. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика
2. Военная юстиция в России: история и современность / под ред. Ершова В. В., Хомчика В. В. — 2е изд., перераб. и доп. — М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. — 564 с.
3. Петухов Н. А. История военных судов России: Монография. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: РГУП, 2022, 408 стр.
4. Петухов Н. А. История военных судов России: Монография. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: РГУП, 2022, 408 стр.

Актуальные проблемы правового регулирования информационной обязанности владельца агрегатора по доведению сведений о продавце при дистанционной торговле

Рубцов Оскар Германович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу правового регулирования обязанности владельца агрегатора товаров (услуг) по доведению до потребителя информации о продавце. Рассмотрен пункт 1.2 ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей» во взаимосвязи с подзаконными актами, регулирующими правила дистанционной торговли. В ходе исследования были выявлены сложности правоприменения, причина которых состояла в неопределённости состава и содержания перечня информации, которую владелец агрегатора обязан доводить до потребителя. Были предложены направления совершенствования нормативного регулирования для устранения неопределённости и обеспечения единообразия толкования пункта 1.2 ст. 9 Закона о защите прав потребителей.

Ключевые слова: владелец агрегатора информации о товарах, услугах, дистанционная торговля, информационная обязанность, продавец.

В настоящее время маркетплейсы активную набирают все большую популярность. Это привело к появлению сравнительно нового субъекта в отношениях между потребителями и продавцами — владельца агрегатора информации о товарах и услугах. Но, как справедливо отмечается в научной литературе, правовой статус данных субъектов остается неопределенным, а действующее зако-

нодательство содержит множество пробелов и коллизий [1, с. 298–299]. Одна из таких проблем содержится в пункте 1.2 ст. 9 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей), который, закрепляет за владельцем агрегатора обязанность по доведению до потребителя сведений о продавце [2]. Содержание данного пункта обладает рядом неопре-

делённостей. Это привело к различному толкованию его содержания различными судами и, как следствие, к отсутствию единообразной судебной практики.

Данное положение включает в себя обязанность владельца агрегатора доводить до сведения потребителей информацию как о себе, так и о продавце. Оно регламентирует конкретный перечень информации о продавце, который владелец агрегатора должен довести до потребителя.

Исходя из содержания указанной нормы следует, что данный перечень носит недифференцированный характер и не имеет различий исходя из организационно-правовой формы продавца.

Вместе с тем абзацы 1 и 2 пункта 19 Правил продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору купли-продажи, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 2463 (Далее — Правила продажи № 2463) устанавливают, различные требования относительно информации, которую продавец должен доводить до потребителя при дистанционной торговле [3].

Необходимость дифференциации указанной информации в данной норме обусловлена тем, что определённые сведения просто не свойственны определенным организационно-правовым формам продавцов. Так, фирменное наименование присуще исключительно коммерческим организациям, что указано в статье 1473 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Также различается и содержание государственного регистрационного номера: для юридического лица — это ОГРН, для индивидуального предпринимателя — ОГРНИП.

Особого внимания заслуживает информация об адресе и месте нахождения продавца. По смыслу пункта 2 статьи 54 Гражданского кодекса Российской Федерации под местом нахождения юридического лица понимается юридический адрес, который определяется местом его государственной регистрации. Для индивидуального предпринимателя местом нахождения и соответственно местом регистрации, исходя из положения пункта 3 статьи 8 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», является его место жительства [5]. Место жительства, по смыслу пункта 1 статьи 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», относится к перечню персональных данных [6]. Логично, что, в связи с данным обстоятельством, законодатель освободил индивидуального предпринимателя от обязанности раскрывать своё

место нахождения при доведении информации до потребителя.

Сравнительный анализ пункта 1.2 статьи 9 Закона о защите прав потребителей абзацев 1 и 2 п. 19 Правил продажи № 2463 показывает явное нормативное противоречие.

Согласно содержанию положений Правил продажи № 2463 продавец, индивидуальный предприниматель, при дистанционной торговле освобождён от обязанности по доведению информации о фирменном наименовании, месте нахождения (адресе) и ОГРН. Вместе с тем, положения Закона о защите прав потребителей накладывают на владельца агрегатора обязанность по доведению до потребителя данного перечня информации. Следует вывод, что содержание обязанности агрегатора оказывается шире, чем обязанность самого продавца, что, в свою очередь, порождает правовую неопределённость.

Судебная практика расходится в толковании положений данного пункта Закона о защите прав потребителей. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции в своем определении от 10.06.2025 по делу № 88–16376/2025 разъясняет, что владелец агрегатора обязан доводить до сведения потребителей весь перечень информации, содержащийся в данном пункте [7]. Однако иной подход был сформирован Третьим кассационным судом общей юрисдикции в определении от 30.03.2026 по делу № 88–4186/2026, согласно которому толкование положений пункта 1.2 статьи 9 Закона о защите прав потребителей должно производиться с учетом положений абзаца 2 пункта 1 статьи 9 Закона о защите прав потребителей [8].

Таким образом, сложились две противоположные судебные практики, которые по-разному толкуют указанную норму: одна требует от владельца агрегатора безусловного предоставления полного перечня сведений, другая — исходит из невозможности требовать от агрегатора информации, отсутствующей у продавца.

По мнению автора, подход, выработанный Третьим кассационным судом общей юрисдикции, является более верным, поскольку он основан на сравнении других норм, которые устанавливают перечни информации для продавцов при непосредственной продаже товаров.

Пункт 1.2 статьи 9 Закона о защите прав потребителей нуждается в переработке, после которой перечень сведений, необходимый для доведения до потребителя, станет дифференцированным, что позволит исключить двойное толкование указанной нормы и обеспечит единообразие судебной практики.

Литература:

1. Белозерцева, М. В. Гражданско-правовая ответственность онлайн-агрегаторов за действия пользователей: от информационного посредничества к публичным обязанностям / М. В. Белозерцева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 50 (601). — С. 297–300. — URL: <https://moluch.ru/archive/601/131526>;
2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 15. — Ст. 766.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 1 (часть II). — Ст. 173;
4. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
5. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 33 (часть I). — Ст. 3431.
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (часть I). — Ст. 3451.
7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2025 № 88–16376/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2026 № 88–4186/2026 по делу № 2–2596/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Оценка относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств

Руднева Елизавета Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается порядок действий субъектов доказывания по уголовным, административным, гражданским, арбитражным делам при оценке относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. Внимание уделяется методам оценки доказательств, которые взаимосвязаны с элементами собирания и проверки доказательств на предшествующих оцениванию стадиях доказывания.

Ключевые слова: оценка доказательств, доказательство, доказывание, относимость, допустимость, достоверность, достаточность.

Работа суда или других уполномоченных законом субъектов по обоснованию выводов по итогам рассмотрения уголовного, административного, гражданского или арбитражного дела строится на общей системе оценки ранее собранных и проверенных доказательств. Отраслевое процессуальное законодательство под доказываем традиционно понимает последовательный комплекс действий по собиранию, проверке и оценке доказательств.

При этом законность любого доказательства в рамках судопроизводства основывается на соблюдении процессуальной формы, предусмотренной для конкретной отрасли судопроизводства. В последнее время в российской юридической появились научные работы, аргументированно заявляющие о наличии универсальной системы доказывания для всех видов юридических процессов [1].

С нашей точки зрения, такой подход обоснован, так как общим источником требований к доказательствам выступает Конституция Российской Федерации. В ней закреплено, что судопроизводство производится гласно, с соблюдением принципа состязательности сторон, причем стороны наделены равными правами и несут равные обязанности.

Конечно, конституционные предписания не могут по-разному истолковываться в процессуальных отраслях единой правовой системы. Поэтому имеются все основания считать универсальные требования к доказательствам едиными для всех существующих отраслей процессуального права.

Формальными основаниями, которыми руководствуется оценивающий субъект, выступают относимость, допустимость, достоверность и достаточная количественная совокупность доказательств для подтверждения определенного обстоятельства дела. Все перечисленные нами свойства доказательств образуют содержание оценки доказательств, в то время как на этапе проверки все доказательства сопоставляются и систематизируются в качестве частной системы доказывания.

Относимость — это свойство доказательства, показывающее качественную сторону содержащихся в нем сведений, которая прямо относится к познаваемому с его помощью обстоятельству. Относимость проявляется как свойство, с помощью которого из массы информации субъектом доказывания отбирается только та, что имеет отношение к рассматриваемому событию. Такая постановка задачи дает возможность отбирать информацию,

не перегружая частную систему доказывания всей имеющейся информацией в деле.

К примеру, производя осмотр места происшествия, следователь изымает не все обнаруженные им следы и предметы, а только те, которые, по его мнению, имеют отношение к изучаемому событию. Определение относимости, по сути, играет значительную роль в доказывании еще на стадии собирания доказательств. Таким образом, начальный этап процедуры доказывания требует от уполномоченных должностных лиц решения вопроса о необходимости включения того или иного следа в протокол следственного или процессуального действия и наделения его статусом доказательства исходя из свойства относимости к предмету доказывания.

На наш взгляд, оценивание доказательств на предмет относимости начинается проявляться в ходе собирания доказательств. Именно здесь перед субъектом доказывания возникает вопрос об отнесении имеющихся фактических сведений к таким, которые будут обладать ценностью для доказывания. Получается, что наибольшей содержательной ценностью будут обладать сведения, явно указывающие на принадлежность к расследуемому событию.

По нашему мнению, прав А. А. Хмыров, отмечавший обязательность всестороннего изучения всей информации, попадающей к следователю после начала проверки сообщения о преступлении. Они должны быть зафиксированы, чтобы в дальнейшем, если возникнут пробелы в построении частной системы доказательств, из них можно было бы получить недостающую информацию [2].

Мы думаем, что производство дополнительных и повторных следственных действий часто производится следователями и дознавателями из-за получения новых, относимых к преступлению доказательств, которым первоначально не уделялось должного внимания.

Следующим условием, применяемым к оценке представленных в материалах дела доказательств, выступает их допустимость. Проверка допустимости чрезвычайно значима в свободной системе оценивания доказательств, так как из допустимости, в конечном итоге, складывается решение следователя, прокурора, или суда о законности статуса доказательства [3].

Отраслевое процессуальное законодательство содержит нормы, предусматривающие проведение проверки и оценки судом допустимости любого имеющегося в деле доказательства. Допустимость можно понимать как процессуальную обязанность доказывать определенные обстоятельства только указанными в законе видами доказательств.

В качестве примера часто приводится норма ст. 196 УПК РФ, где перечисляются факты, требующие доказывания исключительно с помощью заключения соответствующего вида судебного эксперта: причина смерти, тяжесть вреда здоровью человека, заболевание лица наркоманией, возраст несовершеннолетнего, другие обстоятельства. Можно заключить, что указанные обстоя-

тельства предполагаются одними из наиболее значимых, с чем связывается их регламентация законом.

Следующим свойством, нуждающимся при оценке доказательств, является достоверность. Достоверность часто понимается как объективное отражение в содержании доказательства всех доказательственных или промежуточных фактов, без их изменения или искажения. Если изменения в содержание доказательства внесены умышленно заинтересованными в этом лицами, тогда уместно говорить о фальсификации доказательства и появлении основания для привлечения виновных к ответственности.

Конечно, изменения могут быть внесены и неумышленно, к примеру, судебным экспертом при применении к вещественному доказательству разрушающих методов экспериментального исследования. В такой ситуации эксперт до начала использования разрушающих методов обязан получить разрешение на это от следователя или суда.

Достоверность в оценивании служит уяснению субъектом доказывания факта о неизменности содержания доказательства с момента его собирания. Если суд или иной субъект оценки доказательства не убеждены в истинности доказательства, они не вправе применять его для вынесения процессуального решения или приговора. Одно из правил оценки доказательств требует вынесения решения по существу на достоверных доказательствах, чтобы избежать предположений относительно существенных обстоятельств дела.

Одной из задач субъекта доказывания выступает проверка процессуальными средствами достоверности доказательств, особенно полученных во время проведения вербальных следственных действий: допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания. Если вещественные доказательства могут быть проверены с помощью назначения судебных экспертиз, то личные доказательства вербального характера часто могут служить результатом добросовестного заблуждения или заведомо ложными сообщениями о каких-либо искажаемых обстоятельствах.

Четвертым свойством доказательств, требующим рассмотрения при оценивании, служит критерий достаточности. Достаточность определяется по-разному в научных работах. Часто под ней понимается спектр процессуальных гарантий и наличие средств и способов верифицируемости доказательств [4].

Мы рассматриваем достаточность как неотъемлемое свойство системы доказательств по делу, отражающее количественную сторону всех собранных и проверенных доказательств, которые по своему содержанию подтверждают все искомые факты, подлежащие доказыванию.

Достаточность — это во многом оценочная категория, потому что каждый из искомых фактов может доказываться путем прямого или косвенного доказывания. Когда доказывание прямое, то отсутствуют дополнительные промежуточные факты, чтобы провести однозначную связь от доказательства и представляемого им факта к обстоятельству, которое этот факт подтверждает. Если до-

казывание строится через косвенный путь, тогда между доказательством и подтверждаемым им обстоятельством находится один или несколько промежуточных фактов, которые в своей логической последовательности ведут к подтверждению искомого факта.

Рассуждая логически, можно точно сказать, что достаточность выражает количество доказательств, которыми подтверждаются каждое из обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Мы полагаем, что достаточности должна складываться не из суммарного количества всех доказательств по делу, а из количества доказательств по каждому обстоятельству, то есть для каждой частной системы доказательств. Это требуется для того, чтобы обеспечить максимально возможную полноту и внутреннюю непротиворечивость системы доказательств.

Литература:

1. Нахова, Е. А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки»: автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук / Нахова Елена Александровна; Саратовская гос. юридическая акад., — Саратов, 2024. — 40 с. — Текст: непосредственный.
2. Хмыров, А. А. Теория доказывания. Общая часть / А. А. Хмыров. — 3-е, доп. и испр. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. — 176 с. — Текст: непосредственный.
3. Руденко, А. В. Содержательная логика доказывания / А. В. Руденко. — М.: Проспект, 2011. — 280 с. — Текст: непосредственный.
4. Вознюк, Е. П. Уголовно-процессуальный механизм обеспечения достаточности доказательств в ходе судебного производства / Е. П. Вознюк. — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2. — С. 223–226.

Назначение производства в суде кассационной инстанции в системе проверки судебных решений

Ручкина Диана Сергеевна, студент;
Цыцова Анна Алексеевна, студент;
Ядрина Лилия Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы определяют назначение производства в суде кассационной инстанции в системе проверки судебных решений.

Ключевые слова: кассационное производство, уголовный процесс, пересмотр судебных решений, законность приговора, поворот к худшему, ревизионный порядок.

Вступивший в законную силу приговор считается окончательным и обращается к исполнению. Однако на практике такие решения не всегда безупречны: в них могут присутствовать ошибки, требующие устранения. Любая проверочная стадия процесса, как отмечается в доктрине, нацелена на анализ судебного акта, обнаружение недочётов и их последующее исправление ради вынесения законного и обоснованного решения.

С 1 января 2013 года, после принятия Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ [1], в УПК РФ действует глава

Переходя к заключению, отметим, что оценка доказательств производится уполномоченным субъектом через установление его относимости, допустимости, достаточности. Интегративное оценивание производится посредством количественного анализа достаточности собранных и проверенных доказательств, чтобы обеспечить полноту доказывания.

Субъект доказывания часто проводит оценку одновременно с проверкой доказательств, дифференцируя этот процесс только во время формулирования процессуального решения по делу. Оценка всех указанных свойств доказательств требуется в обеспечение вынесения законного и обоснованного решения, где выступает в качестве главного условия для внутреннего убеждения суда или иного уполномоченного законом должностного лица.

47.1, регламентирующая обновлённый порядок кассационного пересмотра вступивших в силу приговоров, определений и постановлений.

Статья 401.2 УПК РФ предоставляет право на кассационное обжалование осуждённому, оправданному, их защитникам и законным представителям, потерпевшему, частному обвинителю, а также иным лицам, чьи интересы затрагиваются обжалуемым решением [5].

Задачами проверочного производства являются:

- 1) исправление судебных ошибок

2) защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства, которые могли быть нарушены в результате судебных ошибок

3) обеспечение единообразного применения законодательства судами.

Главный предмет проверки в кассации — законность приговора. Что касается обоснованности и справедливости, они оцениваются исключительно в апелляционном порядке, то есть до момента вступления приговора в силу. Кассационная инстанция не пересматривает дело по существу: её задача — обнаружить нарушения норм права, которые подрывают юридическую силу приговора. Вместе с тем судебная практика показывает, что обоснованность фактически тоже проверяется, но опосредованно — через несоблюдение требований УПК РФ [2].

В Российской Федерации существует два звена кассационных судов:

1) кассационный суд общей юрисдикции (в его составе создана судебная коллегия по уголовным делам) и военный кассационный суд.

2) судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации (по уголовным делам и по делам военнослужащих).

Изначально закон (в редакции 2010 года) устанавливал годичный срок кассационного обжалования со дня вступления приговора в силу; пропущенный по уважительной причине срок мог быть восстановлен, кроме случаев, когда жалоба содержала основания для ухудшения положения осуждённого. В действующей редакции УПК РФ общего срока для кассации не предусмотрено. Однако статья 401.6 УПК РФ сохраняет годичный срок для пересмотра, влекущего поворот к худшему, и этот срок восстановлению не подлежит — независимо от уважительности причин пропуска.

Также, в соответствии со ст. 401.16 УПК РФ устанавливается ревизионный порядок рассмотрения кассационных жалоб (представлений). Ревизионный порядок означает, что суд кассационной инстанции не ограничен доводами жалобы и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объёме.

Суд кассационной инстанции при применении ревизионного начала может улучшить положение осуждённого, смягчив назначенное ему наказание или применив закон о менее тяжком преступлении. В п. 19 ППВС № 19 говорится о том, что суду кассационной инстанции надлежит устранять все выявленные в судебном заседании существенные нарушения уголовного закона и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, если их устранение влечет улучшение положения лица.

В то же время закон ограничивает возможность ухудшения статуса осуждённого в рамках ревизии — так называемый запрет «поворота к худшему». Данное ограничение служит балансу публичных и частных интересов, помогает исправлять ошибки, не подрывая стабильность судебных актов, и в конечном счёте укрепляет доверие к правосудию.

В процессуальной теории подчёркивается, что вступивший в силу приговор обладает качеством окончательности (*res judicata*). Это означает, что он не может быть отменён лишь из-за несогласия стороны с выводами суда. Следовательно, обоснованность должна проверяться только до вступления приговора в законную силу, то есть в апелляционном производстве. В кассационном же производстве оценивается не правильность решения по существу, а наличие нарушений, лишаящих его юридической силы.

Тем не менее принцип окончательности не является абсолютным. Европейская конвенция о защите прав человека (ст. 4 Протокола № 7) допускает отмену окончательного приговора в двух случаях: 1) имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах; 2) в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

Европейский суд по правам человека выразил соответствующую позицию в решении по делу «Эдуард Чистяков против Российской Федерации»: «Отмена вступившего в законную силу решения не допускается исключительно с целью его пересмотра и нового рассмотрения дела, но лишь с целью устранения фундаментальных ошибок. Соответствующие факторы, которые должны быть приняты во внимание в этой связи, включают, в частности, последствия возобновления и любых последующих разбирательств для конкретной ситуации заявителя и то обстоятельство, было ли возобновление разбирательства обусловлено ходатайством самого заявителя; основания, в силу которых национальные власти пренебрегали окончательным решением в деле заявителя, соответствие данной процедуры требованиям национальной правовой системы, способных исключить злоупотребление этой процедурой со стороны властей страны; иные значимые для дела обстоятельства» [4].

Аналогичную позицию выразил Конституционный суд РФ в своем постановлении: «При этом исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осуждённых и потерпевших. Отсутствие возможности пересмотра окончательного судебного решения в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства существенным (фундаментальным) нарушением, которое повлияло на исход дела, означало бы, что — вопреки принципу справедливости и основанном на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека — такое ошибочное судебное решение не может быть исправлено. Это вступало бы также в противоречие с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод» [3].

Таким образом, Европейский суд по правам человека, и Конституционный Суд РФ придерживаются позиции, согласно которой окончательное судебное решение под-

лежит отмене, если в ходе предшествующего судебного разбирательства были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права.

Статья 401.17 УПК РФ закрепляет недопустимость повторного обращения с кассационной жалобой (представлением) в тот же суд, от тех же лиц и по тем же основаниям, если она уже была рассмотрена в судебном заседании либо оставлена без удовлетворения судьёй. Как справедливо отмечает М. Е. Нехороших, отсутствие такого запрета привело бы к перегрузке кассационных судов, злоупотреблению правом на обжалование и параличу их работы [6, с. 97–98]. К тому же сочетание «сплошной» кас-

сации и возможность подавать неограниченное количество жалоб, создает риск перегрузки кассационных судов. Отсутствие ограничений на подачу новых жалоб может лишить судей возможности отклонять их и в результате, кассационные суды будут вынуждены каждый раз заново и полностью изучать дело при поступлении новой жалобы, что может привести к парализации работы судов.

Таким образом, назначение кассационного производства заключается в пересмотре вступивших в законную силу приговоров судами кассационной инстанции. Этот пересмотр ограничен письменными материалами дела и не предполагает исследования новых доказательств.

Литература:

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. — Версия Проф, сетевая, электр. дан. — М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. (дата обращения: 17.05.2026).
2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2020 № 77–258/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Версия Проф, сетевая, электр. дан. — М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. — Режим доступа: по подписке. — (дата обращения: 17.05.2026).
3. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие» общества с ограниченной ответственности «Карелия» и ряда граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.05.2005 № 5-П // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Версия Проф, сетевая, электр. дан. — М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. — Режим доступа: по подписке. — (дата обращения: 17.05.2026).
4. Решение Европейского суда по правам человека от 09.04.2009 «Дело Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации» (жалоба № 15336/02) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Версия Проф, сетевая, электр. дан. — М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. — Режим доступа: по подписке. — (дата обращения: 17.05.2026).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. — Версия Проф, сетевая, электр. дан. — М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. (дата обращения: 17.05.2026).
6. Нехороших М. Е. Кассационное производство: сущность, задачи и направления совершенствования: канд. юрид. наук. — Томск, 2018. — 288 с.

Кибертерроризм и СМИ: двойственная роль медиа в распространении идеологии террора

Рыбасова Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

Кибертерроризм превратился в одну из острых угроз XXI в., поскольку цифровые технологии открыли перед террористами новые возможности: от атак на критическую инфраструктуру до пропаганды и вербовки через интернет. В статье показано, как под влиянием научно-технического прогресса меняются способы совершения терактов и распространения идеологии насилия. Отдельно рассмотрена двойственная роль средств массовой информации: с одной стороны, СМИ могут непреднамеренно становиться инструментом террористов, обеспечивая широкую огласку их действий, с другой, выступают ключевым ресурсом противодействия.

Ключевые слова: кибертерроризм, террористическая идеология, средства массовой информации, СМИ, противодействие терроризму, пропаганда терроризма, социальные сети, цифровая трансформация.

Терроризм — одна из злободневных проблем, которая тревожит, в той или иной мере, все государства современного мира. Преступления террористической направленности признаны преступлениями международного характера, то есть такими, которые посягают на общественные отношения между государствами и дестабилизируют сотрудничество государств в различных областях; ответственность за совершение преступлений международного характера, в том числе и терроризма, предусматривается национальным законодательством, но с учетом обязательств, которые предписаны международными договорами.

Проанализировав легальное понятие «терроризм», данное в Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ [1], можно сделать следующие выводы. Во-первых, терроризм представляет собой целую идеологию — сформированную ценностную систему, которая отличается определенными идеями, взглядами на различные процессы, протекающие в окружающем мире (для обычного среднестатистического человека такие идеи и взгляды носят отрицательный характер). Кроме того, любая идеология отличается различной степенью устойчивости, она может развиваться и модернизироваться, искоренить ее практически невозможно, так как в тот или иной временной промежуток будут находиться ее последователи. Во-вторых, важнейшим признаком терроризма является его направленность на принятие решений или осуществление действий органами публичной власти, выгодных для террористического сообщества, его организаторов. В-третьих, терроризм отличается наиболее жесткими методами воздействия на власть (устрашение населения, применение различных форм насилия), причем это воздействие чаще всего направлено не на должностных лиц, являющихся непосредственными представителями власти, а на мирных жителей (косвенное влияние), что зачастую приводит к колоссальным человеческим жертвам.

Терроризм как идеология (система ценностей, хотя и негативных) требует от ее последователей активных действий, то есть выражения каких-либо идей в обществе. Ведь чтобы террористы могли воздействовать на власть, им необходимо применять различные формы и средства для того, чтобы органы власти и их должностные лица принимали выгодные для них решения. Как уже упоминалось выше, террористы используют методы устрашения и насилия, именно поэтому терроризм представляет для государства и общества большую опасность. Терроризм не только подрывает стабильность политической системы государства, но и наносит вред обществу, нарушая безопасность и стабильность общественной жизни. Терроризм проявляет себя через совокупность определенных действий, которые именуются террористической деятельностью; данная деятельность достаточно многогранна и имеет различные формы, однако стоит упомянуть, что

любые формы проявления терроризма будут отнесены к категории преступных посягательств, терроризм не принимает формы иных видов правонарушений. Таким образом, относя любые формы террористической деятельности к преступлениям, законодатель отмечает, что такие формы человеческой активности ставят в опасность объекты уголовно-правовой охраны, а именно общественную безопасность и общественный порядок, а иногда и личность, собственность, государственную власть.

Необходимо учитывать, что в период цифровой трансформации традиционные формы человеческой деятельности модернизируются, человек начинает использовать новые средства в своей деятельности, заменяя предыдущие. Терроризм не является исключением, научно-технический прогресс не обошел его стороной. Как и любая преступность, террористическая подстраивается под современные условия жизни общества, поэтому появляются новые составы преступлений. В современных условиях возникает новое понятие — кибертерроризм. Кибертерроризму присущи все признаки «традиционного» терроризма, однако он также характеризуется признаками киберпреступности в целом. Интернет как пространство, не имеющее границ, и как средство коммуникации огромного количества людей является идеальной средой для преступной деятельности и активно используется террористическими организациями для решения широкого круга задач [2, с. 18].

Кибертерроризм — особое проявление терроризма, которое характеризуется либо использованием в некоторых случаях исключительно информационных технологий, либо комбинированием информационных технологий и привычных средств осуществления террористической деятельности. Можно выделить несколько видов кибертерроризма: использование киберпространства непосредственно для совершения террористического акта; использование информационных технологий для иных террористических действий (подстрекательство к терроризму, публичные призывы к террористической деятельности, пропаганда терроризма, финансирование терроризма и т. п.). Термин «кибертерроризм» вошел в нашу жизнь в середине 1980-х годов, его автором стал Бэрри Коллин, исследователь из американского института разведки безопасности. Этим термином он обозначил террористические действия в виртуальном пространстве и предлагал применять его только для прогнозов на будущее [3, с. 48].

В законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие кибертерроризма, что, конечно же, негативно влияет на понимание того, что представляет собой данное явление и как с ним бороться. Однако оно, даже без легального закрепления, используется в нормативно-правовых актах, например, в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 05.10.2009 г. [4]. XXI век стал эпохой, когда

физические границы перестали быть препятствием для ведения войны. Сегодня сражения всё чаще переносятся в цифровое пространство, где оружием служат не танки и самолёты, а компьютерные вирусы, алгоритмы и информационные потоки. Кибертерроризм — это одно из самых опасных явлений современности. Он представляет собой целенаправленное использование цифровых технологий для дестабилизации критически важных инфраструктур, запугивания населения или принуждения государств к политическим уступкам [5, с. 109]. В отличие от классического терроризма, кибератака может быть запущена из любой точки мира, а её последствия ощущаются мгновенно и носят массовый характер.

Однако технологии меняют не только способы совершения терактов, но и механизмы распространения террористической идеологии. В этой трансформации особая роль принадлежит средствам массовой информации. Цель данной статьи заключается в анализе того, как СМИ, с одной стороны, становятся инструментом в руках кибертеррористов, а с другой — выступают ключевым средством противодействия распространению идеологии террора.

Кибертерроризм представляет собой многогранное явление. Помимо непосредственно атак на компьютерные сети, он включает в себя использование глобальной сети для пропагандистского воздействия, привлечения сторонников, финансового обеспечения и организационной координации террористических действий. Информационный фактор всегда занимал ключевое место в деятельности террористов. Без широкой огласки невозможно выполнить их главную задачу (устрашение). Если ранее террористам приходилось добиваться внимания традиционных СМИ к своим преступлениям, то сегодня они могут ограничиться созданием групп информационной поддержки, распространяющих материалы через социальные сети [6, с. 325].

Захват каналов СМИ — это одно из ключевых направлений кибертерроризма. Он преследует цель распространения ложной информации, демонстрации возможностей террористов и выдвижения требований. Реализуется через взлом сайтов новостных агентств, телеканалов или аккаунтов в соцсетях [7, с. 175].

Важнейшую роль сегодня играют мессенджеры, которые эксперты называют катализатором и множителем угроз [8, с. 16]. Именно там происходит вербовка, координация и распространение пропаганды. Пример с Дарьей Треповой, устроившей взрыв на мероприятии с Владленом Татарским, показывает трансформацию терроризма: на смену физической вербовке приходят методы дистанционного социального инжиниринга [9].

Сегодня сложился парадокс: СМИ одновременно служат и орудием террористов, и главным средством про-

тиводействия им. В этих условиях, подчеркивает Марина Мишункина (первый заместитель гендиректора ИД «Аргументы и факты»), роль традиционных СМИ как ресурсов, способных противостоять терроризму, возросла многократно [10].

Освещение терактов в СМИ регулируется рядом нормативных правовых актов, включая Кодекс профессиональной этики журналиста (1991) [11] и Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма (2001) [12]. Однако, по мнению руководителя информационного центра Национального антитеррористического комитета А. С. Пржездомского, вопросы их практического соблюдения до сих пор остаются открытыми [13]. А. С. Пржездомский в своем выступлении акцентировал внимание присутствующих и на том, что в настоящее время увеличивается число граждан РФ, вовлекаемых в террористические организации с помощью сети Интернет, представив конкретные примеры и данные статистики. В контексте сказанного А. С. Пржездомский напомнил, что предотвратить явление легче, чем впоследствии его искоренить. Поэтому в профилактике террористических угроз гражданскому обществу следует занять активную и непримиримую позицию.

Создание и распространение позитивного контента, предлагающего молодежи альтернативные примеры для подражания, считается одним из действенных методов противодействия. Так, издательский дом «Аргументы и факты» реализовал спецпроекты «Воины против демонов» (о бесланских событиях), «Доброволец» (о волонтерах) и «Вслед за отцом» (о ста отцах из разных уголков России). Последний благодаря участию певца SHAMAN привлек значительное внимание молодой аудитории: за два месяца сайт проекта посетили 100 тысяч уникальных пользователей, а материалы в соцсетях набрали более 11 миллионов просмотров.

По общему мнению, специалистов, в условиях цифровых вызовов главную защиту обеспечивает осознанность граждан. На лекциях по кибербезопасности подчеркивается: эта сфера — ответственность не только спецслужб и IT-специалистов, но и каждого, кто пользуется смартфоном, банковской картой или социальными сетями.

Ключевым направлением борьбы с идеологией терроризма признано формирование информационной культуры молодежи. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610) [14] акцентирует роль СМИ в реализации информационно-пропагандистских мер против деструктивной идеологии.

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 1. Ст. 1146.

2. Чепец С. С. Кибертерроризм как одна из угроз современному миру // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10, № 12. — С. 17–21.
3. Шхагапсоев З. Л., Бураева. Л. А. Киберпреступность и киберконфликты в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. — С. 48–50.
4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета, N 198, 20.10.2009.
5. Горбенко, А. Кибертерроризм как новая форма терроризма: проблемы противодействия / А. Горбенко // Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 11 ноября 2016 года / Под редакцией О. И. Чердакова. — Москва: Международный юридический институт, 2017. — С. 105–114.
6. Дугричилова, Д. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты распространения информации экстремистской и террористической направленности в сети Интернет как индикаторы содержания их превенции / Д. М. Дугричилова, В. И. Горенко, Н. Х. Нассер. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 19 (466). — С. 323–328. — URL: <https://moluch.ru/archive/466/102583>.
7. Иванцов, С. В. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / С. В. Иванцов, С. К. Бадамшин. — Тбилиси: Юнити, 2019. — 215 с.
8. Булатецкий, Павел Сергеевич. Влияние средств массовой информации на насильственную преступность: криминологический аспект: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Булатецкий Павел Сергеевич; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. — Москва, 2013. — 22 с.
9. Следственный комитет Российской Федерации. (2023, 4 апреля). Дарье Треповой предъявлено обвинение в совершении теракта (видео). Официальный сайт Следственного комитета РФ. Доступно по ссылке: <https://sledcom.ru/news/item/1785114/>. (дата обращения: 10.04.2026).
10. Мишункина, М. «Роль традиционных медиа растёт». Как СМИ противостоит терроризму / М. Мишункина // Аргументы и факты. — 2025. — 4 июня. — URL: <https://aif.ru/event/info/-rol-tradicionnyh-media-rastet-kak-smi-protivostoit-terrorizmu> (дата обращения: 22.05.2026).
11. Кодекс профессиональной этики журналиста: принят Первым съездом Союза журналистов СССР на конфедеративной основе 24 апр. 1991 г. — Текст: электронный // Zakon.kz: [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353759 (дата обращения: 22.05.2026).
12. Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции: приняты Федеративным советом Союза журналистов России в 2001 г. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686750/ (дата обращения: 22.05.2026). — Текст: электронный.
13. Выступление официального представителя Национального антитеррористического комитета, руководителя Информационного центра НАК А. С. Пржездомского // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 1 (20). С. 47–55.
14. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг.: утв. Президентом РФ 30 дек. 2023 г. № Пр-2610. — Текст: непосредственный.

Проблемы квалификации коррупционных правонарушений в российском праве

Сигалаев Денис Васильевич, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Введение

Коррупция в современном российском государстве представляет собой одно из наиболее опасных социально-правовых явлений, оказывающих негативное влияние на устойчивость правопорядка, эффективность публичного управления и уровень доверия граждан к институтам власти. Коррупционные проявления препятствуют реализации принципов законности, равенства и справедливости, подрывают экономическую безопасность и со-

здают угрозу нормальному функционированию государственных и муниципальных органов.

В условиях реализации национальных антикоррупционных программ и совершенствования законодательства особую значимость приобретает институт юридической ответственности за коррупционные правонарушения. Однако эффективность данного института во многом зависит от правильной квалификации соответствующих деяний. Ошибки, допущенные на стадии квалификации, приводят к искажению сути правонарушения, назна-

чению несоразмерного наказания либо освобождению виновных лиц от ответственности.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что квалификация коррупционных правонарушений остается одной из наиболее сложных задач для правоохранительных органов и судов. Это обусловлено сложностью самих коррупционных деяний, многообразием их форм, а также наличием пробелов и противоречий в действующем законодательстве. Отсутствие единых подходов к толкованию норм права приводит к формированию неоднородной судебной практики.

Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью комплексного анализа проблем квалификации коррупционных правонарушений, выявления их причин и последствий, а также определения направлений повышения эффективности правоприменения. Степень научной разработанности данной проблематики свидетельствует о наличии различных теоретических подходов, однако многие вопросы по-прежнему остаются дискуссионными.

Целью статьи является исследование проблем квалификации коррупционных правонарушений в российском праве. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: анализ правовой природы коррупционных правонарушений, выявление типичных ошибок квалификации, исследование проблем правоприменительной практики и судебных подходов.

Понятие коррупционных правонарушений и их правовая характеристика

В российском законодательстве базовое определение коррупции содержится в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в соответствии с которым коррупция включает злоупотребление должностным положением, дачу и получение взятки, коммерческий подкуп и иные незаконные действия, совершаемые в целях извлечения выгоды имущественного или неимущественного характера [1, с. 4]. Вместе с тем термин «коррупционное правонарушение» в законодательстве прямо не раскрывается, что порождает доктринальные споры и сложности в правоприменении.

Коррупционные правонарушения характеризуются рядом признаков, к числу которых относятся: наличие специального субъекта, использование служебного положения, корыстная или иная личная заинтересованность, а также причинение вреда охраняемым законом общественным отношениям. В зависимости от степени общественной опасности такие деяния могут образовывать составы преступлений, административных правонарушений либо дисциплинарных проступков.

Проблемы разграничения составов коррупционных правонарушений

Одной из ключевых проблем квалификации коррупционных правонарушений является разграничение смежных

составов преступлений и административных правонарушений коррупционной направленности. На практике наиболее наполняемыми конфликтами являются случаи разграничения получения взятки, дачи взятки, коммерческого подкупа и злоупотребления должностными полномочиями.

Особую сложность представляет определение наличия либо отсутствия возмездного характера действий должностного лица. В ряде случаев предоставление услуг, покровительство по службе либо совершение действий в пределах должностных полномочий ошибочно не признаются предметом взятки, что приводит к неверной квалификации деяния [2, с. 87].

Дополнительные трудности возникают при разграничении уголовной и административной ответственности за коррупционные правонарушения. Законодательное закрепление мелкого взяточничества не всегда позволяет четко определить границу между преступлением и административным проступком, что создает риск произвольного усмотрения правоприменителя.

Отдельного внимания заслуживает квалификация коррупционных правонарушений, совершаемых в сфере государственной и муниципальной службы. Неоднозначность подходов к определению статуса должностного лица, особенно в организациях с государственным участием, существенно осложняет процесс правовой оценки деяний и снижает уровень правовой определенности.

Проблемы квалификации коррупционных правонарушений в деятельности правоохранительных органов

Практика деятельности правоохранительных органов показывает, что наибольшее количество ошибок при квалификации коррупционных правонарушений допускается на стадии предварительного расследования. Следственные органы сталкиваются с трудностями при сборе доказательственной базы, подтверждающей наличие корыстной заинтересованности и прямого умысла лица.

В деятельности органов прокуратуры проблемы квалификации проявляются при осуществлении надзора за законностью возбуждения и расследования уголовных дел. Нередко выявляются случаи необоснованной переквалификации деяний либо прекращения уголовного преследования в связи с недоказанностью состава преступления.

Судебная стадия также характеризуется наличием квалификационных проблем. Суды вынуждены восполнять пробелы следствия, самостоятельно оценивая доказательства и устанавливая юридически значимые обстоятельства. Отсутствие единых методических подходов приводит к расхождением в судебных решениях по аналогичным делам.

Проблемы установления субъективной стороны коррупционных правонарушений

Существенные сложности при квалификации коррупционных правонарушений связаны с установлением их

субъективной стороны. Для большинства составов коррупционных преступлений обязательным признаком является наличие прямого умысла и корыстной либо иной личной заинтересованности. При этом доказывание данных элементов состава правонарушения на практике представляет значительные трудности.

В ряде случаев действия должностного лица формально соответствуют признакам коррупционного правонарушения, однако отсутствуют доказательства того, что лицо осознавало общественно опасный характер своих действий и желало наступления противоправных последствий. Это приводит к переквалификации деяния либо прекращению производства по делу в связи с недоказанностью вины [3, с. 45].

Особую сложность представляет разграничение корыстной заинтересованности и служебной ошибки. Неправильная оценка мотива поведения должностного лица может привести к необоснованному привлечению к ответственности либо, напротив, к уходу виновного лица от наказания. Отсутствие четких критериев оценки субъективной стороны коррупционных правонарушений способствует формированию противоречивой правоприменительной практики.

Для повышения качества квалификации представляется необходимым использование совокупности доказательств, включая анализ финансово-экономической деятельности, служебной переписки, а также показаний свидетелей, что позволит более точно установить направленность умысла и мотивы поведения лица.

Анализ судебной практики по вопросам квалификации коррупционных правонарушений

Существенную роль в формировании подходов к квалификации коррупционных правонарушений играет судебная практика. Анализ решений судов общей юрисдикции показывает, что при рассмотрении дел коррупционной направленности особое внимание уделяется установлению совокупности объективных и субъективных признаков состава правонарушения. Вместе с тем отсутствие единообразия в оценке аналогичных обстоятельств приводит к различным правовым последствиям.

Так, в ряде судебных решений получение незаконного вознаграждения квалифицируется как получение взятки, в то время как при схожих фактических обстоятельствах в иных делах суды приходят к выводу о наличии злоупотребления должностными полномочиями. Подобная неоднородность объясняется различным толкованием признака возмездности и характера предоставляемых услуг [3, с. 52].

Отдельного внимания заслуживает практика рассмотрения дел о привлечении к ответственности за коррупционные правонарушения в административном порядке. Суды нередко сталкиваются с проблемой разграничения мелкого взяточничества и административных правонарушений, связанных с незаконным вознаграждением от

имени юридического лица. Ошибки на данной стадии влекут отмену судебных решений вышестоящими инстанциями.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о необходимости более четкого нормативного закрепления критериев квалификации коррупционных правонарушений, а также расширения разъяснений высших судебных органов.

Теоретические подходы к решению проблем квалификации коррупционных правонарушений

В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно путей преодоления проблем квалификации коррупционных правонарушений. Одни авторы указывают на необходимость введения в законодательство самостоятельного понятия коррупционного правонарушения, что позволило бы систематизировать соответствующие составы и упростить их разграничение.

Другие исследователи акцентируют внимание на совершенствовании института специального субъекта коррупционных правонарушений. По их мнению, расширенное толкование понятия должностного лица негативно отражается на принципе юридической определенности и требует нормативного уточнения [4, с. 118].

Также в доктрине подчеркивается значимость повышения качества доказывания субъективной стороны коррупционных правонарушений. Предлагается активнее использовать финансово-экономические экспертизы, анализ служебной документации и цифровых следов, что позволит снизить риск ошибочной квалификации.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что проблемы квалификации коррупционных правонарушений остаются одними из наиболее сложных в правоприменительной практике. Их наличие обусловлено как пробелами в законодательстве, так и неоднозначностью судебных подходов к толкованию правовых норм.

Разграничение смежных составов коррупционных правонарушений, установление специального субъекта и доказательство субъективной стороны деяния требуют от правоприменителя высокой квалификации и единых методологических подходов. Отсутствие четких критериев нередко приводит к судебным ошибкам и снижает эффективность антикоррупционной политики государства.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства о противодействии коррупции должно быть направлено на уточнение понятийного аппарата, расширение разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и формирование единообразной судебной практики. Полученные выводы могут быть использованы при дальнейшем научном исследовании темы юридической ответственности за коррупционные правонарушения в рамках выпускной квалификационной работы.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях».

Конституционно-правовое регулирование и практика реализации молодежной политики в Российской Федерации

Снисарь Юлия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кузнецова Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье автором рассмотрены теоретические и правовые основы конституционно-правового регулирования в сфере молодежной политики в РФ. Проанализирована деятельность исполнительных органов государственной власти Краснодарского края в сфере молодежной политики, выявлены основные проблемы молодежной политики, связанные с финансовыми и организационными ограничениями.

Ключевые слова: конституционное право, молодежная политика, молодежь, Стратегия, национальный проект.

Молодежная политика является приоритетным направлением государственной стратегии, поскольку молодежь, как один из важных стратегических ресурсов, главный драйвер экономического развития страны, составляет наиболее динамичную и перспективную часть населения, способную внести существенный вклад в развитие экономики, науки, культуры, спорта, социальной сферы и т. д.

Место молодежной политики определяется тем, что в России проживает более 37 миллионов молодых людей. Среди них — это старшеклассники, студенты, молодые семьи, молодые специалисты, участники СВО, и каждому в свое время требуется правовая поддержка и правовое просвещение [3].

Молодежь регулярно принимает участие в деятельности государства, политических партий, общественных объединений, других субъектов общественных отношений, оказывает влияние в принятии значимых решений, в том числе совершенствовании законотворческой деятельности в сфере молодежной политики.

Понятие молодежной политики закреплено в ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

Конституционно-правовое регулирование и практика реализации молодежной политики в Российской Федерации составляет важные элементы и механизмы функционирования современного государства, направленные на защиту прав и законных интересов молодежи, обеспечение равных возможностей в социальном, культурном, духовном, интеллектуальном, психическом, профессиональном и физическом развитии, в том числе реализации потенциала молодого поколения в политической, соци-

ально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества.

Практическое воплощение молодежной политики осуществляется через различные государственные программы, проекты, гранты, стипендии, конкурсы и мероприятия с целью поддержки талантливой молодежи, развития волонтерского движения, организации досуга и отдыха молодых людей. С января 2025 года реализуется национальный проект «Молодежь и дети», направленный на создание комплексной системы поддержки и развития молодого поколения. Не менее интересная программа Росмолодежи «Больше, чем путешествие». Уже более 320 000 участников из 89 регионов открыли для себя уникальные места страны, познакомились с достижениями университетов и ведущих предприятий, реализовали социально значимые проекты и нашли единомышленников [6].

Молодежная политика, как многогранный феномен, включает в себя не только интегрированный, но и дифференцированный характер, адресована всем гражданам Российской Федерации в возрасте от 14 до 35 лет и обусловлена обширным перечнем социальных и личных задач, которые молодежь решает на каждом этапе своего становления в профессиональной сфере и формирования личностной и гражданской позиции.

В соответствии со Стратегией реализации молодежной политики на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 № 2233-р (далее — Стратегия), молодежная политика представляет собой неотъемлемую составную часть государственной политики в пределах реализации конституционных прав, свобод и законных интересов молодежи во всех сферах общественной жизни, обеспечения

возможностей успешной социализации и эффективной самореализации молодежи. Результатом реализации молодежной политики является становление и развитие патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного поколения российских граждан, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие страны.

В целях реализации Стратегии Правительством утвержден План мероприятий, в соответствии с которым исполнительные органы субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления разрабатывают и реализовывают региональные программы и иные документы.

Различные аспекты молодежной политики находят отражение в постановлениях Правительства Российской Федерации. Они касаются дополнительных мер поддержки молодежи, государственной поддержки молодых российских ученых, деятельности военно-патриотических молодежных и детских объединений, стипендиального обеспечения молодых деятелей культуры и искусства, социальной поддержки молодежи, предоставления субсидий на государственную поддержку некоммерческих организаций в целях реализации задач молодежной политики, предоставления грантов некоммерческим организациям на проведение мероприятий по сохранению

исторической памяти и гражданскому воспитанию детей и молодежи, обеспечения жильем молодых семей.

К органам, ответственным за реализацию молодежной политики в Российской Федерации, относятся:

1. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь);
2. Исполнительные органы субъектов Российской Федерации.

Правовое регулирование в сфере государственной молодежной политики в Краснодарском крае осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, другими нормативно-правовыми актами Российской Федерации, Уставом Краснодарского края, законами и другими правовыми актами Краснодарского края, Законом Краснодарского края от 4 марта 1998 г. № 123-КЗ «О государственной молодежной политике в Краснодарском крае».

Молодежная политика в Краснодарском крае, в соответствии с основными направлениями, осуществляется по установленным принципам, которые приведены на рис. 2.

Органом, осуществляющим межотраслевую координацию и управление в сфере молодежной политики, является департамент молодежной политики Краснодарского края (далее — Департамент), который проводит системную работу по созданию условий в целях развития

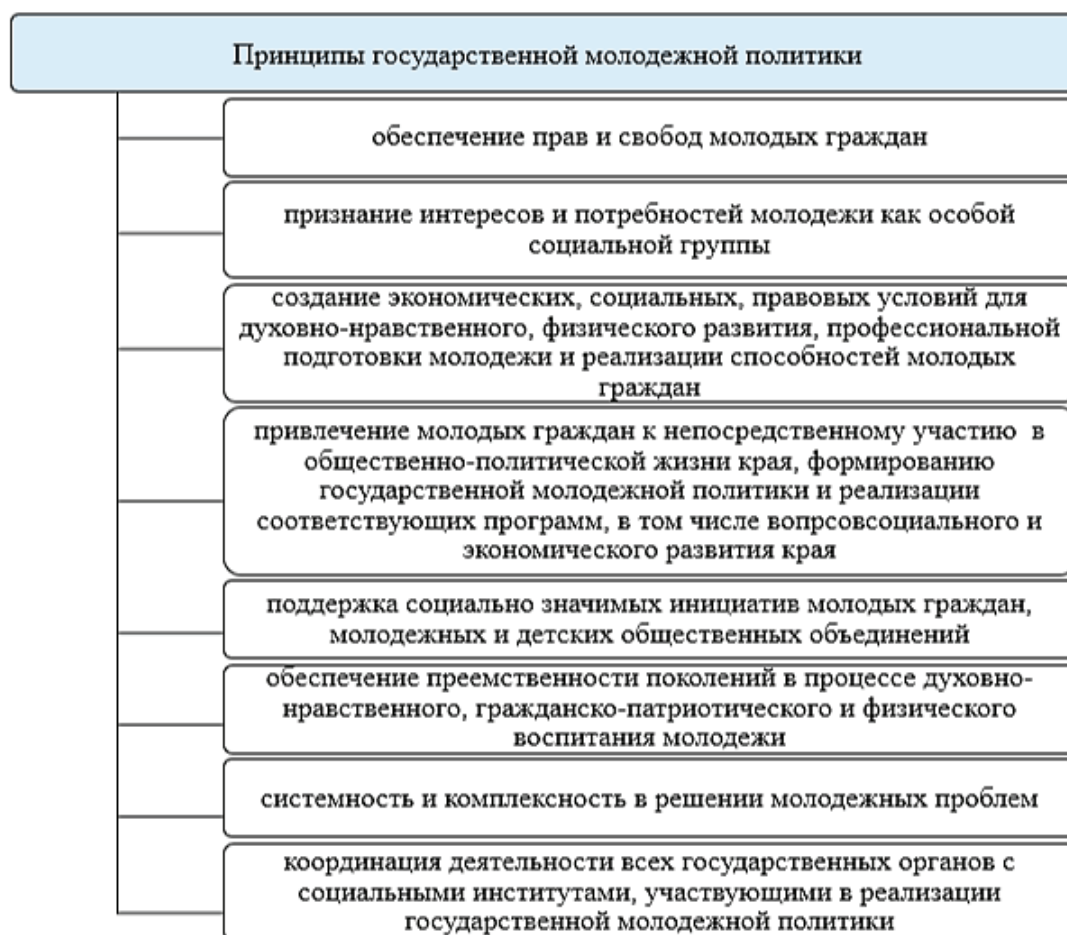

Рис. 2. Принципы государственной молодежной политики

и самореализации молодежи на территории Краснодарского края.

Реализация молодежной политики осуществляется через подведомственные учреждения — ГКУ КК «Центр патриотического воспитания молодежи Кубани», ГБУ КК «Молодежный центр развития личности», ГКУ КК «Центр молодежных инициатив», ГБУ КК «Краевая крейсерско-парусная школа», в том числе органы местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края, осуществляющие управление в сфере молодежной политики.

Меры поддержки, осуществляемые Департаментом приведены на рис. 3.

Департамент реализует следующие региональные проекты «Мы вместе» и «Россия — страна возможностей» национального проекта «Молодежь и дети».

На 1 января 2026 года на территории Краснодарского края были достигнуты следующие показатели в сфере молодежной политики:

- более 782000 человек приняли участие в проектах и программах, направленных на патриотическое воспитание;
- более 42000 участвовали в мероприятиях по продвижению традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе в проектах и программах, направленных

на патриотической воспитание, в добровольческую и общественную деятельность;

- более 350000 молодых людей были вовлечены в мероприятия, направленные на профессиональное развитие;
- около 395000 человек приняли участие в мероприятиях, проводимых на базе инфраструктуры молодежной политики.

Все эти показатели были перевыполнены.

В сфере молодежной политики выявлены следующие проблемы:

- дефицит кадров, особенно на уровне муниципальных образований;
- отсутствие комплексной инфраструктуры для реализации молодежной политики в некоторых муниципалитетах;
- неравные возможности для молодежи в городах и сельских поселениях;
- слабое взаимодействие учреждений, реализующих молодежную политику, с экспертным сообществом, образовательными организациями и бизнес-структурами.

Актуальными остаются вопросы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и противодействия деструктивному влиянию информационной среды. Невыполнение рядом муниципальных образований показателей региональных проектов связана с проблемами ка-

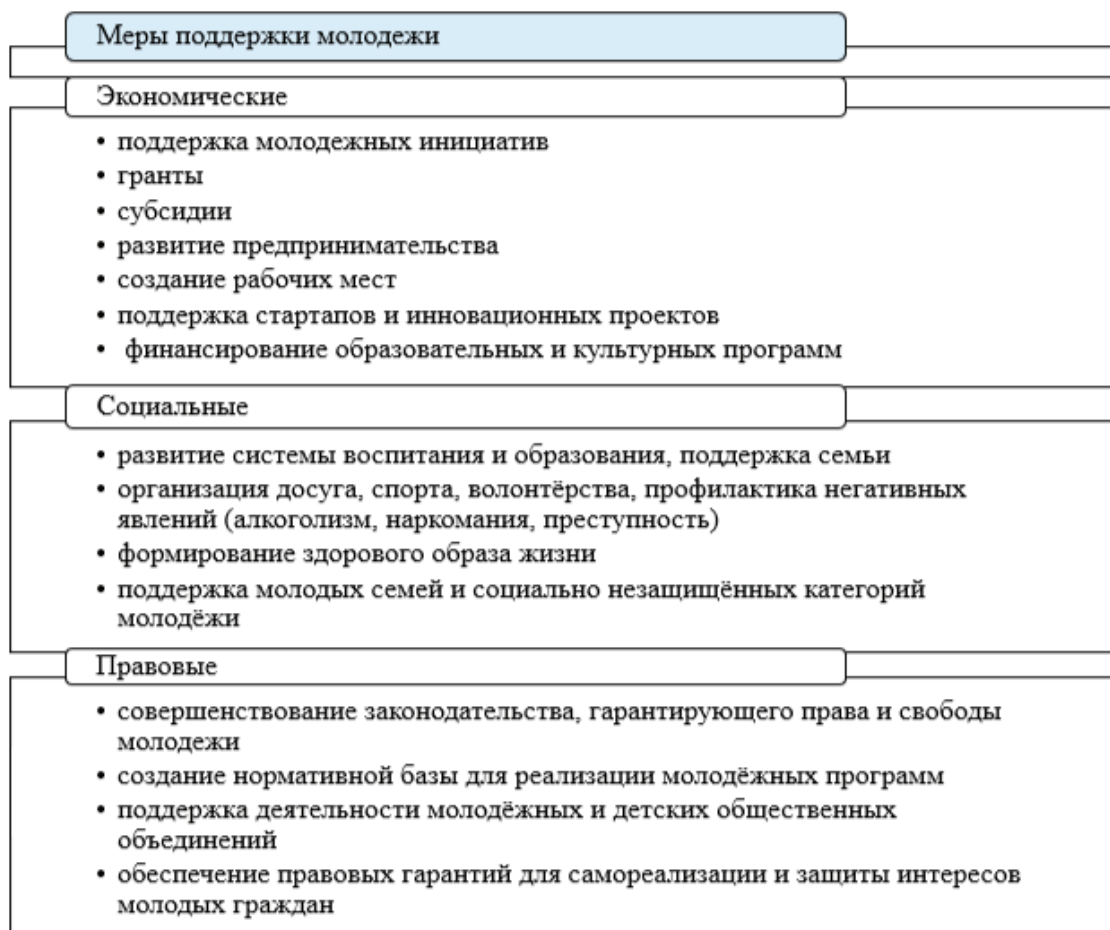

Рис. 3. Меры поддержки молодежи

дрового обеспечения муниципальных образований Краснодарского края.

Так, в первом полугодии 2025 года в учреждениях молодежной политики занято 74,7 % ставок. Также низкая вовлеченность в мероприятия зависит от отсутствия места проведения, например, в некоторых муниципальных образованиях отсутствуют молодежные центры/дома молодежи и т. д.; недостаточная осведомленность молодежи о реализуемых мероприятиях и проектах, недостаточное финансирование программ и проектов, недостаточная координация между различными ведомствами и организациями, участвующими в реализации политики, также сказывается на невыполнении плановых показателей.

Решение этих проблем возможно следующим образом:

- использовать горизонтальные форматы коммуникации, когда информация доносится до целевой аудитории от представителей молодежного сообщества без принудительного призыва к участию;

- усилить работу информационной кампании на различных интернет-ресурсах (в социальных сетях);
- проработать направления проектной деятельности для улучшения качества и количества подаваемых заявок на Всероссийские грантовые конкурсы;
- сформировать инициативные группы;
- проводить в действующих молодежных центрах районов различные мероприятия личностного развития, форумы, круглые столы, конференции и т. д.

Все эти мероприятия возможны при взаимодействии органов государственной власти, образовательных учреждений, общественных объединений и т. д.

Таким образом, взаимодействие департамента молодежной политики Краснодарского края с муниципальными образованиями строится на принципах партнерства, взаимовыручки и стремления создать условия для всестороннего развития молодого поколения региона.

Литература:

1. Доклад Общественной палаты Краснодарского края о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае.
2. Закон Краснодарского края от 4 марта 1998 г. № 123-КЗ «О молодежной политике в Краснодарском крае».
3. Защита прав станет приоритетным направлением молодежной политики в России.
4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования).
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под редакцией С. А. Комарова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 410 с.
6. Программа Росмолодёжи «Больше, чем путешествие».
7. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года».
8. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О молодежной политике в Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 11.05.2026).

Проблемы применения норм, регулирующих договор купли-продажи, в судебной практике

Стругова Елена Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кузнецова Ольга Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье автор анализирует основные проблемы применения норм, регулирующих договор купли-продажи. Актуальность этой темы состоит в том, что именно судебная практика позволяет увидеть реальные проблемы применения норм главы 30 ГК РФ. Закон закрепляет общие правила, но конкретное содержание прав и обязанностей сторон часто раскрывается только через позиции судов, особенно Верховного Суда РФ. [1]

Ключевые слова: договор купли-продажи, суд, судебная практика, существенные условия договора, правовая неопределённость.

Цель данной статьи — проанализировать основные проблемы применения норм о договоре купли-продажи в судебной практике. Для этого необходимо рассмотреть вопросы заключённости договора, правовые последствия неоплаты товара, особенности продажи не-

движимости, споры о ненадлежащем качестве товара и проблемы недействительности договора. [2]

Договор купли-продажи является одной из самых распространённых гражданско-правовых конструкций, поскольку через него в гражданском обороте передаются

вещи, недвижимост, транспортные средства, оборудование и иное имущество. [1] Несмотря на кажущуюся простоту, применение норм о купле-продаже на практике вызывает значительное число споров, связанных с оплатой товара, его качеством, передачей имущества, государственной регистрацией перехода права собственности и действительностью самой сделки. [2]

Согласно статье 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона обязуется передать вещь в собственность другой стороне, а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определённую денежную сумму. [1] Из этого следует, что для нормального исполнения договора необходимы два основных действия: передача товара и оплата его цены. [1]

Однако в судебной практике видно, что даже при наличии подписанного договора спор может возникнуть из-за самых разных обстоятельств: неясного описания предмета, отсутствия доказательств передачи вещи, спора о качестве, просрочки оплаты либо уклонения от оформления перехода права на недвижимость. [3] Поэтому применение норм о купле-продаже требует не только формального чтения закона, но и анализа конкретных доказательств по делу. [2]

Одной из первых проблем в судебной практике является установление того, можно ли считать договор заключённым. Для договора купли-продажи ключевое значение имеет согласование предмета, поскольку без этого невозможно определить, какое имущество подлежит передаче покупателю. [1]

На практике особенно часто такие проблемы возникают при продаже недвижимости. Если объект описан недостаточно определённо, возникают сомнения в том, что стороны действительно достигли соглашения по существенным условиям договора. [1] В результате суду приходится оценивать не только текст договора, но и сопутствующие документы, поведение сторон и фактическое исполнение обязательств. [3]

По моему мнению, это одна из самых типичных ошибок сторон. Они полагают, что краткого письменного документа достаточно, а остальные условия можно оставить на уровне устных договорённостей. Но в случае спора именно письменные доказательства приобретают решающее значение. [3]

Одной из наиболее важных проблем правоприменения является неоплата товара покупателем. Статья 486 ГК РФ закрепляет обязанность покупателя оплатить товар непосредственно до или после его передачи, если иное не установлено законом или договором. [1] На практике же возникает вопрос о том, можно ли в такой ситуации только взыскать деньги либо также потребовать расторжения договора. [4]

Верховный Суд РФ разъяснил, что неисполнение покупателем обязанности по оплате товара может рассматриваться как существенное нарушение договора купли-продажи. [2] Это означает, что продавец вправе требовать расторжения договора в судебном порядке, если неоплата

лишает его того, на что он рассчитывал при заключении сделки. [4]

Особенно важна позиция Верховного Суда РФ о том, что продавец, не получивший оплату по расторгнутому договору, вправе требовать возврата переданного покупателю имущества по правилам о неосновательном обогащении. [5] Иначе говоря, покупатель не может сохранить имущество у себя без законного основания, если встречное исполнение в виде оплаты не произведено. [2]

На мой взгляд, именно здесь особенно ясно проявляется связь норм о купле-продаже с общими положениями обязательственного права. Суд не ограничивается только буквальным применением статьи о купле-продаже, а использует и нормы о последствиях расторжения договора и неосновательном обогащении. [5]

Особую сложность представляют споры, связанные с договором купли-продажи недвижимости. Это объясняется тем, что здесь применяются не только общие положения о купле-продаже, но и специальные нормы статей 549, 551 и 556 ГК РФ о продаже недвижимости, государственной регистрации перехода права собственности и передаче объекта. [6]

Верховный Суд РФ указал, что, если продавец уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности, покупатель вправе требовать регистрации в судебном порядке, когда договор исполнен и недвижимость фактически передана. [7] Суд также подчеркнул, что возврат продавцом ранее полученных денег сам по себе не прекращает обязательства и не лишает покупателя прав на объект, если оплата и передача имущества уже состоялись. [3]

Эта правовая позиция имеет большое практическое значение. Она означает, что продавец не может в одностороннем порядке отменить последствия уже исполненной сделки только потому, что решил вернуть деньги покупателю. [7] Кроме того, Верховный Суд отметил, что обязательства, установленные вступившими в силу судебными актами, в том числе факт оплаты и передачи недвижимости, не подлежат повторной оценке в кассации. [6]

Существенное место в судебной практике занимают споры о передаче товара ненадлежащего качества. Согласно статье 469 ГК РФ продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует договору. [1] Но на практике основная сложность состоит в том, чтобы доказать сам факт недостатка, момент его возникновения и его существенность. [1]

В таких делах суды исследуют акты осмотра, заключения экспертов, переписку сторон, документы о ремонте и иные доказательства. Важное значение имеет вопрос о том, существовал ли недостаток на момент передачи товара либо он появился уже после передачи по причинам, не связанным с действиями продавца. [1]

По моему мнению, проблема применения этих норм заключается в том, что стороны часто используют шаблонные формулировки о том, что товар осмотрен и претензий нет. Однако даже такая оговорка не всегда исклю-

чает возможность защиты покупателя, если выявлены скрытые недостатки, которые невозможно было обнаружить при обычном осмотре. [1]

Отдельной проблемой является разграничение недействительности договора купли-продажи и его ненадлежащего исполнения. В судебной практике встречаются ситуации, когда сторона пытается признать договор недействительным, хотя спор фактически связан не с пороком сделки, а с тем, что обязательства по ней не были исполнены должным образом. [2]

Само по себе отсутствие оплаты обычно не свидетельствует о недействительности договора. Позиция судов состоит в том, что в подобных случаях должны применяться нормы о взыскании задолженности, расторжении договора или возврате имущества, а не обязательно положения о недействительности сделки. [4]

Недействительность договора может иметь место тогда, когда установлены пороки воли или иные предусмотренные законом основания, например мнимость, притворность, обман или отсутствие действительного намерения породить правовые последствия. [1] Поэтому суду важно правильно квалифицировать спор, поскольку от этого зависят как предмет доказывания, так и итоговое решение по делу. [2]

Анализ судебной практики показывает, что по делам о купле-продаже решающее значение имеет доказательственная база. Даже правильно составленный договор не гарантирует выигрыш в суде, если сторона не может

подтвердить оплату, передачу имущества, наличие недостатков товара или другие существенные обстоятельства. [3]

Особенно это заметно в спорах о недвижимости, где важны договор, акт приёма-передачи, документы об оплате и сведения о фактическом владении объектом. Верховный Суд РФ отдельно указал, что установленные вступившим в силу судебным актом обстоятельства не подлежат повторному доказыванию, что усиливает значение уже состоявшихся судебных решений между сторонами. [6]

Таким образом, проблема применения норм о купле-продаже связана не только с толкованием закона, но и с тем, насколько грамотно стороны оформляли свои отношения и собирали доказательства исполнения обязательств. [2]

Таким образом, судебная практика по договору купли-продажи показывает, что основные проблемы применения соответствующих норм связаны с установлением заключённости договора, последствиями неоплаты товара, особенностями продажи недвижимости, спорами о качестве товара и разграничением недействительности сделки и ненадлежащего исполнения обязательства. [1]

Я считаю, что для правильного понимания договора купли-продажи недостаточно знать только статьи Гражданского кодекса РФ. Необходимо учитывать и правовые позиции Верховного Суда РФ, поскольку именно они позволяют увидеть, как абстрактные нормы закона применяются в конкретных жизненных ситуациях. [7]

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Глава 30. Купля-продажа // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10164072/76f6f285769ca3565678381da7f4c707/> (дата обращения: 15.05.2026).
2. ВС РФ о расторжении договора купли-продажи ввиду неоплаты // Сибирский адвокат. 10.06.2024. URL: <https://sibadvokat.ru/magazine/sudebnaja-praktika/vs-rf-o-rastorzhennii-dogovora-kupli-prodazhi-vvidu-neoplaty> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Верховный Суд РФ: возврат продавцом оплаты не прекращает права покупателя на недвижимость // Официальный сайт суда. 24.08.2025. URL: https://usd.krm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=532 (дата обращения: 15.05.2026).
4. Верховный суд РФ разъяснил, что договор купли-продажи возможно расторгнуть из-за неоплаты товара // Право РФ. URL: <https://pravorf.ru/blog/verhovnyy-sud-rf-raz-yasnil-cto-dogovor-kupli-prodazhi-vozmozhno-rastorgnut-iz-za-neoplaty-tovara> (дата обращения: 15.05.2026).
5. ВС разъяснил последствия неоплаты договора купли-продажи // Право.ru. 09.11.2022. URL: <https://pravo.ru/news/253737/> (дата обращения: 15.05.2026).
6. Возврат продавцом оплаты не лишает покупателя прав на дом — ВС // РАПСИ. 20.08.2025. URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_analyst/20250820/311091683.html (дата обращения: 15.05.2026).
7. ВС РФ: возврат продавцом оплаты не лишает покупателя прав на недвижимость // Коммерсантъ. 19.08.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7974588> (дата обращения: 15.05.2026).

Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации

Сурчилов Владислав Валерьевич, студент
Ульяновский государственный университет

На основе историко-правового анализа документов в работе рассмотрены понятие и структура правового регулирования национальной безопасности. Выявлены основные подходы к трактовке термина, показано изменение нормативной базы во времени. Применялись общенаучные методы (анализ, синтез, абстрагирование, моделирование) и специальные (системноструктурный, функциональный, формальнологический). Использование системноправового подхода позволило построить иерархию действующих нормативных актов. С 2014 года, особенно после февраля 2022го, военные риски и политическое напряжение требуют быстрого реагирования. К числу угроз отнесены: деструктивная линия западных государств, создание у границ России иностранных военных объектов, сокращение международных контактов. В связи с этим предлагается принять федеральный закон «О национальной безопасности» в дополнение к Конституции РФ.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, стратегия, устойчивое развитие, национальные интересы, международные угрозы, суверенитет, законодательство.

Защита безопасности всегда была главной опорой любого государства, что подтверждается многовековой историей [2]. Рост опасностей и политических вызовов в условиях проведения специальной военной операции на Украине заставляет руководство страны искать результативные способы оградить интересы общества и государства. Поэтому на передний план выходит вопрос о качественном обеспечении национальной безопасности — как с организационной, так и с правовой стороны.

Прежде чем анализировать особенности правового регулирования, необходимо уточнить терминологию. Действующее российское законодательство оперирует понятиями «безопасность» и «государственная безопасность», однако их чёткие дефиниции отсутствуют. Нередко одно подменяется другим. В научной среде также нет единства. Отдельные исследователи считают «национальную безопасность» неудачной калькой с английского «national security», где слово «national» правильнее передавать как «народ, общество, государство» [1]. М. Ю. Зеленков предлагает следующее определение: «...защищённость жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, достигаемая применением системы мер политического, экономического, организационного, правового, военного, идеологического и иного характера...» [7]. А. В. Опалев пишет, что «...в широком смысле национальная безопасность — это защищённость основ существования страны. Другими словами, государственная безопасность является высшим звеном национальной безопасности» [8].

Для нас предпочтительнее позиция В. Г. Вишнякова: «...состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, достигаемого совокупностью действий органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций и человека на основе нормативных правовых актов в целях обеспечения суверенитета и территориальной целостности государства, его устойчивого и поступательного развития» [3]. Од-

нако здесь задачи по защите национальной безопасности практически совпадают с целями обеспечения государственной безопасности в её классическом понимании.

Термин «национальная безопасность» неоднократно прописывался в разных правовых актах — в указах Президента № 1300 от 17.12.1997 (Концепция, утратил силу) и № 537 от 12.05.2009 (Стратегия до 2020 г., утратил силу), причём формулировки менялись. В Стратегии 2009 определение соответствовало ст. 1 Закона РФ № 24461 от 05.03.1992 «О безопасности», из чего следовало содержательное тождество двух понятий. С нашей точки зрения, такое отождествление с позиции юридической техники недопустимо.

Действующий сейчас Федеральный закон «О безопасности» № 390ФЗ (ред. 10.07.2023) вообще не содержит определений. Зато в Стратегии, утверждённой Указом № 683 от 31.12.2015 (утратил силу), появилась расширенная трактовка: под национальной безопасностью понимается состояние, при котором защищены национальные интересы, реализуются конституционные права граждан, обеспечиваются достойный уровень жизни, гражданский мир, суверенитет, независимость и территориальная целостность, социальноэкономическое развитие.

Обобщая сказанное, мы понимаем национальную безопасность в широком смысле как сохранение физического существования общества, целостности территории и суверенитета, а также как создание условий для гражданских свобод, культурного и духовного развития. В современном мире для многих стран это главный показатель устойчивости и стабильности. Данный институт призван надёжно оберегать ключевые интересы каждого человека от внешних и внутренних опасностей. Он включает военную, экономическую, социальную, политическую и духовнонравственную сферы [4]. Обеспечение безопасности на национальном уровне является частью международной безопасности и одновременно стратегией, направленной на удовлетворение общественных потребностей [6].

Среди внутренних угроз для России мы выделяем коррупцию, имущественное расслоение, значительную долю

граждан с доходами ниже прожиточного минимума, безработицу, рост цен, а также кризисные процессы в семье как социальном институте.

Перейдём к правовому регулированию. За последние десять лет законодательство в этой области заметно обновилось — появились новые категории. Конституция РФ не использует словосочетание «национальная безопасность», но служит отправной точкой для её обеспечения. Её роль является определяющей: Основной закон регулирует общественные отношения, значимые для личной, общественной и государственной безопасности; гарантирует территориальную целостность и суверенитет; провозглашает народ единственным источником власти; прямо указывает на отдельные виды безопасности; стал основой для подзаконных актов.

Наряду с Конституцией правовую базу составляют международноправовые нормы — Всеобщая декларация прав человека (ООН, 10.12.1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (16.12.1966), Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. и другие.

Формирование современной системы законодательства началось с Закона РФ «О безопасности» № 24461 (05.03.1992). Он определял главные понятия, объекты, полномочия властей, но утратил силу после принятия ФЗ № 390 в 2010 году. Новый закон не даёт определения безопасности, однако устанавливает принципы и содержание деятельности по обеспечению государственной, общественной, экологической, экономической, военной и иных видов безопасности, описывает полномочия органов и статус Совета Безопасности РФ [10].

Уголовный кодекс РФ (№ 63ФЗ, 13.06.1996, ред. 28.04.2023) — единственный источник уголовного права. Его задача — охрана прав и свобод, собственности, общественного порядка, конституционного строя, обеспечение мира и безопасности человечества (ст. 2). УК РФ можно считать важнейшим актом для обеспечения национальной безопасности, поскольку он содержит исчерпывающий состав преступлений. В Особенной части разделы IX и XII предусматривают ответственность за терроризм, экстремизм, возрождение нацистской идеологии, распространение оружия массового уничтожения.

КоАП РФ (№ 195ФЗ, 30.12.2001, ред. 28.04.2023) регулирует административные правонарушения в сфере связи, информации, экономики, финансов, таможни, охраны границы, общественного порядка, воинского учёта.

Стратегия национальной безопасности 2021 г. напрямую связана с поправками к Конституции 2020 г. (п.

«м» ст. 71). Её особенность — возможность оперативных корректировок, что делает её гибким инструментом. Последние изменения вносились в 2020 году: они касались угрозы ослабления контроля над вооружениями и риска нарастания военнополитической напряжённости. Отдельная глава посвящена информационной безопасности.

Ввиду большой протяжённости морской границы России особое значение приобретает защита интересов в морской акватории, экономической зоне, на континентальном шельфе [5]. Эти вопросы регулируются Указом Президента № 327 от 20.07.2017 «Об утверждении Основ государственной политики в области военноморской деятельности на период до 2030 года».

Противодействие терроризму — ещё одно важное направление. Концепция противодействия терроризму (утв. 05.10.2009) определяет основные задачи, а в 2018 году утверждена Концепция противодействия легализации доходов и финансированию терроризма. Другие документы: Доктрина информационной безопасности (Указ № 646, 05.12.2016), Стратегия экономической безопасности до 2030 г. (Указ № 208, 13.05.2017) и др.

Система источников включает также региональные и подзаконные акты. Однако мы замечаем характерную черту: в ключевых направлениях отсутствуют нужные федеральные законы, а важнейшие вопросы регулируются актами «второго уровня» [9] — Военной доктриной (утв. 25.12.2014), Морской доктриной (Указ № 512, 31.07.2022), Концепцией внешней политики (Указ № 229, 31.03.2023), Основами пограничной политики (Указ № 174, 25.04.2018) и другими. Это порождает противоречия. Например, в Военной доктрине необоснованно расширены задачи по подавлению внутренних угроз в ущерб предотвращению внешних военных угроз. Данный факт прямо говорит о необходимости создания единой, стройной системы норм с чёткой иерархией и одинаковым толкованием.

Кроме того, имеются пробелы в региональном законодательстве новых территорий (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области). Правовые основы их безопасности должны разрабатываться не на основе опасений и оборонных стереотипов, а на трезвом анализе и учёте реальных возможностей.

В итоге, несмотря на относительную полноту правового регулирования, учитывая высокую социальную значимость и общенациональный характер безопасности, мы полагаем целесообразным принятие специального Федерального закона «О национальной безопасности». Такой акт способен стать базой для дальнейшего развития законодательства в этой сфере.

Литература:

1. Бобровникова О. В. Категории «государственная безопасность» и «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 25–29.
2. Ватыль В. Н. Национальная безопасность: историографические дискурсы и понятийные концепты // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2023. Т. 15, № 2. С. 122–129.

3. Вишняков В. Г. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 17–24.
4. Гагарина М. В. Влияние международных угроз на национальную безопасность России / М. В. Гагарина, А. Ханифи // Вестник Национального Института Бизнеса. 2023. № 1(49). С. 32–37.
5. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2019. — 303 с.
6. Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 9–19.
7. Зеленков М. Ю. Основы теории национальной безопасности // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 32–43.
8. Опалев А. В. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 389 с.
9. Орлянская Т. В. Система правового обеспечения национальной безопасности // Трибуна ученого. 2023. № 6. С. 89–93.
10. Феоктистов А. В., Зернов И. В. Эволюция развития законодательства о национальной безопасности в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 1(41). С. 68–76.

Формы защиты прав корпорации

Сычева Наталья Леонидовна, студент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена анализу форм защиты прав корпораций в условиях современной правовой и экономической среды. В работе раскрываются понятие и правовая природа корпорации, выделяются основные категории прав (имущественные, процессуальные, корпоративные), рассматриваются принципы их защиты в российском праве. Особое внимание уделено юрисдикционным и неюрисдикционным формам защиты, включая судебную практику, внутренние корпоративные механизмы, международные аспекты защиты прав транснациональных компаний.

Ключевые слова: корпорация, защита прав, корпоративное право, юрисдикционные формы, международные стандарты.

Корпорации играют ключевую роль в современной экономике, являясь сложными юридическими лицами с определённым набором прав и обязанностей. Рассмотрение форм защиты прав корпорации позволяет понять механизмы, посредством которых юридические лица могут эффективно отстаивать свои интересы в различных правовых ситуациях.

Актуальность темы защиты прав корпораций обусловлена растущей ролью корпоративных структур в экономике и обществе, усложнением правовых отношений, в которых они участвуют. В современных условиях усиления конкуренции, глобализации и цифровизации возрастает необходимость надежных и эффективных механизмов правовой защиты, способных обеспечить соблюдение интересов корпораций и предотвратить возможные нарушения их прав, что делает исследование форм защиты прав корпораций особенно актуальным для развития правовой системы и стабильности бизнеса.

Целью исследования является комплексный анализ существующих форм защиты прав корпораций, выявление их особенностей и эффективности.

В российской правовой науке понятие корпорации традиционно связано с организационно-правовой формой юридического лица, основанной на долевой собственности и разделении функций собственника и управления. Как отмечает А. И. Каминка, акционерная компания представляет собой «корпоративный союз лиц, образовавших

её капитал путём определённого числа равных взносов, которые дают право на участие в союзе и коими исчерпываются имущественные обязанности акционеров». В соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, к корпоративным юридическим лицам (корпорациям) относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнёрства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесённые в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, общины коренных малочисленных народов Российской Федерации [4, с. 229].

Основными характеристиками корпорации являются:

- наличие уставного капитала, разделённого на доли или акции;
- участие учредителей (участников) в управлении через органы управления;
- обособленность имущества от личного имущества участников;
- ограниченная ответственность участников по обязательствам корпорации в пределах их вкладов [2, с. 67].

Признаки отличают корпорацию от унитарных юридических лиц, где учредители не становятся участниками и не приобретают в них прав членства.

Правоспособность корпорации заключается в её способности быть субъектом гражданских прав и обязанно-

стей, а дееспособность — в способности самостоятельно осуществлять эти права и исполнять обязанности. Корпорация приобретает правоспособность с момента её государственной регистрации, а дееспособность возникает с момента её создания и продолжается до ликвидации. Корпорация как юридическое лицо обладает самостоятельной правоспособностью и дееспособностью, позво-

ляющими ей эффективно функционировать в правовых и экономических отношениях [5, с. 49].

В российском корпоративном праве права корпорации подразделяются на три основные категории: имущественные, процессуальные и корпоративные. Каждая из них играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования корпорации и защиты её интересов.

Таблица 1. Основные права корпорации

Категория прав	Примеры и содержание
Имущественные	Право собственности на имущество, право на получение прибыли, право на ликвидационную квоту, право на дивиденды.
Процессуальные	Право на обращение в суд, право на защиту в арбитражном процессе, право на участие в судебных разбирательствах.
Корпоративные	Право на участие в управлении (через собрание, совет директоров), право на получение информации, право на выход из состава корпорации.

Защита прав корпорации имеет существенное значение для поддержания экономической и правовой стабильности. Эффективная защита имущественных прав способствует сохранению и увеличению активов корпорации, что, в свою очередь, влияет на её финансовую устойчивость и способность к развитию. Процессуальные права обеспечивают возможность корпорации отстаивать свои интересы в судебных органах, что является необходимым условием для соблюдения законности и справедливости в корпоративных отношениях. Корпоративные права, такие как право на участие в управлении и получение информации, способствуют прозрачности и демократичности корпоративного управления [3, с. 71].

Общие принципы защиты прав корпорации в российском праве обеспечивают надёжную правовую основу для эффективного функционирования корпоративных структур и защиты их интересов. Ключевыми принципами являются законность, добросовестность, диспозитивность и публичность. Принцип законности требует, чтобы действия корпорации и её участников соответствовали действующему законодательству, обеспечивая предсказуемость и стабильность корпоративных отношений. Принцип добросовестности, закреплённый в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, обязывает участников корпорации действовать честно и разумно, не злоупотреблять своими правами и учитывать интересы других участников. Диспозитивность позволяет сторонам свободно регулировать свои отношения в рамках закона, что способствует гибкости и адаптивности корпоративного управления. Принцип публичности предполагает, что информация о деятельности корпорации должна быть доступна заинтересованным сторонам, включая акционеров, кредиторов и регулирующие органы, что способствует прозрачности и ответственности.

Соблюдение этих принципов обеспечивает эффективную защиту прав корпорации, способствует стабильности корпоративных отношений и повышает доверие ин-

весторов и других заинтересованных сторон. Вместе они формируют правовую культуру, основанную на уважении к правам и интересам всех участников корпоративных отношений, что является залогом успешного и долгосрочного функционирования корпорации в условиях современного рынка.

Формы защиты прав корпорации в российском праве подразделяются на юрисдикционные и неюрисдикционные. Юрисдикционная форма включает в себя обращение в государственные органы, такие как суды, арбитражные и административные органы, для разрешения споров и защиты прав корпорации. Неюрисдикционная форма предполагает использование внутреннего механизма корпорации, включая органы управления и корпоративные процедуры, для урегулирования конфликтов и защиты интересов корпорации без обращения в государственные органы [1, с. 117].

Судебная защита прав корпорации является наиболее распространённой и эффективной формой защиты. Она осуществляется в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства на основании норм Арбитражного процессуального и Гражданского процессуального кодексов Российской Федерации. Корпоративные споры могут быть рассмотрены в арбитражных судах, судах общей юрисдикции, в третейских судах. В некоторых случаях возможна защита прав корпорации через административные органы, такие как Банк России или налоговые органы, в зависимости от характера нарушения.

Неюрисдикционная форма защиты прав корпорации включает в себя действия, предпринимаемые самой корпорацией или её органами управления для предотвращения или устранения нарушений (внутренние расследования, принятие корпоративных решений, проведение собраний участников или акционеров, использование механизмов корпоративного контроля и аудита).

Примером судебной защиты прав корпорации в России является дело АФК «Система» и ПАО АНК «Башнефть». В

2014 году Арбитражный суд Москвы удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ об истребовании у АФК «Система» акций «Башнефти» в пользу государства, ссылаясь на нарушения при приватизации. При этом суд признал АФК «Система» добросовестным приобретателем, что позволило корпорации в дальнейшем взыскать убытки с продавца актива — ООО «Урал-Инвест». В 2015 году стороны заключили мировое соглашение, по которому АФК «Система» получила компенсацию в размере 46,5 млрд рублей за вычетом социальных инвестиций в Республику Башкортостан.

Другим примером является дело корпорации «Истман Кодак Компани» против предпринимателя, зарегистрировавшего доменное имя «www.kodak.ru». Арбитражный суд Москвы в 2001 году признал действия ответчика нарушением прав на товарный знак «KODAK» и обязал прекратить использование доменного имени.

Защита прав международных корпораций характеризуется рядом специфических особенностей, обусловленных трансграничным характером их деятельности, многообразием правовых систем и необходимостью соблюдения международных стандартов. В отличие от национальных корпораций, международные компании сталкиваются с необходимостью учитывать не только внутреннее законодательство стран присутствия, но и международные нормы, регулирующие корпоративную деятельность.

Одной из ключевых особенностей является применение международных механизмов разрешения споров, таких как арбитражные процедуры в рамках Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (ICSID) или арбитраж по правилам ЮНСИТРАЛ. Механизмы позволяют корпорациям защищать свои права в случае нарушения инвестиционных соглашений или других международных обязательств со стороны государств.

Международные корпорации обязаны соблюдать принципы корпоративной социальной ответственности (CSR), закреплённые в таких документах, как Руководящие

принципы ООН по бизнесу и правам человека (UNGPs) и стандарты ISO 26000. Принципы обязывают компании уважать права человека, обеспечивать прозрачность своей деятельности и учитывать влияние на окружающую среду и местные сообщества. Несоблюдение этих стандартов может привести к репутационным рискам и юридическим последствиям на международном уровне.

Современная система защиты прав корпораций сталкивается с рядом проблем, включая фрагментарность законодательства, недостаточную согласованность между Гражданским кодексом и специальными законами, слабую институциональную поддержку внесудебных механизмов разрешения корпоративных споров. В условиях глобализации и цифровизации возникают новые вызовы, связанные с трансграничными операциями и необходимостью адаптации к международным стандартам корпоративного управления. Перспективы развития форм защиты прав корпораций включают гармонизацию законодательства, внедрение цифровых технологий в корпоративное управление и усиление роли альтернативных методов разрешения споров, что позволит повысить эффективность и адаптивность правовых механизмов в быстро меняющейся деловой среде.

В заключении, формы защиты прав корпорации представляют собой элемент современного правового регулирования, обеспечивающий эффективное функционирование корпоративных структур и стабильность экономических отношений. Проведённый анализ показал, что российская правовая система обладает как институциональными, так и процессуальными механизмами для реализации и защиты прав корпораций, включая судебные и альтернативные формы разрешения споров. Однако дальнейшее совершенствование законодательства, развитие цифровых платформ корпоративного управления и учёт международных стандартов остаются необходимыми условиями для повышения правовой защищённости корпоративных субъектов в условиях глобальной экономики.

Литература:

1. Абдуллаева, Л. А. Способы защиты корпоративных прав: современное состояние и перспективы развития / Л. А. Абдуллаева // Вестник науки. — 2025. — № 3(84). — С. 117–125.
2. Гильфанова, Р. Р. К вопросу об институте защиты прав участников корпораций по действующему российскому гражданскому законодательству / Р. Р. Гильфанова // Символ науки. — 2022. — № 5(2). — С. 65–68.
3. Гриднев, Е. В. Правовая характеристика защиты корпоративных прав / Е. В. Гриднев // Образование и право. — 2023. — № 3. — С. 70–74.
4. Калпакчи, М. И. Защита прав и законных интересов участников корпоративных отношений / М. И. Калпакчи // Вестник науки. — 2023. — № 4(61). — С. 226–231.
5. Терентьев, А. В. О правах корпорации как участника корпоративных отношений / А. В. Терентьев // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2021. — № 4. — С. 49–55.

Современное состояние судебного правоприменения и проблемы определения размера взыскания субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц

Тарантов Дмитрий Николаевич, студент
Московский городской педагогический университет

Статья посвящена анализу актуальных проблем судебного правоприменения института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедурах банкротства. Исследуются правовые механизмы определения размера взыскания, изучается современная судебная практика арбитражных судов и правовые позиции Верховного Суда РФ. Особое внимание уделяется противоречиям в толковании норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также проблемам доказывания причинно-следственной связи между действиями контролирующих лиц и банкротством должника. Автор анализирует статистические данные за 2022–2024 годы, демонстрирующие рост количества привлеченных к ответственности лиц и взыскиваемых сумм. Рассматриваются основания для снижения размера субсидиарной ответственности и практические аспекты их применения судами.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц претерпел существенную трансформацию после принятия Федерального закона от 29 июля 2017 года № 266-ФЗ, которым была введена глава III.2 Закона о банкротстве. Этот механизм, как отметил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21 декабря 2017 года № 53, носит исключительный характер и направлен на восстановление нарушенных прав кредиторов в ситуациях недобросовестного использования института юридического лица [6].

Статистические данные, опубликованные Единым федеральным реестром сведений о банкротстве, демонстрируют устойчивую тенденцию к росту применения субсидиарной ответственности. В 2022 году к ответственности было привлечено 5132 лица, общая сумма взысканий составила 425,5 млрд рублей. По итогам 2023 года эти показатели изменились: количество привлеченных лиц возросло до 5275, при этом взысканная сумма составила 406,3 млрд рублей [9]. Впрочем, снижение совокупного размера взысканий на фоне роста числа ответчиков свидетельствует о постепенном смещении акцента с крупных дел на более массовые, но менее значительные по объему притязаний случаи.

Важно учитывать, что удовлетворяется чуть больше половины заявлений. В 2023 году доля удовлетворенных требований достигла 51 процента против 46 процентов годом ранее — прирост в пять процентных пунктов может показаться скромным, однако он демонстрирует устойчивое ужесточение судебной практики [9].

Законодательная конструкция субсидиарной ответственности базируется на презумпции вины контролирующих лиц. Статья 61.11 Закона о банкротстве устанавливает, что если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий либо бездействия контролирующего лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника [10]. При этом законодатель закрепляет ряд презумпций, существенно облегчающих положение заявителя в процессе доказывания.

Определение круга контролирующих должника лиц представляет значительную сложность для правоприменительной практики. Статья 61.10 Закона о банкротстве относит к таковым лиц, имеющих или имевших право давать обязательные для должника указания либо иным образом определять его действия [4]. Эта формулировка намеренно оставляет суду широкое пространство для оценки фактических обстоятельств.

Судебная практика 2023–2024 годов демонстрирует расширительное толкование понятия контролирующего лица. Помимо традиционных категорий — руководителей и участников хозяйственных обществ — к ответственности все чаще привлекаются:

- финансовые директора и заместители генеральных директоров;
- главные бухгалтеры, при условии доказанности их влияния на хозяйственные решения;
- конечные бенефициары, формально не имеющие официального статуса в структуре должника;
- выгодоприобретатели по сделкам, повлекшим отчуждение активов должника [1].

Показательным примером является практика признания контролируемыми лицами конечных бенефициаров, чье влияние реализуется через цепочку номинальных владельцев. В деле № А56–2985/2021 Верховный Суд РФ указал на необходимость выявления реального контроля, а не формального следования корпоративным документам [7].

Значительные трудности вызывает применение подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве, который презюмирует контроль со стороны выгодоприобретателя. Здесь требуется доказать, что лицо извлекло существенную выгоду из сделок должника, совершенных в течение трех лет до банкротства [4]. Однако критерии «существенности» выгоды остаются оценочными, что порождает противоречивую судебную практику в различных округах.

Закон о банкротстве предусматривает несколько самостоятельных оснований для привлечения к субсидиарной

ответственности. Статья 61.11 закрепляет ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов, статья 61.12 — за неподачу или несвоевременную подачу заявления должника о банкротстве [10].

Наиболее распространенным основанием остается ответственность по статье 61.11 Закона о банкротстве. Пункт 2 этой статьи устанавливает перечень презумпций вины контролирующего лица, при наличии которых предполагается, что именно его действия привели к невозможности расчетов с кредиторами. К таким презумпциям относятся:

- причинение существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения сделок или иных действий;
- искажение бухгалтерской отчетности либо ее непередача арбитражному управляющему;
- привлечение к административной или уголовной ответственности за правонарушения, составляющие более 50 процентов совокупного размера требований кредиторов [10].

Практическое применение этих презумпций вызывает споры. В частности, презумпция, связанная с непередачей документов, часто используется заявителями как формальное основание, хотя сама по себе утрата документации не всегда свидетельствует о причинении вреда [2].

Размер субсидиарной ответственности определяется согласно пункту 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве как совокупный размер требований кредиторов, включенных в реестр, а также заявленных после его закрытия и по текущим платежам, оставшихся непогашенными по причине недостаточности имущества должника [10]. Эта формула кажется простой, однако ее применение осложняется необходимостью учитывать динамику формирования конкурсной массы и действия самого арбитражного управляющего.

Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что контролирующее лицо вправе оспаривать размер требований, включенных в реестр, если докажет, что ранее не имело возможности участвовать в их рассмотрении [1]. Это правило направлено на обеспечение баланса интересов, однако на практике контролирующие лица редко могут опровергнуть презумпцию своего участия в делах должника.

Центральной проблемой правоприменения остается установление причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и банкротством должника. Пункт 16 Постановления Пленума ВС РФ № 53 разъясняет, что под действиями, приведшими к невозможности погашения требований кредиторов, следует понимать те, которые явились необходимой причиной банкротства [6].

Суды обязаны оценивать существенность влияния действий контролирующего лица, проверяя, насколько сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника. Впрочем, эта оценка осложняется необходимостью разграничивать нор-

мальный предпринимательский риск и недобросовестное поведение.

Показательна практика Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А32–11053/2018, где суд признал необходимой причиной банкротства действия только трех из шести контролирующих лиц, поскольку остальные не оказали определяющего влияния на финансовое состояние должника [5].

Законодательство предусматривает несколько оснований для снижения размера субсидиарной ответственности либо освобождения от нее. Пункт 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве предоставляет суду право уменьшить размер ответственности, если контролирующее лицо докажет, что размер вреда существенно меньше размера требований кредиторов [10].

Судебная практика также учитывает влияние объективных экономических факторов. Постановление Пленума ВС РФ № 53 указывает, что снизить размер ответственности можно, если на увеличение задолженности повлияли пандемия, стихийные бедствия или иные непредвиденные обстоятельства [6]. По делу о банкротстве ЗАО «Сибмост-45» размер ответственности был снижен с 195,5 млн рублей до 23,4 млн рублей именно на основании доказывания влияния объективных факторов [3].

Контролирующее лицо освобождается от ответственности, если докажет отсутствие своей вины в невозможности полного погашения требований кредиторов. Однако стандарт доказывания здесь исключительно высок: необходимо подтвердить не просто добросовестность, но и отсутствие причинно-следственной связи между своими действиями и банкротством.

Процедура привлечения к субсидиарной ответственности регламентируется статьями 61.14–61.17 Закона о банкротстве. Заявление рассматривается арбитражным судом в рамках дела о банкротстве должника. При этом производство может быть приостановлено до окончания расчетов с кредиторами, если установлены все обстоятельства для привлечения к ответственности, но невозможно определить точный размер [8].

Контролирующее лицо обязано направить отзыв на заявление, раскрыв все обстоятельства, имеющие значение для дела. Законодатель возлагает на ответчика повышенный стандарт раскрытия информации, что существенно усиливает его процессуальное бремя [2]. Непредставление отзыва может расцениваться судом как признание обстоятельств, изложенных в заявлении.

Особый процессуальный интерес представляет механизм распоряжения правом требования к контролирующему лицу. После вынесения судебного акта о привлечении к ответственности арбитражный управляющий размещает сообщение в ЕФРСБ, предоставляя кредиторам выбор между тремя вариантами:

- взыскание задолженности в рамках дела о банкротстве;
- уступка права требования арбитражному управляющему для последующей реализации;

– самостоятельное взыскание в общеисковом порядке [3].

Этот механизм призван обеспечить максимальную эффективность взыскания, однако на практике кредиторы часто выбирают уступку права требования управляющему, поскольку не готовы нести издержки самостоятельного взыскания.

Арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 4 декабря 2024 года по делу № А41–81390/2020 сформулировал важную позицию: при определении размера ответственности необходимо учитывать, имело ли лицо реальную возможность контролировать действия должника в юридически значимый период [8]. Формальное занятие должности руководителя или статус участника само по себе недостаточно для возложения ответственности за весь объем обязательств.

Интересное развитие получила практика применения субсидиарной ответственности вне рамок полноценной процедуры банкротства — так называемое квазибанкротство. Статья 61.19 Закона о банкротстве предусматривает, что прекращение дела о банкротстве в связи с недостаточностью имущества не лишает кредиторов права в течение трех лет обратиться с заявлением о взыскании убытков с контролирующих лиц [2].

Этот механизм получил активное распространение в 2023–2024 годах, поскольку позволяет кредиторам избежать затрат на финансирование полноценной процедуры банкротства, при этом используя доказательственные преимущества, предоставляемые законодательством о банкротстве. По делу № А53–12382/2024 кредитор успешно применил данную стратегию, добившись привлечения контролирующих лиц к солидарной ответственности в размере 2,2 млн рублей после прекращения дела о банкротстве [5].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 7 февраля 2023 года № 26-П подтвердил возможность применения статьи 61.11 Закона о банкротстве вне рамок дела о банкротстве, что окончательно легитимировало практику квазибанкротства [9]. Это решение существенно расширило инструментарий защиты прав кредиторов, однако породило дискуссию о границах применения специальных норм конкурсного законодательства в общеисковом производстве.

Альтернативой субсидиарной ответственности выступает взыскание убытков по общим нормам гражданского законодательства, включая статью 53.1 ГК РФ. Верховный Суд РФ разграничивает эти механизмы следующим образом: если действия контролирующих лиц явились необходимой причиной банкротства, применяются нормы о субсидиарной ответственности; если же вред не должен был привести к объективному банкротству, взыскиваются убытки в общем порядке [6].

Это разграничение имеет практическое значение, поскольку размер ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве не ограничен размером реально причиненного вреда, а определяется совокупным размером непогашенных требований кредиторов.

Анализ актов высших судебных инстанций за 2023–2025 годы позволяет выделить несколько устойчивых тенденций в правоприменении.

Во-первых, суды все более критически оценивают формальные основания привлечения к ответственности. Если ранее сам факт непередачи документов мог служить достаточным основанием, то теперь требуется доказывание того, что получение этих документов позволило бы сформировать конкурсную массу, достаточную для расчетов с кредиторами [3].

Во-вторых, наблюдается расширение круга субъектов ответственности за счет выгодоприобретателей и лиц, извлекавших прибыль из недобросовестных сделок должника. Постановление Пленума ВС РФ № 53 в редакции от 23 декабря 2025 года закрепило возможность привлечения к солидарной ответственности контролирующего выгодоприобретателя совместно с руководителем должника [6].

В-третьих, усиливается тенденция к снижению размера ответственности при доказанности объективных экономических факторов. Суды учитывают влияние санкций, ограничений, связанных с пандемией COVID-19, и других макроэкономических обстоятельств [9]. Эта практика направлена на соблюдение баланса между защитой кредиторов и недопустимостью возложения на контролирующих лиц ответственности за риски, связанные с нормальной предпринимательской деятельностью.

Законодательные перспективы института субсидиарной ответственности связаны с необходимостью устранения противоречий между различными положениями Закона о банкротстве. Существующая редакция не в полной мере учитывает ситуации, когда контролирующее лицо меняется в период нарастания признаков неплатежеспособности. Требуется более четкое разграничение ответственности нескольких контролирующих лиц, действовавших в разные периоды.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц прочно занял центральное место в системе правовых механизмов защиты интересов кредиторов при банкротстве. Статистика последних лет демонстрирует рост как количества привлекаемых лиц, так и доли удовлетворяемых требований, что свидетельствует о повышении эффективности правоприменения.

Основные проблемы современной судебной практики концентрируются вокруг определения круга контролирующих лиц, доказывания причинно-следственной связи между их действиями и банкротством, а также установления точного размера ответственности. Расширительное толкование понятия контролирующего лица, с одной стороны, препятствует уклонению от ответственности через использование номинальных структур, с другой — создает риски для добросовестных участников оборота.

Механизм определения размера взыскания, основанный на совокупном размере непогашенных требований кредиторов, в целом обеспечивает достижение компенсаторной цели субсидиарной ответственности.

Однако требуется более гибкое применение оснований для снижения размера ответственности с учетом степени вины контролирующего лица и влияния объективных экономических факторов.

Развитие практики квазбанкротства расширяет возможности кредиторов по защите своих прав, позволяя избежать затрат на финансирование полноценной процедуры банкротства. Это направление требует дальнейшего осмысления и, возможно, законодательного закрепления процессуальных особенностей рассмотрения таких споров.

Совершенствование правового регулирования субсидиарной ответственности должно идти по пути устранения пробелов в разграничении ответственности различных категорий контролирующих лиц, уточнения критериев существенности вреда и причинной связи, а также выработки более четких стандартов доказывания. Судебная практика высших инстанций последовательно движется в направлении обеспечения баланса между защитой прав кредиторов и недопустимостью возложения на контролирующих лиц ответственности за нормальный предпринимательский риск.

Литература:

1. Григорьева Н. Д. Процессуальные аспекты субсидиарной ответственности: исковая давность и права контролирующих лиц в деле о банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 8. С. 108–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-aspekty-subsidiarnoy-otvetstvennosti-iskovaya-davnost-i-prava-kontroliruyuschih-lits-v-dele-o-bankrotstve>.
2. Карелина С. А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве: тенденции и проблемы судебной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 34–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-pri-bankrotstve-tendentsii-i-problemy-sudebnoy-praktiki>.
3. Михайлова Е. В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника в процедурах банкротства // Юридическая наука. 2020. № 11. С. 65–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-dolzhnika-v-protsedurah-bankrotstva>.
4. Позиции Верховного Суда Российской Федерации о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности // Право и экономика. 2021. № 4. С. 28–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-o-privlechenii-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti>.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2024 № Ф05–9341/2022 по делу № А41–81390/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=AMS&n=543559&req=doc>.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025) «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/.
7. Привлечение контролирующих лиц «брошенной» организации к субсидиарной ответственности. Практика ЮК «Центральный округ». URL: <https://centraldep.ru/nasha-praktika/ssss/>.
8. Справочная информация: Определение размера субсидиарной ответственности // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/opredelenie_razmera_subsidiarnoj_otvetstvennosti/.
9. Тарасенко О. А. Субсидиарная ответственность — размер имеет значение // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 47–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-razmer-imeet-znachenie>.
10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)». Статья 61.11. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/6eb5758ff12ae1b07cfb8acfec122f584582ce83/.

Становление и принципы уголовного судопроизводства в России

Троицкий Валерий Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В работе рассматриваются мнения ученых о понятии и особенностях принципов уголовного права в Российской Федерации. Рассмотрен процесс развития принципов российского уголовного судопроизводства на протяжении XVIII — начала XX вв. Особое внимание уделяется современной системе принципов уголовного процесса, закрепленных в УПК РФ (законность, презумпция невиновности, состязательность, право на защиту). Делается вывод о том, что уголовное процессуальное право на современном этапе представляет собой живую систему, где «стержневые» принципы обеспечивают стабильность, а «периферические» адаптируют его к вызовам времени.

Ключевые слова: уголовный процесс, принципы уголовно-процессуального права, принцип законности, принцип независимости судей, презумпция невиновности.

Говоря о принципах уголовного процесса с исторической точки зрения, следует отметить, что, зачастую, под ними следует понимать руководящие основы и положения, которые выражены в источниках, представляющих собой систему юридических норм в сфере уголовной политики государства, призванных формировать единообразную практику их применения.

Рассмотрим мнения ученых об определении принципов уголовного судопроизводства.

К примеру, М. С. Строгович определял принципы уголовного судопроизводства как «важнейшие, руководящие правовые положения, пронизывающие весь уголовный процесс и определяющие весь строй уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений» [7, с. 171].

В свою очередь, В. З. Лукашевич считал, что «принципы уголовного процесса — это закрепленные в Конституции РФ и иных федеральных законах основные руководящие положения, определяющие порядок деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, выражающие демократизм и гуманизм уголовного процесса, обеспечивающие достижение всех его задач» [8, с. 60].

В. И. Жогин полагал, что «принципы уголовного процесса определяют структуру уголовного судопроизводства, выражают методологию исследования в уголовном процессе, обеспечивающую достижение его целей, и реализуются в конкретных уголовно-процессуальных нормах» [5, с. 571].

По мнению Р. Х. Якупова, «принципы определяют приоритеты правовых норм и через них опосредованно регулируют поведение субъектов права» [9, с. 61].

С. Б. Россинский определял принципы уголовного судопроизводства как «законодательно закреплённые основополагающие правовые положения прямого действия, которые, объективно отражая закономерности существования и развития общества и государства, определяют характерные черты уголовно-процессуальной деятельности и обуславливают общие правила построения всех ее стадий, осуществления любых процессуальных мероприятий и принятия процессуальных решений» [6, с. 49].

По мнению В. В. Вандышева, «принципы уголовного судопроизводства — это обусловленные общественным развитием исходные правовые положения общего характера, которые в своей совокупности раскрывают природу, характер, сущность, содержание уголовного судопроизводства и лежат в основе организации и функционирования всех процессуальных институтов» [3, с. 50–51].

Н. А. Громов и Ю. В. Францифоров, указывали, что «принципы уголовного процесса как вытекающие из природы Российского государства — это теоретически обоснованные и законодательно закреплённые правовые положения, которые выражают демократическую и гума-

нистическую сущность уголовного процесса, определяют построение всех его процессуальных норм, стадий и институтов и направляют уголовно-процессуальную деятельность на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством» [4, с. 10].

Таким образом, рассмотрев точки зрения приведенных ученых, мы можем сделать обоснованный вывод, что принципы уголовного процесса представляют собой те основополагающие руководящие идеи, которые регулируют содержание и основы данной отрасли, и в тоже время имеют различные измерения в зависимости от своей формы и содержания.

Также не вызывает сомнений тот факт, что соблюдение принципов уголовного процесса напрямую связано с общей эффективностью правовой системы, отражая уровень развития общества и его ведущие ценности.

Перечислим основные признанные принципы уголовного-процессуального права:

1. принцип законности, подразумевающий строгое соблюдение Основного закона страны и иного федерального и ведомственного законодательства всеми участниками процесса, а также недопустимость применения норм, противоречащих УПК РФ;

2. принцип осуществления правосудия только судом, так как согласно положению ч. 1 ст. 49 Конституции РФ «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [1];

3. принцип независимости судей, согласно которому данная категория самостоятельна в принятии решений в рамках осуществления своих полномочий, и подчиняется только Конституции РФ и законам российской Федерации;

4. принцип уважения чести и достоинства личности в рамках уголовного процесса, что предполагает защиту всех участников от ущемления их чести и достоинства, а также обеспечивает безопасность их жизни и здоровья;

5. принцип неприкосновенности личности, который применительно к уголовному процессу выражается в положениях Конституции РФ и УПК РФ о мерах процессуального принуждения, выражается в соблюдении законности оснований для задержания и заключения под стражу, ограничении срока задержания до 48 часов, а также безопасности условий содержания подозреваемых и обвиняемых;

6. принцип презумпции невиновности, который в изложении ст. 14 УПК РФ гласит «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказы-

вания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновности обвиняемого толкуются в пользу обвиняемого» [2];

7. принцип состязательности сторон предполагает их равноправие в судебном процессе. так как «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо» [2]. В свою очередь, суд создает все необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав;

8. принцип осуществления права на защиту подозреваемому и обвиняемому предполагает его обеспечение лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя;

9. принцип свободы оценки доказательств подразумевает их оценку судьей, присяжными заседателями, а также прокурором, следователем, дознавателем исключительно по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств. Участники процесса руководствуются законом и совестью, а никакие доказательства не имеют заранее установленной силы;

10. принцип языка уголовного судопроизводства предполагает, что уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках республик в составе Российской Федерации. При этом, при необходимости участникам уголовного судопроизводства предоставляется переводчик;

11. принцип права на обжалование подразумевает закрепленное в законе право участников уголовного судопроизводства обжаловать процессуальные действия и решения в соответствии с установленным порядком.

Следует отметить, что приведенные выше принципы уголовного процесса в соответствии с законом действуют на всех стадиях, а также тесно взаимосвязаны между собой, в той или иной мере дополняют и гарантируют друг друга, а при нарушении любого из них мы можем говорить о последствиях в виде отмены решения по рассматриваемому делу.

При этом, развитие принципов уголовного процесса XVIII — начала XX вв. происходило постепенно и являлось ответом на события окружающей действительности. Общественное сознание сперва откликалось на возникающие изменения, а идеологи права впоследствии выражали их в соответствующих правовых нормах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Двигателем развития принципов права во все времена было многообразие видоизменяющихся с течением времени законов, материалов судебной практики, научных трактовок и мнений. Именно плюрализм мнений и наличие практических проблем позволяло прогрессивно продвигаться в указанной отрасли.

Процесс развития принципов российского уголовного судопроизводства на протяжении XVIII — начала XX вв. следовал тенденциям к гуманизации, субъективизации и демократизации, в частности:

— тенденция к гуманизации проявлялась во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв. в условиях особой уголовной политики просвещенного абсолютизма, когда репрессия и террор вытеснялись гуманистическими идеями. Одновременно усложнялись правила назначения наказания, что позволяло варьировать степень негативного воздействия на преступника;

— тенденция к субъективизации брала начало в 30-е гг. XIX в. в условиях теоретического осмысления, когда принципы уголовной ответственности вне зависимости от вины и коллективной уголовной ответственности вытеснялись принципами вины и индивидуальной уголовной ответственности;

— тенденция к демократизации формировалась в 60-е гг. XIX — начале XX вв. на фоне социальных подвижек, вызванных либеральными реформами, когда сословные, национальные, профессиональные и иные различия между субъектами уголовной ответственности вытеснялись идеями равенства перед законом и генерализации.

Таким образом, можно говорить о том, что принципы права не остаются неизменными во все времена и эпохи, хотя они значительно более устойчивы, чем нормы права. Не являются единственно возможными, стержневыми принципы законности, равенства перед законом, вины, гуманизма и справедливости, несмотря на их постоянный характер. В дополнение к стержневым существуют также так называемые периферические принципы. Тезис о существовании «периферических» принципов, дополняющих классические, абсолютно справедлив.

Таким образом, можно сделать вывод, что уголовное процессуальное право представляет собой живую систему, где «стержневые» принципы обеспечивают стабильность, а «периферические» адаптируют его к вызовам времени. Исторический анализ подтверждает, что даже базовые идеи (например, справедливость) наполняются новым содержанием (восстановительное правосудие против возмездия).

3. Вандышев В. В. Уголовный процесс: Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 994 с.
4. Громов Н. А., Францифоров Ю. В. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования прокуратуры и судов. Основные начала. Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 2000. 160 с.
5. Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юридическая литература, 1966. 736 с.
6. Россинский С. Б. Уголовный процесс России М.: ЭКСМО, 2008. 571 с.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. 470 с.
8. Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб.: Изд. дом СПб. ун-та, 2004. 446 с.
9. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 1999. 438 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 03.06.2026. Дата выхода в свет: 10.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.